

ИЗ ЖИЗНИ АДВОКАТОВ

Москва

2024

УДК 347.965
ББК 67.75
И21

И21 **Из жизни адвокатов.**—М.: Федеральная палата адвокатов
РФ, 2024.—256 с.

ISBN 978-5-91832-120-1

УДК 347.965
ББК 67.75

Из жизни адвокатов

Подписано в печать 20.01.2024 г. Формат 60×90/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,0. Тираж 1300 экз. Заказ № 968

Отпечатано ООО «Информ-Право»
125252, г. Москва, ул. Зорге, д. 15, корп. 1

ISBN 978-5-91832-120-1

© Федеральная палата адвокатов, 2024
© Редакционно-издательское оформление
ООО «Информ-Право», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
<i>Айрапетян Нарине Павловна</i>	
Прощение	7
<i>Арутюнян Овагим Араратович</i>	
Краткая история из жизни человека, столкнувшегося с кораблем российского уголовного судопроизводства	20
<i>Байкулов Айдемиркан Бесланович</i>	
Адвокатская история.	26
<i>Белянин Максим Владимирович</i>	
.....	33
<i>Виноградова Татьяна Михайловна</i>	
Дело, в котором правило «никогда не сдавайся!», привело к полной победе	36
<i>Григорьев Геннадий Григорьевич</i>	
Дорогой правнук!	44
<i>Громова Светлана Аркадьевна</i>	
Ложь во спасение	50
<i>Губанова Елена Юрьевна</i>	
Тормоз торговли.	57
<i>Зиновьев Юрий Николаевич</i>	
Выбрались.....	63
<i>Каверзина Валентина Леонидовна</i>	
Право быть матерью в местах лишения свободы	73
<i>Каримова Зарина Асхатовна</i>	
Горький капучино	80
<i>Князев Юрий Вячеславович</i>	
.....	85
<i>Кушнерчук Оксана Владимировна</i>	
Безнадежное дело.	96
<i>Леонтьева Христина Геннадьевна</i>	
.....	102
<i>Любофеева Елена Александровна</i>	
История одного дела	110
<i>Мещеряков Михаил Николаевич</i>	
Последние милиционеры России	114

<i>Нурмагомедова Фатима Хайбулаевна</i>	132
<i>Полунина Людмила Владимировна</i>	135
<i>Портянова Полина Дмитриевна</i>	144
<i>Рахматуллин Марат Рушанович</i>	
Братуха, да не пил я! Или не надо обманывать своего адвоката	153
<i>Руднев Владимир Ильич</i>	
Вьетнамец	157
<i>Савицкий Константин Эдуардович</i>	
Шесть точек (дело 2002 года)	164
<i>Сафронов Николай Антонович</i>	176
<i>Семеновский Василий Борисович</i>	185
<i>Сотов Сергей Сергеевич</i>	
Дорога домой.	195
<i>Старикова Анна Владимировна</i>	204
<i>Суяргулов Рамил Ахметович</i>	
Рожденный трижды.	207
<i>Тарханов Рустам Игоревич</i>	216
<i>Токмаков Александр Александрович</i>	
Дело одного капитана.	225
<i>Травин Сергей Васильевич</i>	
Десять секунд.	233
<i>Тюняева Анастасия Ивановна</i>	
Одна история из адвокатских будней.	237
<i>Уткин Валерий Юрьевич</i>	
Золотая рыбка	240
<i>Ярошик Олег Дмитриевич</i>	
Правосудие ради отчетности	249

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Никогда не сдавайся» так начала свой рассказ участница конкурса по делу о восстановлении на работе. Но это наш с Вами девиз. Девиз каждого из Вас, тех, кто не сдался.

Рада представить сборник победителей конкурса «Адвокатская история». Спасибо всем авторам, моим дорогим коллегам, принявшим в нем участие. И еще за то, что каждую свою историю они не только юридически спрогнозировали и отстаивали, но и вложили кроме профессионализма — душу. Это поистине Ваши страницы жизни в профессии. За всеми этими страницами судьбы конкретных людей, которым посчастливилось встретиться с Вами. Да, далеко не всегда нам удается побеждать, но Вы не отчаялись. И Ваши истории, это не всегда истории побед, а и истории разочарований и даже предательств. Вы во все эти истории вдохнули жизнь, каждый Ваш герой оживает. Истории разные по времени, но это моменты Вашей профессиональной жизни, которые Вам запомнились, заставили задуматься или даже перевернули профессиональное сознание.. Теперь они запомнятся и нам. Мы видим, с какими стенами вы сталкивались и как Вы их преодолевали.

Все Ваши истории очень разные, но общее в них то, что для того чтобы было справедливое решение, кроме обвинения в деле должна быть защита. Это истории про то, как вашим доверителям повезло с Вами. Вы описывали даже истории «которые не имели явных юридических решений», а некоторые вообще «не про юриспруденцию, юристов, суды и правила, а про человеческое терпение».

Как правило это истории долгие, как написал один из авторов, «очень похожие на версию мифа о царе Мидасе, правда, в современной редакции, все, к чему он прикасался, превращалось в уголовные дела».

И Ваши подзащитные или доверители по гражданским делам очень разные — капитан речного судна, милиционеры линейного

отдела, простой Ивановский парень, таксист, сотрудник заповедника, девочка Мария 16 лет, — вызывали ли они сочувствие или нет, значения не имеет, Вы им помогли в сложной ситуации.

От Вас требовалось разное: и защита обвиняемых в убийстве и самовольном оставлении части, представительств в трудовом или наследственном споре.

Этот сборник объединяет всех Вас по основному принципу: Вы любите свою профессию. И это залог успеха. Очень горжусь всеми Вами. Спасибо.

Светлана Игоревна Володина
*Президент Федеральной палаты адвокатов
Российской Федерации*

ПРОЩЕНИЕ

В конце сентября у нас в городе ГСУ возбудило крупное дело по мошенничеству с банковскими картами. Целую партию людей пока в неизвестном статусе вывезли из Новосибирска к нам на допросы. Друзья одного из потенциальных подозреваемых прилетели этим же рейсом, чтобы не допустить, так сказать, произвола. С этой же целью и обратились ко мне. Был субботний день. Пришли утром, заключили соглашение. После одного звонка в ГСУ, мол «где, почему и когда», стало ясно, что выходной будет насмарку. Так как редко ошибаюсь в своих прогнозах, предусмотрительно позвонила домой, объяснилась, попросила реализовывать все свои недельные планы на отдых, ни в чём себе не отказывать, на моё присутствие не рассчитывать. Далее позвонила в палату, на всякий случай оповестила координаторов о своём соглашении. Мало ли. Через каждый час прозванивала, как он представлялся, руководителю группы Романову, уточняя, всё ли там нормально. Так как он был человеком по всем признакам порядочным, звонки не игнорировал и, не уставая, всякий раз вежливо отчеканивал: «Их ещё не привезли. Как привезут, сразу дам знать. Не волнуйтесь».

Дело шло под вечер. На работе уже все листочки по местам разложились, все хвосты доделались, все запасы «к чаю» съелись, а меня всё так и не приглашают. После какого-то седьмого или восьмого звонка почувствовала, что тактичность, вежливость и порядочность начинает испытывать дефект как со стороны звонящего, так и принимающего звонок. Ситуация накалялась. И вот, когда казалось, что всё, ждать больше бессмысленно, надо ехать, позвонил этот самый руководитель и подтвердил: «Приезжайте, они здесь, сейчас будет допрос». Через пару кварталов я оказалась на месте. Захожу в здание, расправившись, собирая весь свой, чрезмерно передержанный дух в кулак. Смотрю на диванчиках адвокаты расположились. По их развалившейся позе понимаю — не

первый час сидят, наверное, решили, что пора и полежать. По тому, что смотрят телевизор монотонным не моргающим глазом, понимаю, что уже наговорились вдоволь, да и насмотрелись видимо тоже. Пытаюсь разговорить, разведку провести. Чьих мол будете? По каким делам изволите? Выясняется все «нашенские», то есть по одному этому большому делу. Ждут, когда пригласят. Ну, думаю, «здрасьте вам пожалуйста». Не для того я офисный диван покинула, чтоб на другой переместиться. Звоню по внутреннему номеру, не стесняясь ожидающих и не в извиняющейся манере докладываю, что по звонку руководителя Романова явилась, готова приступить к своим защитительным обязанностям и прошу для этого за мной спуститься, желательно незамедлительно. Спиной чувствую, как ожидающие коллеги неодобряюще переглядываются, немые претензии мне предъявляют. Я поворачиваюсь к ним лицом, чтобы удобнее было им всё это предъявлять. Они почему-то, хотя могу догадаться почему, вдруг гнев на милость меняют. Глазами меня на диван провожают, отодвигаются. Тоже молча принимаю их предложение и присаживаюсь. Уже все вместе, доброй компанией, продолжаем молча смотреть какой-то отечественный, соответствующий месту, сериал. Так проходит час. По одному вызываются коллеги и так же по одному, отстрелявшись, выходят. Я сижу. И сериал смотрю, и за приходящими-уходящими наблюдаю. В какой-то момент приходящие заканчиваются. Одни уходящие только мелькают. С остатками былой вежливости иду к внутреннему телефону и уже без подглядываний в справочник набираю знакомый трёхзначный номер. Без всяких ненужных слов-прелюдий начинаю требовать, чтобы за мной наконец спустились. В этот момент открывается лифт первого этажа и в сторону выхода направляются два следователя, один из которых тот, за кем собственно и охочусь. Спешно пытаюсь распрощаться с собеседником по телефону, давая понять, что актуальность миновала.

— Я, конечно, всё понимаю,—преградив путь следователю, начинаю я.

— А что случилось?—делая вид, что ничего не случилось, отвечает следователь.

— Здравствуйте. В общем-то ничего такого, жду просто с утра пока допросимся, а так ничего.

— Вы по ком?

— По Комарову.

— А, понял, ну я сейчас покурю, пять минут подождите. А вообще я его ещё не допрашивал. Допрошу, потом зайдёте.

— Это как? Я же для этого и пришла. Романов мне позвонил, пригласил. Я с утра жду.

— Я пойду покурю.

— Идите, конечно, я вас жду.

Ещё не до конца понимая, что происходит, принялась выполнять своё обещание — ждать. Хожу вперёд-назад, через стеклянные двери то и дело всматриваюсь, курящих выглядываю. За углом видимо спрятались, не видно. Да и темно на улице, оттого и двери стеклянные больше как зеркала служат, нежели чем окна прозрачные. После пяти минут приходит осознание, что нужно немедленно озаботиться ордером. Наспех по инерции, практически не глядя, заполняю правую часть ордерной книжки, пренебрегая левой частью, боясь пропустить закончивших «курильную трапезу». Отрываю ордер, вставляю его в удостоверение, перекладываю в правую руку и перевожу всё это в режим боевой готовности. Жду. Через некоторое время к двери через темень надвигаются два тёмных объекта. Быстро открывают её, так же быстро проходят через турникет, и, не замечая меня, проходят к лифту. Ускоряю шаг, чтоб догнать и сравняться с ними.

— Уважаемый следователь, а я?

— А что вы? Я же вам уже всё сказал.

— погодите. Я вас тут упрашивать не буду. Разговор предельно короткий и конкретный. Я адвокат Айрапетян, явилась для защиты гражданина Комарова. Вот моё удостоверение, вот мой ордер — развернув, как сотрудник специальных служб самого главного разведывательного управления, протянула я на расправленной руке на уровне его глаз.

— Я всё ска..., — обрывисто донеслось из закрывшегося и устремившегося вверх лифта.

«Ну хорошо», — думаю я, — «Надо собраться, посидеть, подумать, накидать план действий». Прагматичности в подходе к решению сложившейся проблемы хватило на минуту, может две. Далее прагматичность сменилась на хаотичность. Начала звонить попеременно и до упора — то следователю, то руководителю — в надежде, что нервы у них работой по-

трёпаные и терпение непременно должно закончиться. Потом понимаю, что это больше на ребячество смахивает, пора и делом заняться, то есть фиксацией доказательств. Пишу в мессенджеры все то, что намеревалась сказать. Уточняю на проходной, не забыла ли она совершенно случайно мои данные внести в их журнал посещений, ведь презумпция недоверия распространилась мгновенно на всех, кто в радиусе 100 метров от эпицентра, где я нахожусь. Девушка в окошке соболезнующе кивнула. Обрадовавшись, что в здании есть как минимум один эмпатичный человек, сразу попыталась этим воспользоваться.

— Вы это видели? — начала я диалог.

— Угу, — не открывая рот, произнесла она.

— Поможете?

— Как?

— Пропустите меня наверх.

В ответ она просто посмотрела на меня такими же сопереживающими глазами, разве что задержала взгляд чуть дольше, чем прежде. Её немой спич означал примерно следующее: «У меня дети дома, работа хоть и не ахти, но другой пока нет, поэтому...» Так как устранять бабку-сторожиху хлороформом, как в «Операции Ы», в мои планы не входило, да и хлороформа под рукой не оказалось, да собственно и бабки-сторожихи нет, я решила перейти к плану Б, минуя все остальные. План Б на план был совсем не похож и сводился к тому, чтобы помимо переписок и звонков, иным образом отлить в граните, свой недопуск и нахождение в казённом учреждении. Все горячие линии к вечеру уже подостыли, суббота всё-таки, линии тоже люди, за перетруд наверняка не платят. Даже автоответчик на выходной ушёл. Дозвониться удалось лишь до обычной полиции.

— Дежурная часть слушает, — грубым голосом ответил суровый как минимум майор.

— Добрый день, точнее вечер, простите, что по такому вопросу беспокою, у вас наверняка посерьёзнее дела есть, — обрадовавшись, что хоть с кем-то могу поговорить по этому поводу, начала я.

— Представьтесь, — не реагируя на моё доброе лицемерное приветствие, оборвал майор.

— Я адвокат, со мной приключилась вот такая история, мне нужно, чтобы вы приехали, пожалуйста,— очень коротко постаралась я перейти сразу к сути проблемы.

Но майор был непреклонен. Сначала он рассказал мне, что я позорю честь «адвокатского мундира», что отвлекаю их по такому вопросу, потом пытался что-то рассказать мне про ложный донос, напоследок устроил мне экзамен на знание норм как профильного законодательства об адвокатуре, так и в области правоохранительной деятельности. Когда понял, что субъект на той стороне такой же непреклонный, просто бросил трубку. А я и перезванивать не стала, почему-то была уверена, что отчитать отчитал, но не исполнить просьбу звонящего смелости не хватит. И правда, через каких-то минут десять я уже сидела на заднем сидении патрульного автомобиля и, уже никуда не торопясь, заполняла предоставленные бланки. Через некоторое время сотрудники уточнили, всё ли получается с объяснениями, нужна ли помощь.

— Нет, я дописываю уже.

— Хорошо,— сделал радио погромче, сказал один из них.

— Вы зайдёте внутрь? Там человека удерживают уже двое суток.

— Мы что не знаем, зачем вы нас вызвали,— исполненный равнодушием ответил сотрудник.

— Это тоже. Но там и правда удерживают человека, без санкции.

— Прямо так и без санкции? — ухмылисто переспросил тот, который «плохой».

— Так точно.

— Ну что делать, раз без санкции, придётся пойти,— смеясь равнодушие на сарказм, ответил он.

Зашли в здание вместе. Сотрудники последовали наверх, я осталась внизу. Через некоторое время спустились и направились к выходу.

— Ну что, удалось поговорить?

— Да, сказал, что руководителю доложит ситуацию, подписывать отказался.

— А человек?

— Какой человек?

— Ну тот, что без санкции.

— Да отпустит он вашего человека,— прощаясь, успокоил сотрудник.

На этой позитивной ноте тоже захотелось вслед за ними покинуть этот правоохранительный негостеприимный дом. Но что в этом случае мне сказать людям, с которыми у меня заключено соглашение. Всё, что ни скажу, будет выглядеть неубедительно, убого и несолидно. «Что это за адвокат такой, который даже на допрос не смог попасть», — наверняка подумают они. Решила подождать, авось после наряда полиции ситуация как-то развернется своей более благостной стороной.

На часах дело к полуночи идёт. Потихоньку спускаются измученные следователи группы. Каждый считает долгом спросить, что я тут делаю в такое время. После того, как всю свою энергию потратила на письменные объяснения, уже нет сил на какие-то устные изъяснения ситуации третьим лицам. Отшучиваюсь и желаю хороших выходов. Далее спускается руководитель группы Романов. При виде его энергия опять откуда ни возьмись появляется. Встаю и подхожу к нему.

— Вы ещё здесь? — улыбаясь, спрашивает он.

— А где ж мне быть? Вы же меня пригласили на допрос.

— Ну пригласил.

— Непорядочно вы поступаете, товарищ следователь,— не желая более продолжать беседу, пошла я обратно к своему вдавленному в диване месту.

Эти слова его остановили, задели что ли. Подошёл и говорит: «Пойдёмте уже домой, его сейчас отпустят».

— Не пойду,— отвернувшись, отрезала я.

— Ну я тогда с вами подожду.

Сел рядом и вместе стали смотреть по привычке в сторону телевизора. Кто-то его уже успел выключить, безосновательно полагая, что уже ненадобно. Ну, думаю, ладно, выскажусь.

— Вы знаете, я всегда люблю говорить — мы сначала люди, а потом уже адвокаты, следователи, судьи, менеджеры, продавцы, да кто угодно.

— Что вы имеете ввиду?

— Я имею ввиду, что у меня нет претензий к Блохину, как к следователю. Каждый из нас делает свою работу — он свою, я свою. У меня есть претензии к нему, как к человеку.

— Опять не понял.

— Уверены, что не поняли?

— Понял, конечно.

— Как думаете, мой семимесячный живот можно не заметить?

— Вряд ли.

— А если я пальто вот так сделаю? Всё ещё заметно?— встав и расправив широкое пальто, спросила я.

— Заметно.

— Вот и я так думаю,— поникнув, села я на место.

В этот момент мне почему-то стало жаль саму себя. Как-то всё это обидно звучало, когда приобрело словесное оформление. Какая-то растоптанность в перемешку с беззащитностью вдруг охватила моё сознание. Палитра чувств была всех возможных оттенков. Мне даже стыдно стало, а вдруг Романов подумает, что всё это я затеяла, чтобы не возвращать гонорар. И вообще, что он обо мне подумает? Беременная женщина сидит в двенадцатом часу ночи в отделе, что-то тут предъявляет, почему дома не сидится ей? Неужели у неё всё так плохо? Неужели доедает последний кусок? Неужели некому заступиться? На все эти вопросы, которые я сама себе задавала от имени Романова, захотелось тут же ответить и оправдаться. Объяснить Романову, что я привыкла все проблемы решать сама. Семью свою в редких случаях посвящаю в подробности. Только в самых крайних ситуациях, когда информация просачивается вне моей воли. Семья меня уважает, принимает и позволяет мне быть такой. Это моя работа. Они волнуются за меня всегда, но не лезут, если я им говорю — не надо. Так я со своей семьей сработалась, так мне комфортно и не какому-то Романову меня судить или жизни учить. Ах если бы он вслух спросил бы меня, я бы ему объяснила, но он не спрашивал, возможно даже ничего такого и не думал. От всех этих мыслей, которые очень неприятно растревожили мою душу, на глазах появились слёзы. Очень предательские, совершенно ненужные и не красящие как профессионала. Быстро наполнив глаза, они крупными каплями стекли по лицу и дальше. Романов это увидел, но очень тонко почувствовал, что не нужно на это обращать внимание и просить меня не плакать тоже не надо. Он пересел ближе к краю дивана, так, что его спина уже не касалась спинки. Будучи практически два метра ростом, он согнул спину колесом

и мгновенно оказался примерно на моём уровне. Не выше, а такой же человек. Опёрся локтями на свои колени, подпёр руками свой подбородок и устался в какую-то случайно выбранную точку. Если бы не мой посапывающий нос, который тоже охватил процесс слезотечения, то была бы идеальная тишина. Неожиданно Романов прервал молчание не менее неожиданным предложением.

— Сникерс будете? — протягивая мне двойную шоколадку, спросил он.

— Нет, не люблю.

— А что любите?

— Я уже на 20 килограмм поправилась, так что не нужно меня провоцировать.

— А мы тут целый день на шоколадках.

— По вам и не скажешь.

— Почему?

— Худой.

— Зато счастливый, — расплывшись в улыбке и расправившись, прильнул он снова к спинке дивана.

— Думаете, это из-за шоколада?

— Определённо.

— Ну давайте тогда вашу шоколадку.

— Прекрасно. А что касается Блохина, я с ним поговорю, не обижайтесь на него. Если примите извинения от меня за него, то я буду рад и спокоен.

— Я принимаю. Идите домой, я дождусь уже своего, сказали сейчас его выпустят.

— Ну хорошо, я сейчас им скажу, чтоб побыстрее, — уже вставая, сказал он мне на прощание.

— Хорошо, спасибо.

Через некоторое время открылся лифт и появился человек в чёрном спортивном костюме из шуршащей тонкой ткани со светоотражающими серыми широкими полосками. Костюм был похож на тюремную робу.

— Вы Комаров? — подскочила я к нему со скоростью.

— Да, это я, — спокойным голосом и с вопросительным выражением лица ответил он.

— А вы не знаете, кто я?

— Нет.

— Я адвокат Айрапетян. Ваши друзья, которые смогли вылететь с вами одним рейсом, со мной заключили соглашение в ваших интересах.

— Да, они мне обещали, что найдут адвоката. Я им сразу сказал—не надо, я сам со всем справлюсь.

— Как бы оно ни было, я здесь.

— Да, очень приятно.

— Вас допрашивали?

— Да, задавали вопросы.

— Так долго?

— Нет, сейчас пальцы откатывали. Сказали завтра прийти и никуда не уезжать.

— Понятно. У меня тут война случилась. Давайте я подвезу вас до гостиницы, в которой остановились ваши друзья, здесь рядом, и всё расскажу.

— Давайте.

Вышли из здания и последовали к машине. Перед тем, как сесть в машину он подозрительно огляделся вокруг, несколько секунд подумал, потом всё-таки сел. Положил вещевую чёрную сумку себе на колени и уже внутри машины начал всматриваться в темноту, как будто кого-то выискивая.

— Бойтесь? — полюбопытствовала я.

— Нет.

— Хотите покажу вам удостоверение, может вы думаете, что я какой-нибудь оборотень в белом пальто, — смеясь, полезла я за удостоверением.

Он взял удостоверение в руки, посмотрел на фото, потом на меня, потом опять на фото.

— А так похожа, — повернувшись в анфас, сделав соответствующее выражение лица и убрав волосы за уши, спросила я.

Он промолчал, обернулся назад, осмотрел бегло салон, потом опять начал вглядываться в темень.

— Так что, идентификация прошла успешно? — трогаясь с места, продолжила я попытку разговорить пассажира на отвлеченные темы.

— Мне нужно найти оперативника, который сопровождал в полёте. Сможем узнать?

— А фамилия?

— Не спросил. Ну это же можно узнать?

— Можно. Вам зачем?

— Просто поговорить надо.

— Вам завтра во сколько надо быть?

— В 11.

— Я буду, там и разберёмся. И с опером, и со всем остальным.

— Хорошо.

Тем временем, я уже доехала до гостиницы, которая была напротив отдела через многоголосную дорогу с разделителем.

— Мы приехали. Пойдёте или поговорим?

— Устал, честно сказать.

— Да, вам нужно отдохнуть.

— Тогда до завтра?

— Да, завтра в 11.

Вышел из машины и всё ещё оглядываясь по сторонам, пошёл в сторону большой светящейся желтой вывески гостиницы. Вероятно, эту гостиницу придумали как раз для таких посетителей. Такое временное убежище для маргиналов — то ли свидетелей, то ли подозреваемых. По дороге домой позвонила его друзьям, заключившим соглашение, доложила обстановку.

— Как-то он себя странно ведёт. Он всегда такой или ситуация обязывает?

— Даже не знаю, вроде нормальный парень.

— Безусловно нормальный. Ведёт себя просто непонятно.

— Поговорим с ним.

— Договорились с ним на 11 завтра.

— Мы останемся ещё на день, а потом полетим обратно домой.

— Поняла, до завтра.

На следующий день ровно в 11 я была на месте. Подъехав к парковке, увидела знакомые силуэты. «Уже хорошо», — подумалось мне, — «никто никого не допрашивает, никто без никого никуда не пошёл». Обрадованная уже этим фактом, выпорхнула с машины и подошла к этой компании.

— Ну что, здравствуйте, — бодро начала я.

— Добрый день и вам, — довольно сдержанным тоном хором ответили они.

— Как спалось на новом месте? — продолжая в стиле «small talk», спросила я.

— Да бывало и лучше, — ответил один из друзей, по всем признакам явно привыкший к более комфортному времяпрепровождению.

— Ну ничего, бывает и такое, — демонстрируя житейскую, а скорее даже профессиональную мудрость, подчеркнула я.

— Да мы и не жалуемся, хорошая гостиница.

— Я в общем-то не про гостиницу. А впрочем... Ну что, пойдёмте посмотрим, что вы там без меня уже успели наговорить?

— Пойдёмте, — мгновенно придав себе движение, согласился Комаров.

Вместе мы последовали внутрь здания. По дороге он напомнил мне про оперуполномоченного, мол надо узнать во что бы то ни стало. Ещё раз подтвердила, что раз надо, так надо. Записали на проходной наши данные, через некоторое время спустился следователь. Всё тот же следователь, с теми же чертами лица, с той же фигурой и походкой, с той же рубашкой, что и вчера. Он был как будто тот же, но другой. Не знаю, что на него повлияло. Романов ли это был, перечитал ли он УПК за ночь, или практику, или наше, о боже, адвокатское законодательство. Или без влияния сторонних сил как-то в голове у него все устаканилось. Но вёл он себя исключительно прилично. Такое приличие было неловко разбавлять своими женскими неприличными разборками. Я и не стала эксперименты, не свойственные моей манере, затевать. Мы оба всё понимали без слов. И относительно случившегося, и относительно происходящего, и относительно возможного развития событий. Достаточно в монотонной форме прошёл вторичный допрос. И даже первичный полупризнавательный вчерашний допрос без моего участия не смог вывести меня из состояния, которое я себе спрограммировала. Сквозь призму невысказанных претензий, в воздухе витало упорное — «он должен непременно извиниться». Он и сам это понимал, но изо всех своих сил держался и не делал. В какой-то момент уровень моих притязаний упал до критического — пусть просто молча извиниться, мне хватит. Но и этого не случилось. Так и попрощались.

На выходе Комаров напомнил про оперуполномоченного. У каждого из нас были очевидно свои приоритетные проблемы. Чтобы одну из проблем нивелировать, пришлось вклю-

чить свои розыскные способности и установить-таки этого человека. За всё это время мне ни разу не было объяснено, с какой собственно целью мы его устанавливаем. А я и не интересовалась излишне. Это тот вероятно случай, когда дефицит информации оказывается полезнее и безопаснее его профицита. Комарову я попыталась ещё раз описать произошедшее вчера, чтобы им овладел тот же гнев, что и мною. Но или я была недостаточно убедительна, или он был достаточно убеждён в иных более действенных способах урегулирования всех конфликтных ситуаций. Как результат—в каком бы то ни было оспаривании он меня не поддержал, прагматически рассудив, что «всё это может усугубить». «Ну если оно не надо главному человеку, ради кого, то и у адвоката другие дела, где повозиться надо, найдутся»,—подумалось мне тогда.

В результате никого никуда больше не вызывали. Статус свидетеля был так и сохранён. Все вернулись по своим привычным местам проживания и продолжили заниматься своим бытом. Про Блохина я ещё помнила примерно неделю, пока при удобном случае на лавочках ожидания судебных процессов, рассказывала надежным в плане нераспространения информации коллегам о приключившемся со мной. Примерно через три месяца я снова вспомнила Блохина, и не просто вспомнила, а столкнулась с ним «нарочно» в условиях следственного изолятора по другому делу.

— Опять вы? — не скрывая своих эмоций с порога в следственный кабинет выдала я.

— Да, я в группу включён,—невозмутимо ответил он.

— Вы не в курсе, когда уже на замену меры выйдем?

— Мне не сообщали ещё. Я думал одноэпизодники все уже вышли.

— Да нет, как видите.

Потом завязалась беседа с другими адвокатами по этому же большому делу. Их всех впустили в один следственный кабинет. Кажется, Блохин ещё что-то хотел сказать, но ситуация не позволяла. Было слишком много свидетелей. Я подписала свои положенные документы, удостоверилась, что могу быть свободна, задала Блохину тот же немой вопрос, что и тогда. Но, как и прежде, не увидела ответа. Забрав свой телефон на выходе из изолятора, я вместо разбора всего пропущенного за время вынужденного «не в сети», полезла в ка-

лендарь. Оказалось, что трехмесячный срок обжалования истекает на следующий день. «Сочтём это за знак»,— подумала я, — «Ну что, Блохин, ничего личного, как говорится. Злиться я уже не злюсь, извинения мне по сути и тогда были не нужны, так, для порядка просто, подзащитному оно вообще не надо. Но как ты, мужчина, мог с беременной женщиной так себя повести?»— крутилось у меня в голове. Ну собственно так совпало, что и вечерок выдался более или менее свободный. Всё написалось и отправилось. Комарова предупредила, что не в его интересах, а в своих «адвокатских» поборюсь. По голосу энтузиазма не услышала, но мне он был и не нужен, мне своего хватало на тот момент.

В суд Блохин пришёл со второй попытки. Человек он служивый, рассчитывать, что встанет и скажет— был не прав, каюсь, было бы очень глупым, но я, честно сказать, рассчитывала. Он же вместо всего этого встал, что-то рассказал про якобы непредставленный ордер и про то, что он не в курсе по какому делу я была в ночное время в здании. «Мало ли по какому?»— всерьёз озвучил он. Ну собственно на это и возразить было нечего, действительно, мало ли зачем нужно было сидеть множество часов в субботний вечер в холле главного следственного управления. Ничего, что там нет автомата с кофе, ведь я не особенный любитель, зато там есть отличный телевизор с не менее отличными сериалами. В результате рассмотрения дела суд удовлетворил мою жалобу, действия следователя признал незаконными.

Мне удалось увидеть следователя и после ещё по другому делу. Немых вопросов уже не было, был вопрос вслух про обжалование. Он, не поднимая глаз, ответил, что «это управление обжалует, мне оно вообще не надо». «Не надо ему... осознал возможно»— подумала я. А возможно и не осознал. Но я прощаю. Так и попрощались.

Арутюнян Овагим Араратович
АП Ставропольского края

КРАТКАЯ ИСТОРИЯ ИЗ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА, СТОЛКНУВШЕГОСЯ С КОРАБЛЕМ РОССИЙСКОГО УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА

*За прокурором стоит закон, а за адвокатом —
человек со своей судьбой, со своими чаяниями,
и этот человек взбирается на адвоката, ищет
у него защиты, и очень страшно поскользнуться
с такой ношей.*

Федор Никифорович Плевако

История, о которой я хочу рассказать ниже, одновременно и трагичная, и радостная. Да, такое бывает!

Трагичная, потому что в результате данных событий умер младенец... Радостная, потому что удалось спасти от уголовной ответственности и непристойного социального пятна абсолютно невинного человека — врача.

Удалось это все несколько нестандартным способом, по крайней мере, не совсем так, как я ожидал и планировал.

По прошествии чуть менее двух лет после начала своей адвокатской деятельности, летом 2019 года я принял на себя защиту интересов врача общей практики, которую подозревали в том, что из-за ее некомпетентных действий наступила смерть восьмимесячного младенца.

Признаюсь, на тот момент — это дело было самым сложным с моральной и психологической точки зрения в моей практике, тем более, что ее невиновность была очевидна невооружённым взглядом на самых ранних этапах производства по делу.

Обстоятельства дела

Практически сразу после рождения у ребенка начались некоторые проблемы со здоровьем, а точнее с пищеварением и кишечником.

После примерно пяти-шести месяцев фактически безрезультатного лечения у дежурного врача педиатра в городской детской поликлинике, мать ребенка решила отправиться на прием к другому врачу (она и станет в дальнейшем моей доверительницей) в другой населенный пункт в частную клинику.

Прием у врача-доверительницы произошел где-то в последних числах сентября 2018 года, где врач прописала лечение и назначила повторный прием с результатами анализов через десять дней, то есть в начале октября 2018 года.

При повторном приеме результаты анализов и сама мать констатировали улучшение здоровья ребенка, после чего врач-доверительница рекомендовала дальнейшее наблюдение у дежурного врача-педиатра в городской детской поликлинике по месту проживания матери и ребенка. Со слов матери, у них не было возможности постоянно ездить в другой населенный пункт на платный прием.

В начале декабря 2018 года, то есть по прошествии около двух месяцев с момента последнего посещения врача-доверительницы, ребенок скончался в городской больнице от инфекционного заражения.

Уголовное дело по факту смерти ребенка

«С легкой руки» комиссии государственных судебно-медицинских экспертов, подведомственных министерству здравоохранения субъекта РФ, было получено заключение комиссии экспертов, согласно которой вина за смерть ребенка возлагалась на (!!!) врача-доверительницу частной клиники, в то же время никакой виновности ни одного врача государственных медицинских учреждений не установлено.

При этом:

— в заключении экспертов неверно было указано время смерти ребенка (в начале февраля 2019 года);

— три члена комиссии дали подписки по ст. 307 УК РФ в день окончания экспертного исследования;

— в заключении экспертов не было указано какие именно нормативно-правовые акты нарушила врач при установлении диагноза и назначении лечения ребенку;

— выводы экспертов не были мотивированы ссылками на научную литературу и методику;

— в комиссии экспертов не присутствовал ни один практикующий врач, а только сотрудники экспертного учреждения и преподаватели медицинских учебных заведений и т. д.

Кроме того, сама мать ребенка в своем заявлении в следственный орган прямо указывала, кто из врачей виноват в смерти ее ребенка: 1) дежурный врач-педиатр в городской детской поликлинике, у которой они были на учете с момента рождения ребенка. Со слов матери, в последние недели жизни ребенка она просила врача-педиатра перевести ребенка на стационарное лечение в инфекционное отделение, на что последняя ответила, что расстройство кишечника у ребенка происходит на фоне прорезывания зубов; 2) заведующий отделением реанимации в городской поликлинике, который не переводил ребенка в реанимацию в течении двух дней, а перевел лишь в день смерти.

Несмотря на эти и иные сведения, а также медицинские документы, которые имелись у комиссии экспертов и следователя, уголовное преследование было инициировано в отношении врача-доверительницы.

Кроме того, в дальнейшем, уже после возбуждения уголовного дела, проведение экспертизы вновь было назначено в указанное экспертное учреждение, с чем мы категорически не соглашались.

Прекращение уголовного преследования в отношении врача-доверительницы

Сразу после уведомления о выдвинутом подозрении в отношении моей доверительницы, мы обжаловали постановление о возбуждении уголовного дела в суд в порядке ст. 125 УПК РФ.

Судебных заседаний по нашей жалобе было три, поскольку защита ходатайствовала о вызове то одного следователя, то другого, которые так или иначе имели отношение к до следственной проверке по данному материалу. Судья поначалу удовлетворял ходатайства стороны защиты, поскольку сам до конца не мог понять откуда идут истоки этого уголовного дела, и на возражения прокурора отвечал уверенно и жестко (те, кто ходят в судебные процессы, знают какая это редкость). Но в последнем заседании судью как будто подменили. Теперь сторона защиты оказалась под давлением: вопро-

сы снимаются, ходатайства отклоняются и т. д. В итоге, нам отказали в удовлетворении жалобы. Доверительница была шокирована. Она не понимала, почему в последнем заседании нам во всем отказали. Она полагала (обосновано, надо отметить), что в этот день все для нее закончится.

Но нет!

В дальнейшем указанное постановление суда мы обжаловали в апелляционном порядке, но также безрезультатно.

После этого были поданы еще около полутора десятка разнообразных жалоб и обращений в прокуратуру, следственное управление СК РФ по Ставропольскому краю и ГСУ СК по СКФО, но также безрезультатно.

Однажды совершенно случайно (но мы знаем, что в жизни случайности не случайны) я увидел на сайте следственного управления СК РФ по Ставропольскому краю новость, что в определённую дату руководством следственного управления совместно с руководством министерства здравоохранения Ставропольского края будет проводиться приём граждан по вопросам расследования уголовных дел в отношении медицинских работников.

Увидев в этом реальную возможность донести до следственного органа и министерства здравоохранения нашу позицию, я сразу же связался со своей доверительницей, объяснил ей ситуацию, предоставил номер телефона следственного органа и попросил сразу же позвонить и записаться на прием. Она так и сделала.

За неделю до личного приема я прибыл в краевую столицу в следственное управление СК РФ по Ставропольскому краю и подал жалобу, в которой указал все доводы стороны защиты.

Явившись в назначенный день на личный прием, нас провели в холл, где мы встретили «нашего» следователя и заместителя руководителя следственного отдела, которых, как мы в дальнейшем узнали, также пригласили для участия в рассмотрении нашего вопроса.

По прошествии некоторого времени нас пригласили пройти в кабинет, где вели совместный прием руководство и сотрудники следственного управления и министерства здравоохранения.

Первой слово предоставили моей доверительнице как инициатору приема. Мы с ней заранее определили сферы выступления—она выступает с точки зрения медицинского права и своих обязанностей, я же даю анализ нарушениям уголовного и уголовно-процессуального закона при производстве по делу.

Выслушав наши доводы, в том числе и о том, что мы возражаем против проведения экспертного исследования в том экспертном учреждении, куда оно было назначено, заместитель руководителя следственного управления дал поручение нижестоящему сотруднику истребовать дело из городского следственного отдела в следственное управление для его изучения.

По истечению нескольких дней после приема, в клинику, где осуществляла свою деятельность моя доверительница, прибыла комиссия из Росздравнадзора с проверкой ее деятельности по лечению младенца. Нарушений в ее действиях установлено не было.

И вот, 30 ноября 2019 года следователь вызвал нас в следственный отдел и ознакомил с заключением комиссии экспертов, согласно которой в действиях моей доверительницы и смерти ребенка отсутствует причинно-следственная связь, а установлена вина другого врача—дежурного врача-педиатра.

После чего следователь сообщил, что дело в отношении моей доверительницы прекращается в связи с отсутствием в ее действиях состава преступления, и дело будет направлено в другой следственный отдел для расследования в отношении врача-педиатра.

На довод следователя о том, что она имеет право на реабилитацию, моя доверительница, очевидно устав от всех этих эмоционально-тяжелых разбирательств, ответила: *«Что значит право на реабилитацию? Я могу на Вас подать в суд? Да нет, спасибо. Мне от Вас ничего не надо, только оставьте меня в покое. Я буду за километр обходить Ваш отдел».*

Тогда у меня возник вопрос—почему же она не захотела обращаться в суд за компенсацией?

Наверное, человек действительно измучился за эти несколько месяцев, но, мне кажется, что она несколько разочаровалась в судебной власти после нашего с ней участия в суде первой и апелляционной инстанции в порядке ст. 125 УПК РФ, о котором я выше уже рассказывал.

К такому умозаключению я пришел анализирую внешнюю сторону ее эмоционального состояния и один характерный эпизод, который произошел в коридоре суда апелляционной инстанции.

Ожидая судебное заседание в коридоре Ставропольского краевого суда моя доверительница довольно-таки громким голосом (но видно было, что не специально) задает мне вопрос: *«Овагим, здесь тоже обязательно надо вставить и говорить: «Ваша Честь»?»*

В эти доли секунды у меня в голове помелькает мысль: *«В чем корень данного вопроса, откуда он родился у нее в голове, не судья ли первой инстанции виноват, что у человека, который впервой столкнулся с правосудием, возникла такая мысль»,* но это были всего лишь мои рассуждения, и я ей быстро ответил: — *«Да, надо также вставить и говорить: «Ваша Честь».*

Она опять опустила голову и также «ушла» в свои размышления...

Приходится констатировать тот факт, что очевидную невиновность врача-доверительницы на начальных этапах не увидели (или не захотели увидеть) ни следователь, который возбуждал уголовное дело в отношении нее, ни прокурор, который проверял законность возбуждения дела и участвовал в судебном заседании по рассмотрению нашей жалобы в порядке ст. 125 УПК РФ, ни суд первой и апелляционной инстанций, куда мы обжаловали постановление о возбуждении уголовного дела.

Это удалось только благодаря тому, что мы записались и явились на прием к руководству следственного управления и министерства здравоохранения Ставропольского края, где рассматривались вопросы расследования уголовных дел в отношении медицинских работников.

В настоящее время моя доверительница продолжает свою тяжёлую, но важную жизненную миссию — лечить людей. Кстати, я тоже к ней обращался несколько раз за медицинской помощью.

Я искренне рад за нее! Вдвойне рад, что смог приложить к торжеству справедливости свою руку!

Как здесь не вспомнить изречение из римского права: *«Ius estars boni et aequi»* (с рим. *«Право есть искусство добра и справедливости»*).

АДВОКАТСКАЯ ИСТОРИЯ

Дедушка по сути, но не по закону.

Материнство — факт.

Отцовство — мнение.

О. Уальд

В том факте, что чужая семья — потемки, я убедился осенью 2017 года, когда ко мне обратилась Гребцова Анастасия Александровна с проблемой, связанной с получением наследства после смерти ее бабушки и дедушки.

История доверительницы была абсолютно банальна: являясь сиротой, своих родителей не знала, всю жизнь прожила с дедушкой и бабушкой, после смерти которых нотариус отказался выдавать свидетельство о праве собственности на имущество.

Изложенные обстоятельства не вызывали сомнений, что ситуация решается без особых проблем и не является экстраординарной.

Первоначальным предположением была вероятность осуществления розыска нотариусом родственников, которые претендовали ли бы на данное имущество, в связи с чем и поступил отказ выдавать право на наследство. Следует оговориться, что такие родственники в действительности были.

Совершенно неожиданно после проведенной консультации с нотариусом всплыл интересный факт: Гребцова А. А. вовсе не является внучкой умершего дедушки и не имеет права на наследство, которое было оставлено после его смерти. Эту информацию подтвердила и сама Гребцова А. А. Дело стало все запутанным.

Итак, как говорится, фигура первая «Лирическая»

Гребцова А. А. (в девичестве Черноскутова) родилась 29 июля 1988 года, мать — Фоминых Ирина Вячеславовна, отец — Черноскутов Александр Владимирович, в официальном браке родители никогда не состояли.

Начиная с 1992 года Гребцова А. А. на постоянной основе проживала со своей бабушкой по линии отца Черноскутовой Валентиной Васильевной.

5 ноября 1996 года между Юхименко Николаем Максимовичем и Черноскутовой Валентиной Васильевной был заключен брак, который и просуществовал до самой их смерти, в связи с чем Гребцова А. А. не без оснований полагала, что Юхименко Н. М.— её настоящий дедушка.

2 ноября 1999 года распоряжением мэрии города Краснодара № 2037/г Черноскутова В. В. была назначена опекуном Черноскутовой А. А. до совершеннолетия.

3 октября 2012 года умерла Черноскутова В. В., которой на праве собственности в период брака были приобретены земельный участок и жилое строение на земельном участке.

Юхименко Н. М. было получено 1/4 земельного участка и жилого строения на земельном участке, Гребцовой А. А.— 3/4 земельного участка и жилого строения.

Уже после смерти Черноскутовой В. В. в 2015 году Юхименко Н. М. на основании решения Ленинского районного суда города Краснодара был приватизирован гаражный бокс и квартира, в которой собственно и проживала вся семья в составе дедушки, бабушки и внучки начиная с 1996 года. После смерти Юхименко Н. М. в 2017 году получение право собственности на его имущество для Гребцовой А. А. стало главной проблемой.

Выстраивая родственные связи между Юхименко Н. М. и Гребцовой А. А. в том смысле, в котором его понимает Гражданский кодекс Российской Федерации, становится очевидно, что Гребцова А. А. не могла принять наследство, оставленное после своего дедушки, так как по закону она с ним не имела родственных связей и не входила в число наследников первой, второй, третьей и последующих очередей.

Гребцова А. А. также не была наследником по праву представления, не имела права на наследование усыновлёнными и усыновителями, так как Юхименко Н. М. не был ее опекуном и усыновителем, и тем более она сама не была нетрудоспособным иждивенцем наследодателя.

Фигура вторая «Печальная»

На этом моменте моего повествования самое время вспомнить фразу из знаменитой телепередачи с Леонидом Канев-

ским «следствие зашло в тупик», и я абсолютно не понимал, каким образом можно решить данную задачу со множеством неизвестных.

Многочисленные консультации с коллегами также не дали никаких результатов, ни у кого не было в практике такой ситуации, да что там в практике коллег, в судебной практике такого не встречалось, ну или во всяком случае мною не находилось.

В конечном итоге было принято ответственное решение попробовать пойти по пути признания Гребцовой А. А. нетрудоспособным иждивенцем наследодателя Юхименко Н. М., при этом являясь абсолютно здоровым и трудоспособным лицом. Скажу сразу, путь этот был тернист и труден.

Бесчисленные поиски найти возможность признать ее лицом, находящимся на иждивении у наследодателя, не будучи нетрудоспособной, привели к очень интересной судебной практике Конституционного суда Российской Федерации.

Согласно определению Конституционного суда Российской Федерации от 3 октября 2006 года № 407-0 «По жалобам граждан Вандарьевой Марии Карповны, Журбы Нины Александровны, Кондрашовой Валентины Александровны и Марченко Зои Ивановны на нарушение их конституционных прав пунктом 8 статьи 12 Федерального закона «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» под понятием «иждивение» подразумевается нахождение лица на полном содержании кормильца или получение от него такой помощи, которая является для него постоянным и основным источником средств к существованию.

Такое же трактование понятия «иждивение» получило подтверждение и в правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, сформулированной им в пункте 6.1 мотивировочной части постановления от 19 июня 2002 года № 11-П по делу о проверке конституционности ряда положений Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС», Федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в Закон Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыль-

ской АЭС», «О минимальном размере оплаты труда» и «порядке установления размеров стипендий и социальных выплат в Российской Федерации».

Согласно данной позиции Конституционного суда Российской Федерации, лицо не обязательно должно быть на полном содержании, но достаточно получать такую систематическую помощь, которая была для него постоянным и основным источником средств к существованию, независимо от получения им собственного заработка, пенсии, стипендии и других выплат.

Таким образом, критерий признания лица нетрудоспособным для целей признания его находящемся на иждивении был преодолен с правовой точки зрения.

Тут стоит упомянуть, что Гребцова А. А. 6 июля 2012 года заключила брак с Гребцовым А. В. и у них родилась дочь Гребцова В. А., однако спустя всего год супруги разошлись, но официального развода так и не оформили, о чем Гребцова А. А. умолчала, а во время консультации настойчиво утверждала о факте развода как о завершённой официальной процедуре.

Всё это не просто усложняло признание Гребцовой А. А. нетрудоспособной иждивенкой, но делало выработанную позицию невозможной: предполагается, что замужняя женщина с маленьким ребенком без официального развода находится на содержании у своего мужа и отца ребенка.

Вследствие чего обозначилась новая задача: доказать, что Гребцова А. А. не живет со своим супругом и не находится на его содержании.

Фигура третья «Доказательная»

Одним из таких доказательств послужила справка-выписка из лицевого счета квартиросъёмщика из ООО «Городская управляющая компания Краснодар», согласно которой на 10 октября 2017 года в квартире, принадлежащей Юхименко Н. М., проживали или были зарегистрированы сам Юхименко Н. М., Черноскутова В. В., Гребцова А. А. и Гребцова В. А., а в графе родственные отношения были сделаны записи о том, что Черноскутова В. В. — жена, Гребцова А. А. — внучка, Гребцова В. А. — правнучка собственника.

При этом Гребцова А. А. пользовалась квартирой, принадлежащей Юхименко Н. М., оплачивала за него все ком-

мунальные услуги, что фактически подтверждало постоянное проживание со своим дедушкой. Тем самым этот факт также послужил основанием признания, что своими действиями она фактически приняла наследство.

Кроме того, Гребцова А. А. с 2007 года не осуществляла трудовой деятельности вовсе, последняя запись в трудовой книжке была датирована как раз 2007 годом, которой суд дал оценку в своем решении.

Собрав воедино правую позицию и необходимые документы было подано исковое заявление к Администрации муниципального образования города Краснодара со следующими требованиями:

«1. Признать факт нахождения Гребцовой А. А. на иждивении у Юхименко Н. М. на момент его смерти, т. е. на 1 мая 2017 года.

2. Признать право на наследование имущества как иждивенца.

3. Признать факт фактического принятия наследства Гребцовой А. А. имущества Юхименко Н. М.

4. Признать право собственности за Гребцовой А. А. в порядке наследования имущества Юхименко Н. М., которому на праве собственности принадлежит квартира, гаражный бокс, а также 1/4 доли земельного участка и жилого строения на нем.».

Все заявленные требования были удовлетворены судом 27 ноября 2017 года.

В этой истории стоит особо отметить судью Ленинского районного суда города Краснодара Мохового М. Б., который не просто разобрался в сути самой проблемы, но и вынес решение, которого ранее не было в практике, признав право трудоспособного лица на наследование в качестве иждивенца при наличии определенных факторов.

Безусловно, практика знает не мало случаев признания права на наследование за лицами, находившимися на иждивении, но нет ни одного случая, когда наследник не был нетрудоспособным, даже в постановлении Пленума Верховного суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» речь велась исключительно о нетрудоспособных иждивенцах.

Важность того решения возможно оценить в полной мере, если знать, что 28 июля 2020 года определением СК по

гражданским делам Верховного Суда РФ от 28 июля 2020 г. № 5-КГ20-66-К2 было принято аналогичное решение по схожему делу, при этом Верховный суд Российской Федерации указал, что по делу исходя из целей подачи заявления об установлении юридического факта нахождения на иждивении и с учетом подлежащих применению норм материального права, одним из юридически значимых и подлежащих доказыванию обстоятельств являлось выяснение вопроса о том, была ли материальная помощь в период совместного проживания супругов постоянным и основным источником средств к существованию заявителя.

Ввиду указанного обстоятельства судам придется исследовать характер источников материальной помощи в подобных делах: была ли она постоянной, основной или дополнительной, что будет основополагающим фактором в разрешении споров с аналогичными обстоятельствами.

Анализируя свою работу по делу Гребцовой А. А., я сделал ряд выводов и замечаний. В первую очередь, главной моей ошибкой в качестве адвоката была слепая вера в доверителя. Это, безусловно, объяснимо: отсутствие должного опыта (я получил данное дело спустя всего 9 месяцев с момента получения статуса адвоката). Наивно полагая, что доверитель в одной упряжке с адвокатом, я был убеждён, что доверитель будет предельно честным и не будет скрывать факты, имеющие значение для правильного разрешения дела. При этом доверитель может просто забыть или не придать значения какому-либо факту, неосознанно полагая, что та или иная информация является не столь существенной, как, например, отсутствие официального развода между супругами, ведь по сути они не жили вместе.

Квалифицированная юридическая помощь всегда начинается исключительно с того, что адвокат становится своего рода следователем, который не доверяет никому и перепроверяет все факты.

Казалось бы, прописные истины, и эти выводы лежат на поверхности, но насколько сильно мы им придаем соответствующее значение в своей работе, как часто мы бываем излишне самоуверенными, думается, каждый ответит себе сам.

Моя же адвокатская история в конечном счете помогла многим: Гребцова А. А. получила наследство, судья нашел в себе смелость принять ответственное решение (апелляцион-

ная инстанция оставила в силе его решение), нотариус благополучно закрыл наследственное дело.

Что же касается меня, то дело Гребцовой А. А. не только научило меня отличать людей, которые скрывают от меня существенные факты о своем деле, от людей, которые наивны по своей сути и забывчивы, но также сделало меня лауреатом премии «За успешный дебют в адвокатуре» в 2019 году, присуждаемой Адвокатской палатой Республики Адыгея.

Адвокатское производство и решение по данному делу было отмечено одним из членов жюри конкурса как практикообразующее.

Удивительно, но осознание практикообразующего значения дела Гребцовой А. А. пришло ко мне намного позже, а именно в момент написания данного эссе. Как говорил почитаемый мной О. Уальд: «Опыт—это имя, которое каждый даёт своим ошибкам».

Был у меня в практике случай, который напомнил мне, что какими-бы профессионалами и специалистами права мы не были, как бы мы не оттачивали свое профессиональное мастерство, оставаться человеком, эмоционально переживать происходящее вокруг, а не прятаться в неприступный панцирь, не менее важно.

Очередной вызов по назначению, сообщают ФИО подозреваемой и статью—ч. 1 ст. 105 УК РФ (убийство). В голове мысленно уже пронеслось: снова «бытовуха», выезд на проверку показаний на месте в какой-нибудь «клоповник», фотосессия на фоне ковра, ржавых батарей и осыпающейся штукатурки, и все это быстрее-быстрее, так как дышать обычно в таких квартирах нечем.

Приезжаю в следственный отдел и вижу свою доверительницу—заплаканная, достаточно еще молодая женщина, не сказать, что неухоженная, но в тоже время «не частый» посетитель салонов красоты или даже парикмахерских. Побеседовав с ней, выясняю, что муж, кстати, ранее судимый, пришёл выпивший, устроил скандал, обзывал и пару раз ударил её, после чего пошёл на неё с явно выраженным намерением продолжить избиение, а она схватила нож и... Стандартный набор. Работай, адвокат, над доказыванием необходимой обороны.

Девушка постоянно переспрашивает, задержат ли её, просит позвонить родственникам узнать как дочка.

Следствие изначально и слышать не хочет о необходимой обороне. Показания даём с боем, но записывают все слово в слово, что уже само по себе не плохо. Затем едем на проверку показаний на месте. Полуразвалившаяся малосемейка, квартира представляет собой одну комнату, на полу большой матрац, который заменяет кровать, тут же плита и маленький кухонный стол, через всю комнату бельевая веревка, на которой как инопланетный объект, как что-то чужеродное для

этого убранства, как глоток свежего воздуха среди этой нищеты и затхлости, висит на вешалке старательно и тщательно отглаженное маленькое красное платице.

У дочери моей подзащитной послезавтра выпускной в детском саду, она очень хотела попасть на этот праздник и быть вместе с дочерью в этот день. Но следователь непреклонен, он предупреждает, что завтра в суде будет избираться мера пресечения в виде заключения под стражу, и что на его памяти по «стоятой» еще никого не отпускали, даже если «потом разберемся, то потом, может, переквалифицируем, может, отпустим», в общем, полный оптимистичный набор для новоиспеченной преступницы. Глаза моей подзащитной грустны, но искры надежды еще видны, и она вновь что-то спрашивает о возможности хотя-бы отложить арест, чтобы все-таки сводить самую дочь на выпускной. Следующий день — избрание меры пресечения. Ну как избрание, скорее, утверждение ходатайства следователя об аресте. Видно, что проведя ночь в ИВС, моя подзащитная смирилась с мыслью, что ближайшее время проведет в СИЗО. Оглашаются характеристики, оглашаются справки на мою «положительную» доверительницу. Но... тяжесть совершенного преступления говорит сама за себя. Судья предоставляет мне право выступить. Заранее заготовленные слова отлетают четко, статьи, пункты, части. И, конечно же, не забываю напомнить суду о том обстоятельстве, что на иждивении у подозреваемой находится малолетний ребенок. И вот я уже закончил свою речь, а перед глазами всё стоит это маленькое красное платице. Неожиданно для себя и для судьи я встаю и произношу чуть скрипящим голосом:

«Ваша честь, позвольте добавить. Не ожидал, что когда-то буду говорить эти вещи в судебном процессе. Я многое сказал в пользу своей подзащитной: и о том, что нет оснований для избрания такой суровой меры пресечения, и перечислил статьи УК и УПК РФ, обратил внимание о нахождении у моей подзащитной на иждивении малолетней дочери, но когда я это всё перечислял, это были лишь сухие юридические понятия, за которыми нет ничего живого. Мы с Вами, юристы, за этими терминами, за кипами документов не видим реальных людей, с их переживаниями, радостями и трагедиями. На иждивении малолетний... Когда Вы приезжаете

на проверку показаний в убогую квартиру, скорее, даже жилище, и на этом фоне видите, что в преддверии выпускного в детском саду мать купила своей дочери маленькое красное платьице, с нежностью и любовью отутюжила и приготовила его, убрав повыше от всего, что есть в этой комнате, то понимаешь, что главного-то и не сказано. Мою подзащитную интересовал лишь вопрос, сможет ли она побыть с дочерью в праздничный для нее день. Все это я сказал одной фразой — на иждивении имеется малолетний ребенок. Но когда я, как адвокат, произношу сухие, обезличенные юридические термины, я хочу, чтобы у вас перед глазами, как и у меня, стояло это старательно отутюженное маленькое красное платьице...»

Зависшая пауза...

Ожидание решения. Стою на крыльце суда, подходит следователь: «Мне кажется, у Вас есть шанс».

Оглашение решения: «В ходатайстве следователя отказать».

Один из лучших моих дней!

ДЕЛО, В КОТОРОМ ПРАВИЛО «НИКОГДА НЕ СДАВАЙСЯ!», ПРИВЕЛО К ПОЛНОЙ ПОБЕДЕ

Дела о восстановлении работника на работе, по моим ощущениям, не самые сложные в адвокатской практике. Если соблюдены все сроки, то, обычно их удается выиграть, даже не смотря на активное противодействие работодателя. Однако в большинстве дел такой категории имеется огромное количество нюансов, которые существенно осложняют процесс доказывания, но, одновременно, делают процесс живым и интересным.

Я откровенно люблю такие дела. Я люблю своих доверителей, которые так простодушны и наивны, так до последнего верят обманывающим их работодателям, что иначе, как к обиженным детям, к ним относиться не получается. И я люблю тот восторг от торжества справедливости, когда вальяжные и уверенные в себе работодатели и их представители вдруг понимают, что никакие их уловки, никакая ложь не помогли, и им, все-таки, придется раскошелиться и выплатить этому (какому-то там!) работнику причитающееся ему, да еще и принять его обратно на работу.

Дело, о котором я пишу, началось с визита в мой офис мужчины, на первый взгляд находящегося в состоянии полной прострации. Его рассказ был бессвязным и обрывочным, в описании ситуации преобладали эмоции возмущения и обиды. После долгих расспросов с помощью наводящих вопросов, мне всё-таки, удалось понять, что произошло.

Мужчина (назовём его О.) работал в довольно крупной организации на территории Архангельска. Труд его был тяжелым и травмоопасным.

Работодатель, не желая нести расходы по обеспечению О. и еще многих таких, как он, работников социальными гарантиями, заключал с ними срочные трудовые договоры по мотиву заведомого увеличения объемов работы, просто продлевая срок этих договоров столько, сколько это ему (рабо-

тодателю) требовалось. Когда же работники начали ставить вопросы о том, что фактически эти договоры имеют бессрочный характер, работодатель всех уволил в связи с истечением срока трудового договора.

«Братья» О. по несчастью пошли в трудовую инспекцию, а потом в суд, и были восстановлены.

О. тоже собрался было пойти, но, буквально, когда он был уже на пороге инспекции, ему позвонили из администрации работодателя и предложили трудоустроить его на постоянной основе, но не сразу, а как только освободится место. А до этого времени предложили поработать по срочному трудовому договору.

О. человек семейный, многодетный, и работа ему требуется, как никому другому. Он поверил и начал работать. Через некоторое время его пригласили в отдел кадров подписать что-то. Он сходил и подписал не читая, потом — снова, потом — еще раз и еще раз. Пока не выяснилось, что работал он всё это время по срочным трудовым договорам, за работников, которые уходили в очередные отпуска, и больше его так трудоустраивать не будут, а место для бессрочного трудоустройства так и не появилось.

Картина выглядела удручающе. Конечно, пока он так работал, сроки для оспаривания первого увольнения прошли, а оснований для оспаривания увольнений в связи с выходами работников из отпусков, на первый взгляд, не было никаких.

Кроме того, как выяснилось, О. был дважды травмирован на производстве. И если первую травму признали производственной, проведя соответствующее расследование, то вторая травма была скрыта работодателем и самим О. Представители работодателя уговорили О. сказать всем врачам, что он получил травму вне места работы, а за это его, опять же, обещали трудоустроить на постоянной основе.

Я честно предупредила О. о том, что ситуация его довольно сложная и на стадии консультации, без изучения документов (которых у него не было) трудно определить перспективы дела.

О. решил идти до конца, пояснив, что настолько возмущён поведением представителей работодателя, что для него является делом чести добиться справедливости.

Мы вышли в суд почти с пустыми руками. У меня не было ни приказов об увольнении, ни текстов трудовых договоров. Я рассчитывала получить все доказательства от работодателя уже в процессе.

Требования, сформулированные в исковом заявлении, в связи с отсутствием информации на дату подачи иска неоднократно нами уточнялись и в окончательном варианте состояли в следующем: признать незаконными увольнения (все пять), признать трудовые договоры заключенными на неопределенный срок, восстановить на работе, взыскать суммы в оплату вынужденного прогула, в оплату утраченного заработка (по первой травме), установить факт несчастного случая в рабочее время и на территории работодателя, обязать работодателя провести расследование несчастного случая (по второй травме).

Первое заседание прошло для представителя работодателя без сучка и задоринки. Юрист работодателя (молодой мужчина) был полностью уверен в том, что никаких оснований для восстановления нет (ибо, кто же восстановит работника, когда срок на оспаривание прошел, а по тем увольнениям, где срок не прошел, работник увольнялся в связи с выходом на работу постоянных работников!), и что никаких доказательств причинения травмы на производстве тоже нет (ибо, откуда взяться доказательствам, если работник сам всем сказал, что он в обеденный перерыв упал с крыльца магазина, расположенного за территорией работодателя!).

С таким вот ощущением полной грядущей победы юрист и ушёл с первого заседания. Ни в одном следующем заседании (а было их шесть) ему больше не удалось испытать таких положительных эмоций. Скажу больше — все эмоции, которые он испытывал, были в крайней степени отрицательными, уж я постаралась.

Поскольку ответчик представлял требуемые документы дозировано, нам приходилось постоянно откладывать судебное заседание.

Но по итогу картина получилась следующая.

1. С приказами об увольнении О. никто не ознакомил своевременно (ознакомили с выписками из приказов, всеми сразу, в день последнего увольнения, правда, дат в выписках он не ставил) поэтому у меня появился прекрасный

шанс возражать относительно допустимости доказательств, поскольку ТК РФ четко регламентирует процедуру ознакомления работника именно с приказом об увольнении, а не с выпиской из него.

Правда, по мнению, прокурора, участвовавшего в процессе, указанное не являлось существенным нарушением. Но судья с пристрастием пыталась юриста ответчика и начальника отдела кадров на тему, как же теперь суду устанавливать дату, когда работник был ознакомлен (пусть даже и с выпиской из приказа), если в этой выписке даже графы такой «дата ознакомления» нет.

2. С момента первого приема О. на работу (более года назад) он работал в одной и той же бригаде, по одному и тому же графику, непрерывно, тогда как те работники, за кого он, якобы, работал, работали совершенно в других бригадах, по другим графикам, на других объектах и за другую заработную плату и имели иные квалификационные классы, что явно опровергало позицию ответчика о работе О. за отсутствующих сотрудников.

3. Ни одно из увольнений О., кроме самого первого (когда увольняли массово многих работников) не сопровождалось необходимыми в случае увольнения работников соответствующей профессии процедурами — сдача спецодежды, оформление обходного листа и т. д. Из чего явствовало, что О. фактически не увольнялся и работу не прекращал.

Из этих обстоятельств я сделала вывод о постоянном характере работы О. на предприятии ответчика и о формальном заключении с ним срочных трудовых договоров.

По поводу травмы картина сложилась следующая. О. действительно всем сказал, что травма была им получена вне места работы и в обеденный перерыв. Это было зафиксировано в медицинской карте стационара, в документах «скорой помощи», в медицинской карте амбулаторного больного.

Но из пояснений О. следовало, что еще до прихода представителей работодателя, которые его уговорили не фиксировать травму, как производственную, он был доставлен в медицинский пункт на территории работодателя, и вот там, в журнал, медицинский работник должна была записать его пояснения, соответствующие действительности.

С момента травмы прошел год. С тех пор медицинский пункт на территории работодателя был упразднен, куда делась документация было непонятно, а ответчик нам в пояснении этой ситуации никак не помогал (что и понятно).

Мной было предпринято целое расследование, чтобы выяснить местонахождение журнала, а потом — яркое дипломатическое представление с целью узнать у работников медучреждения, есть ли там соответствующая запись (ну не буду же я просить суд истребовать документ с непроверенной доказательственной эффективностью). В общем, журнал был истребован, и в нем, действительно, имелась та запись, о которой говорил О.

Несмотря на то, что в ходе процесса уже стало очевидно, что работодатель нарушил всё, что возможно было нарушить, и требования О. будут удовлетворены, ответчик до последнего настаивал на своей правоте, и только под давлением прокурора и судьи, сцепив зубы, предложил О. мировое соглашение, условия которого были просто издевательскими (о чем я не преминула сказать в процессе) — принять на работу и выплатить 80 000 компенсации.

Решением суда требования О. были удовлетворены частично: О. восстановлен на работе. Трудовой договор (первый из заключенных на период отсутствия других работников) признан заключенным на неопределенный срок. В оплату вынужденного прогула взысканы денежные средства (206 тыс. руб.). Взыскана компенсация морального вреда. Установлен факт причинения травмы в рабочее время на территории работодателя, и ответчику вменено в обязанность провести расследование несчастного случая.

Тут бы и завершить мой рассказ, но как показала жизнь — расслабляться было рано. История имела своё продолжение.

В день принятия решения О. был на больничном. Через неделю после восстановления, ещё пребывая в состоянии болезни, О. явился в кадры предприятия, сообщил о болезни, и получил направление на обязательный медицинский осмотр. Начальник отдела кадров напутствовала его словами: «без заключения комиссии на работе делать нечего, допущен ты не будешь». И присовокупила: «после такого решения суда тебе здесь всё равно не работать».

О. начал проходить комиссию (в обычной ситуации это могло занять день-два), но в связи с наличием профессионального заболевания ему было назначено дополнительное обследование и заключение комиссии о годности к работе он получил только через неделю после начала её прохождения. Получив медицинское заключение, в первый же рабочий день после этого, О. приступил к работе.

А примерно через месяц он был уволен. За прогулы! Оными работодателем посчитал период прохождения медицинского осмотра — ту самую неделю, когда обследование ещё не было завершено, и заключение о годности к работе ещё не было получено. При этом, он так торопился уволить О., что признал прогулами и два выходных дня.

Таким известием О. осчастливил меня, мирно отдыхающую в тёплых краях. О. — человек стойкий и был преисполнен решимости несправедливость наказать. Я подготовила иск о признании незаконным увольнения, и мы вышли в суд.

В первом же заседании ответчик огорошил меня своей позицией — помимо прочего, он утверждал, что О. должен был явиться на работу, как только ему был закрыт больничный лист, независимо от того, было ли у него на руках заключение о годности.

Зачем? — возникал справедливый вопрос. А, оказывается, затем, чтобы работодатель отстранил его от работы, как не прошедшего в установленном порядке медицинский осмотр.

Продолжая испытывать на прочность моё сознание, представитель работодателя, заявил, что, оказывается, работодатель имел право привлечь О. в период прохождения им медицинского осмотра к другой работе, не требующей прохождения медицинского осмотра.

Все мои напоминания о нормах Трудового Кодекса РФ, запрещающих требовать от работника выполнения работы, которая не предусмотрена трудовым договором, и о том, что на период прохождения медицинского осмотра сохраняется средний заработок и это единственное, предусмотренное трудовым законодательством, последствие направления на медицинский осмотр для работника, добросовестно исполняющего эту обязанность, а отстранение от работы работника, не прошедшего в установленном порядке медицинский осмотр, является последствием недобросовестного поведения работ-

ника,— все эти мои аргументы разбивались о тупое утверждение, что работодатель имел право отстранить и предложить другую работу.

На вопрос— какие же всё-таки права работодателя были нарушены отсутствием О. на работе, если он без заключения медицинской комиссии не мог быть к ней допущен, я получила ответы из предыдущего абзаца.

Прокуратура заняла позицию работодателя и уже во втором судебном заседании мы получили решение об отказе в удовлетворении заявленных требований. При этом суд не потрудился вникнуть в нашу позицию, ограничившись выводом о том, что О. отсутствовал на работе без уважительных причин. Более того, такую очевидную вещь, как признание прогулами выходных дней, суд тоже не увидел.

Апелляционная жалоба, поданная нами, а также представление прокуратуры об отмене решения (на стадии апелляционного обжалования прокуратура вдруг заняла позицию, противоположную своей первоначальной), как водится, результатов иных не принесли,— решение суда первой инстанции было оставлено в силе. При этом, о рассмотрении жалобы мы даже не знали.

Наша с доверителем реакция на такую наглость со стороны суда апелляционной инстанции была примерно одинаковой: у меня— «Ах вы так?! Ну ладно! Посмотрим, кто кого!», у него— «Да я не собираюсь останавливаться! Это же беспредел!».

Подготовив кассационную жалобу, я направила её в суд. Сейчас сложно сказать, была ли у меня надежда на принятие её к рассмотрению и вынесение на Президиум (дело было еще до принятия поправок в ГПК). В тот же период я подавала кассацию и по другому делу, испытывая те же эмоции— «посмотрим, кто кого!». Подав эти две кассации почти одновременно, я о них благополучно забыла и продолжала заниматься текущими делами.

И, о чудо, не прошло и двух недель, как дело было истребовано, а ещё через месяц передано на рассмотрение президиума Архангельского областного суда (второе дело, кстати, тоже).

Совещание суда кассационной инстанции, которое мы могли слышать, находясь в коридоре, было жарким и дол-

гим. Но здравый смысл восторжествовал! Все судебные акты по делу были отменены, дело направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции.

При этом кассационная инстанция указала на необходимость правильного применения судом при новом рассмотрении норм материального права, установив, что период до получения О. заключения о годности к работе не может быть признан прогулами, поскольку без такого заключения О. не мог быть допущен к работе, следовательно он не мог считаться продолжившим трудовые отношения с работодателем, а возложение на него иных обязанностей, не предусмотренных трудовым договором, запрещено статьей 60 Трудового кодекса РФ.

После такого постановления кассационной инстанции новое рассмотрение дела можно было считать простой формальностью. Это понимали и мы, и представители ответчика, с которых слетела моментально вся их спесь, имевшая место быть после побед в первой и апелляционной инстанциях.

Новое рассмотрение дела состоялось и решение не стало неожиданностью ни для кого: все требования удовлетворены, О. восстановлен в прежней должности, взыскан утраченный заработок и компенсация морального вреда, размер которой, конечно, заставил всех улыбнуться — 3000 рублей за год мытарств по судебным инстанциям. Но эта мелочь уже не могла омрачить радость от победы.

Ответчик подал апелляционную жалобу со странными аргументами. Суд апелляционной инстанции отказал в её удовлетворении.

О. был счастлив, вышел на работу, в первый же день получил уведомление о сокращении, и был счастлив вдвойне, поскольку работать там у него уже не было никакого желания.

Судьба второго дела, кассацию по которому я подавала одновременно с этой, была такая же — судебные акты первой и второй инстанций отменены, дело направлено на новое рассмотрение. Доверитель по этому делу тоже был стойкий и не собирался сдаваться.

ДОРОГОЙ ПРАВНУК!

В предыдущем письме я подробно описывал тебе, как сорок семь лет назад я принял непростое решение уволиться из давно не существующего органа, называвшегося ранее «Следственный комитет России» и вступить в ряды адвокатов.

То письмо писал я тебе от руки, это же печатаю на своей старенькой клавиатуре Chicony, не пользуясь ментальным набором. То были удивительные времена — ревущие двадцатые — мы были молоды, дерзки и непримиримы. Я хочу рассказать тебе об одной, запавшей в душу, истории. Она выделяется на фоне других дел, в которых мне, как адвокату, пришлось поучаствовать. Это в следующих письмах я тебе расскажу, как мы доказали невиновность целого трудового коллектива при отправке через границу двигателей, как будто на Украину. Позднее я поведаю тебе, как человека оправдали после обвинений в получении взяток больше чем на миллион рублей. Не хихикай, правнук, тогда это были серьезные деньги...

Но вот прямо сейчас расскажу я тебе историю девочки, которой довелось родиться по счёту четвертой в не самой богатой семье. Они жили на верхнем этаже обычной владивостокской квартиры, летом в окна которой по утрам стучался туман, а зимой студёный ветер вытягивал остатки тепла. Девочку звали Мария, ей было 16 лет и у её родителей не всегда было время, чтобы разговаривать с ней на жизненные темы. Мария была миловидной стеснительной блондинкой с серыми глазами. Её родители были заняты зарабатыванием денег, и неважно, сколько зарабатывает человек: двадцать тысяч или миллион, — он тратит на это всё свое время, и порой забывает о других важных вещах. Нельзя сказать, чтобы Мария была совершенно забыта родителями, но они не смогли создать для нее атмосферу благополучия, а в доме всегда витала идея заработка. Вскоре Мария познакомилась с одной весьма бойкой девочкой по имени Яна. Мария не научилась разби-

раться в людях и разглядела в Яне, как ей казалось, лишь положительные черты. Яна с детства была сиротой, бабушка отчего-то не согласилась оформлять над Яной опеку и та попала в детский дом. О Яне можно было сказать, что она неглупа, симпатична, уверенна. Но трудно, когда тебе шестнадцать лет, провести грань между умом и неглупостью, красотой и симпатичностью, уверенностью и наглостью. Яна хорошо чувствовала людей, могла манипулировать, обманывать, вызывать чувства жалости, мастерски жонглируя эмоциями, на ходу меняя маски, облачаясь то в рясу шута, то высказывая мудрые философские мысли. Не насторожило Марию и то, что ранее взятые у неё в долг деньги Яна не спешит отдать. «Завтра, она ведь обещала отдать завтра» — всякий раз говорила себе Мария и продолжала по-прежнему вести дружбу с Яной, погружаясь в беспечный водоворот подростковых страстей, эмоций и событий.

Однажды Яна, набросив на себя маску серьезности, сказала, что хочет серьезно поговорить с Марией.

— Маша, у меня к тебе разговор. Мы ведь лучшие подруги, и я хочу поделиться с тобой одним секретом. Я научилась снимать антикражные устройства со шмоток в магазинах одежды. Если ты мне поможешь, то мы вместе сможем получить любые вещи, которые только захотим! Мальчишки будут ложиться перед нами штабелями и никто не посмеет сказать, что мы ходим в обносках!

Глаза Марии загорелись, ведь Яна мастерски затронула самые сокровенные струны в душе Марии. словно виртуозный музыкант Яна вела свои игру, развивая мелодию, точно угадывая, какие аккорды звучат в сердце Марии, и, повторяя их, добивалась синхронного звучания в унисон. Вскоре Мария согласилась, как предложила Яна, «стоять на атаке», то есть, предупреждать о приближении сотрудников магазина, «шифроваться», то есть, прятаться, а при необходимости — «лепить отмазки», то есть, отговариваться. «Это настоящая работа!» — убеждала Яна Марию. «Очень важно человеку иметь работу» — вспомнила Мария слова матери и ее желание найти новую «работу» стало, как ей казалось, крепким как алмаз. Однако карандашный грифель, как и алмаз, состоит из того же углерода. Да вот порядок расположения атомов у них совсем разный — потому и мажет грифель своим безоб-

разным чёрным цветом белый лист, пачкает руки, да и хрупкий совсем, не чета драгоценному алмазу.

Вот так Яна и начертила на белом Машином листе свои каракули, а Маша по простоте своей и приняла их за великолепные вензеля. Одна беда у карандашных надписей — ластик их хорошо стирает. Иногда и человек может сойти за ластик и стереть из чьей-нибудь жизни неприятные элементы биографии. Вот и прадед твой побыл немного тем ластиком, и пришлось мне потрудиться немного, вычистить испорченный лист.

Бывают люди, совершенно не приспособленные к преступлениям: не благословил их Гермес, не везет им в этом деле. Вот и Мария не обладала такой склонностью. И вот пошла Мария с Яной в магазин одежды. Яна уверенными движениями набрала в корзинку понравившиеся ей вещи и прошла в свободную кабинку. Мария проследовала за ней, унимая дрожь в ногах. Яна шепнула, чтобы Мария держала шторы кабинки, а сама приняла отточенными движениями снимать с вещей антикражные устройства и помещать их в свой рюкзак, помнивший запах не одного десятка новых вещей из этого магазина. Часть вещей Яна вернула назад, как не подошедшие, и с невозмутимым видом проследовала к выходу. Мария — за ней.

В ту смену на работе были довольно прыткие продавцы, быстро заметившие недостачу и сообщившие куда следует. В те времена, правнук, системы видеонаблюдения только начинали появляться, не то, что сейчас. И, на беду неудачливых подруг, камера имелась в том самом магазине. Сотрудники полиции незамедлительно провели сложный комплекс ОРМ, связанный с демонстрацией фотографий директору близрасположенного детского учреждения, и им, несчастным, наконец, улыбнулась удача: директор узнала Яну. Не составило труда её обнаружить и задать несколько вопросов, ответы на которые и дали представление и о личности Марии. В предвкушении раскрытия групповой кражи и повышения раскрываемости подобных, сотрудники полиции, ввалились в кабинет, сорвав экзамен, и задержали... нет, не террориста, но хотя бы вора, — пусть и мелкого — Марию и доставили ее в отделение. Одновременно, с работы вытащили мать Марии и приготовились протоколировать злодеяния.

Полные гордости за свою ответственную работу, сотрудники полиции забыли разъяснить участникам проверки права отказаться от дачи пояснений. И не просто забыли: в протоколах и вовсе отсутствовали такие сведения о разъяснении прав. Зато сотрудники полиции не забыли рассказать Марии и ее матери, что произошедшее является всего лишь мелким хищением, уголовно не наказуемо, и всё окончится небольшим штрафом и никак не повлияет на дальнейшую жизнь. Успокоенные этими завораживающими речами, сулящими скорое окончание стресса, Мария и ее мать, не особенно вникая в содержание, подписали предложенные сотрудниками полиции документы и покинули отделение полиции.

Однако червь сомнения всё же поселился в душе матери Марии. Видать, материнское сердце что-то чувствовало, подсказывало, пыталось направить на нужный путь. А когда тебе что-то шепчет сердце, надо просто прислушаться и выполнить его веление. Чаще всего сердце шепчет: «Ищи адвоката!». И вот твой прадед был найден этими заблудшими душами и уже на первой консультации стало понятно, что медлить нельзя. К тому времени, ничтоже сумняшеся, оперативные сотрудники направили материалы в орган следствия. Прадед твой, казалось бы и не сделал ничего на тот этапе, кроме проведения нескольких разговоров, а всё же не дал повернуть в сторону речке, которая перерастает в селевой поток и сносит всё на своем пути. Поток этот в ту пору назывался «возбуждение уголовного дела в отношении конкретного лица». Как только возбудили дело в отношении лица, предъявили обвинение — всё, нет пути иного у следователя: или он, или обвиняемый пойдет под суд. Чёрно шутили даже, что обвиняемый, которому предъявлено обвинение именуется обреченным, обвиняемый, в отношении которого вынесен оправдательный приговор именуется галлюцинацией. Вопрос виновности ни в судах, ни в правоохранительных органах давно никого не интересовал. Куда больший интерес вызывал вопрос доказанности вины. И высоки ставки в этой игре были в начале двадцатых годов, и не было конца этим чёрным играм, покуда... да ты и сам знаешь, что произошло, не о тёмных временах речь ведём.

И вот прадед твой возьми да и скажи следователю, что, мол, после не самого законного доставления, прав никаких не

разъяснили, прочитать не дали, содержание действительности не соответствует. И рассказал, как на духу, как всё было на самом деле с Марией и о роли ее не умолчал, подал ходатайство, а на случай допросов — ордер адвоката — это небольшая бумазейка такая на защиту конкретного человека. Нахмурилась следователь, а её майорские погоны, не знающие промаха, подсказывали ей недобрые исходы. Спустя пару дней следователь возбудила уголовное дело по факту, пригласила на допрос Марию с её матерью и прадеда твоего не забыла.

Перед допросом тряслись у Марии руки, будто облюбовал ее несносный старик Паркинсон, дрожал голос её как пламя свечи на ветру, но пересилила Мария себя, собралась, и на встрече с адвокатом вспомнила, как всё было на самом деле, уверенно рассказала, что да, ходила с Яной в магазин, и видела, как Яна крадёт вещи, но сама в этом ей никак не помогала, внутри себя осуждала такой поступок, но, в силу возраста и отсутствия жизненного опыта не знала, как быть и потому молча ушла.

Это же рассказала Мария и следователю, а мать ее тоже дала показания о том, что Мария ни в чем не нуждалась, доход в семье был, и не было у Марии причин для краж.

Закончилось для Марии дело ничем, так и осталась она «свидетелем». Что случилось с Яной — мы не знаем. Мария после этого поступила на учебу, выучилась. Всё у нее стало хорошо, более не ступала по кривым дорожкам, насколько я знаю. А уж, если бы вступила она на такую дорожку, то я, боюсь, узнал бы об этом в числе первых, уж больно мать ее сильно меня благодарила, поздравляла потом со всеми праздниками и рада была столь удачному исходу.

Потому и важно, правнук, извлекать уроки из чужих ошибок, глядеть в корень смолоду. Не позволяй никому пачкать листы твоей жизни, лишь ты один автор судьбы своей и только тебе чертить на чистых ещё листах своей жизни. Но знай: порой не карандаш в руках, а чернильное перо, думай, что и как писать будешь, ведь видно этот всем будет, а, главное, тебе эту книгу истории своей неоднократно перечитывать и смотреть меж страниц. Желая, чтобы не чувствовал ты горечи за дела свои, живи по Совести, и детей своих научи тому же. Уделяй им времени своего побольше, помни наши с тобой беседы. Помимо того, что продвижение в деятель-

ности зовется карьерой, не забывай, что ещё карьер — самый быстрый бег лошади. И сколько суждено проскакать той лошади на пределе сил — одному Богу известно.

И пусть не родился ты ещё, правнук, но я знаю: самая адская машина, изобретенная человеком, — это часы: не знает она ни покоя, ни остановок, и неумолимо гонит вперед свои острые стрелки. Придёт то время, когда прочтешь ты мой рассказ, а может, услышишь его из моих уст. Время придёт, хоть и самый тёмный час — всегда перед рассветом.

Твой прадед, Геннадий Григорьев

ЛОЖЬ ВО СПАСЕНИЕ

Двум девушкам предъявили обвинение в убийстве матери одной из них. Их правде никто не верил... Даже я, молодой зеленый адвокат, со стажем менее 1 года. И сейчас, по прошествии 22 лет, никакой следователь не сможет меня переубедить об отсутствии логики в действиях участников, нестыковок, других уловок настоящих преступников. С тех пор я верю только своим Доверителям.

До развязки и разрешения уголовного дела картина преступления воссоздается по крупницам: противоречивым показаниям обвиняемых, свидетелей, данным экспертиз (которые, увы, могут лишь констатировать факт, но не указывать на преступника). Работая с другим поколением, нельзя полностью примеривать ситуации к себе: логика мышления иная. Жизнь многогранна, никто не пишет плана для случайных обстоятельств. Необъяснимые поступки людей-преступников, толкают следователей и нас, адвокатов, на неправильное понимание ситуации и квалификации преступления. Поэтому надо слушать своих подзащитных, а не навязывать им, ситуацию под другую квалификацию статьи, более легкую, как будто для их блага.

В роли Бога и черта выступает следователь, возле которого круговерть с опознаниями, очными ставками, допросами, там же переплетаются случайности и неведомые силы.

Ко мне обратились две девушки, которым только что исполнилось по 21 году. Они мне рассказывали наперебой о том, что вчера похоронили мать Эльвиры (назовем ее так) и как она погибла.

На первом этапе знакомства трудно брать на себя ответственность изменять ход событий, так как на самом деле не знаешь, что произошло. Это как открытая книга на первой странице. Либо браться за дело, либо отказаться. В рассказе показалось неправдоподобным всё, от начала до конца, ведь

При разговоре промелькнуло чувство, можно назвать это наитием, что я смогу помочь.

Девушек, подозреваемых в убийстве, было две, потому в соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом я взяла защиту второй девушки — Алены, подруги Эльвиры.

...Зимней ночью Алена, которая накануне приехала из Москвы в г. Новочебоксарск, ночь провела в баре. Танцы, мужчины, спиртные напитки... В полночь направилась домой к подруге Эльвире поговорить по душам за жизнь, но ее не оказалось дома. Мать Эльвиры, по фамилии М., составила ей компанию, как оказалось, последнюю в жизни. Выпив и расслабившись, они заговорились до часа, как водится на кухне. Потом хозяйка пошла спать, а Алена, вызвав такси, опять уехала искать других приключений. (Позже этот факт будет одним из череды трагических совпадений в эту ночь и использован сыщиками убойного отдела для обвинения Алены в убийстве и оставлении места происшествия.) Удача явно не благоволила к Алене: не найдя развлечений и покружив среди домов и ночного безмолвного неба, без свидетелей, а значит без алиби, вернулась в ту же квартиру, дверь была открыта, она легла спать.

Эльвира в это время также развлекалась вне дома и вернулась около двух часов ночи. Живой души в доме не увидела (ни матери, которая спала в одной спальне, ни Алены, которая спала в другой спальне). Этот факт также сыграет в этой непростой истории свою роль.

Среди ночи позвонили в дверь, которую открыла мать М., думая, что вернулась Алена.

В квартиру ворвались трое парней в масках. Шнур от стационарного телефона обрезали, чтобы не звонили. (Мобильные телефоны были тогда редким явлением). Девушек связали, каждую в отдельной комнате обрезками телефонного шнура, глаза завязали шарфами, и насильовали, не один раз. До семи утра успели и покурить все вместе на лестничном марше. Девушкам с завязанными глазами и перекрученными проводом руками парни, как джентельмены, помогали курить.

Девушки не видели, что происходило в прихожей, где уже в первые минуты прихода незваных гостей мать получила смертельное ножовое ранение в ногу.

К утру они уже стали почти друзьями, знали их имена (имена, больше походи на клички, поэтому этот факт также сыграет роль в этой истории). Удовлетворив низменные желания, «гости» покинули дом. Только спустя час, около 8 часов утра, девушки вызвали скорую, которая констатировала смерть от потери крови, т. к. нож попал в вену.

Это было повествование девушек. Могло такое реально быть или нет?

Конечно нет. Я считала, что это выдумки. В моей голове роились вопросы. Ради чего лишать жизни, если знакомство можно было продолжить на любом уровне? Почему, собственно, не было сопротивления? Ночь, на то она и ночь, чтобы соседи слышали любые шорохи (соседи позже скажут, что в соседней квартире всю ночь передвигали мебель, тогда как наши девушки этот факт отрицали). К семи часам просыпается рабочая смена, включая дворников, которые видят каждого незнакомого, выходящего из подъезда. В течение долгого скручивания телефонным шнуром должны остаться следы на руках, почему таковых не было? Выкурили не по одной сигарете. Прикуривать из чужих незнакомых рук для любого окажется пыткой. Их лиц девушки не видели, так как шарф продолжал скрывать им глаза, почему вызвали скорую через час, а не сразу после того, как остались одни?

Такой ход событий не устраивал и опытного следователя, у которого нашлись профессиональные вопросы, как-то: какие марки сигарет называют девушки и какие нашли окурки в доме, почему соседи видели в подъезде девушку со светлыми волосами и серым свитером, без антуража в виде шарфа на глазах и перекрученных рук. Описание Алены совпадало по всем параметрам и отпираться было бесполезно. У Алены были светлые волосы и серый свитер.

Обе были арестованы.

Каждый день я вела беседы с родственниками Алены, но получала разные характеристики. У моей подзащитной Алены как бы два лица, и каждому она соответствовала. Ни одна из сторон не могла меня убедить что истинная Алена, эта та, которую они знают хорошо. Милая девушка, в искусственной шубке из «долматинца», со светло-зеленым платочком на голове, но она же была девушкой по вызову в г. Москве. К одиннадцатому дню пребывания в изоляторе временного

содержания, она была уже другая. Отсутствие условий для проживания, к которым привык человек, меняет его.

Одиннадцать дней, проведенных под арестом. Подозреваемые стали искать выход из ситуации за счет другой. Девушки сдались в один день на очной ставке.

Эльвира вдруг изменила показания, сказала, что моя подзащитная Алена убила Эльвирину мать, испугалась и уехала на такси. Вернувшись, увидела спящую Эльвиру и решила ей ничего не говорить. Утром Эльвира проснулась и увидела холодный труп, вызвала скорую.

«Ложь во спасение» как заклинание повторяла Алена, которая придумала новую версию: что Эльвире надоела беспутная жизнь матери, что они с ней подрались, как не раз бывало, и в результате схватки мать подруги случайно упала на нож, которым и порезалась (в самом деле, характер ножевого ранения был таков, что нанесение тяжкого вреда здоровью могло произойти от падения на нож).

Следователь, опера и я были в растерянности, но версия Алены больше подходила под характер ножевого ранения, да и первоначально статья была предъявлена как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ).

Развели двух подозреваемых в разные здания. Опрашивали по отдельности (я не отходила ни на шаг от Алены, чтобы не было давления со стороны следствия, следила, чтобы не было наводящих вопросов). Алена писала собственноручно, описывая шаг за шагом свои действия. Но Эльвира также собственноручно, практически один к одному, описала схожую ситуацию. Эльвира неожиданно согласилась с версией Алены, так как, изучив Уголовный кодекс, пришла к выводу, что от обвинения никуда не уйдешь, а здесь убийство либо в состоянии аффекта (ст. 107 УК РФ), либо по неосторожности (ст. 109 УК РФ). Всё лучше, чем просто убийство.

Но воля проведения всегда присутствовала в этом уголовном деле.

Для закрепления сказанного очную ставку с признанием смерти по неосторожности, сняли на видеопленку (были тогда видеоплееры, техническая новинка). Алена и Эльвира рассказали, как применили нож. Были найдены мотивы убийства... Всё получалось как в кино. Убийство раскрыто.

Но пленка честно вышла из строя, и признательных показаний, кроме письменных объяснений, не являющихся доказательствами, не осталось. (Обвинения до тех пор предъявлено не было, так как следователь не знал, что брать за основу.) Мифических мальчиков с изнасилованием в очной ставке уже не было.

Алену как свидетеля, но потенциального подозреваемого, отпустили домой, не решив до конца, в качестве кого она отпущена. Пришлось одному оперу ехать с ней домой, ночевать и охранять ее до утра, где его с радостью домашние напоили чаем, а родители, отчаявшиеся увидеть дочь, не могли сомкнуть глаз, и нарадоваться на свалившееся практически в ночи счастье.

Алену признали свидетелем, но я продолжала осуществлять защиту.

В один из дней следствия, я пришла в кабинет убийного отдела и увидела, что на подоконнике от разбитых цветочных горшков валялись комочки земли. И вот что оказалось со слов опера Сани: он беседовал с Эльвирой в течение шести часов в кабинете убийного отдела. Два часа ушли на молчание с каждой стороны, на третьем установилось подобие контакта, к последнему часу — доверительные отношения. Когда он открыл уголовное дело с фотографиями убитой и показал Эльвире, со словами: «Ну кто же ее убил?», из вентиляционной шахты, откуда ни возьмись, пошел шум. Станный шум передвигался к окну и Саня с Эльвирой следили за этим передвижением шума. Шум дошел до окна, карниз с занавесками рухнул вниз, цветочные горшки разбились и оказались на полу, на них повеяло резким холодом. «Ой, мама пришла», — произнесла Эльвира.

Мне об этом рассказал опер. В это трудно было поверить. Но Эльвира позже рассказала то же самое. Разговаривая со своей подзащитной Аленой, я узнала, что мать Эльвиры в порыве ярости могла сорвать занавески с карниза.

Родственница Эльвиры — тетя Мария, не смирилась с признанием вины Эльвиры, хотя и давала нелицеприятную характеристику племяннице. После признательных показаний финал был известен. Так вот, тетя Мария, не довольствуясь прогнозами, пошла к бабке и та ей описала сценарий зимне-

го вечера с убийством, с мальчиками и добавила, что через семь с половиной недель Олеся будет дома.

Мама Алены молилась. Долго. Каждый божий день. Наши Родители любят нас не благодаря, а вопреки. Когда Алену выпустили, она тоже молилась. Они мне говорили, что читали по 40 раз каждый день «Живый в помощи Вышняго...»

Семь с половиной недель не принесли никого результата. Нашего следователя Олега Ивановича, на которого у меня была хоть какая-то надежда на справедливое расследование, положили в больницу (позже он стал адвокатом). Дело передали новичку, который бодренько начал составлять обвинительное заключение (последний этап перед судом).

С воскресенья на понедельник истекали семь с половиной недель, которые предрекла гадалка. К тете Марии по объявлению пришли люди, чтобы снять квартиру, где произошло убийство. (Нужны были деньги на содержание Эльвиры в СИЗО, оплату адвокату). Та выставила их за дверь со словами: «Бабка могла ошибиться. Ждем еще неделю».

Финал таков.

Я ехала домой со следственных действий из Москвы. Это был понедельник. Мне стала звонить Алена, что нас срочно вызывают к следователю в прокуратуру (тогда был следственный отдел при Прокуратуре). Мне позвонил по телефону тот самый опытный следователь, который правдами и неправдами на выходные покинул больницу и пришел на работу, болея за дело (старого воробья на мякине не проведешь). Мы стали заходить в отдел, а нам навстречу идет Эльвира. Мы аж головы вывернули.

Олег Иванович хотел показать нам настоящих убийц и показал, их задержали совершенно по другому делу. Трех парней ночью взяли по хищениям из квартир и поджогов квартир, и операм убойного отдела показались подозрительными клички, которые слышали девушки. Стали задавать им вопросы и они и посыпались. Та девушка со светлыми волосами и в сером свитере, оказалась их поделницей (вы уже поняли, не Аленой), которая навела на квартиру, так как мать Эльвиры хвасталась несуществующими бриллиантами и деньгами. Наводчица позвонила в квартиру чтобы убедиться, что жертва в квартире одна, в тот момент ее увидели соседи и описали. (Когда шло следствие в отноше-

нии моей подзащитной, то посчитали, что видели Алену, но почему-то опознание не провели). Пацаны выждали немного и возвратились на место через короткий промежуток времени, но одна за другой — Алена и Эльвира вошли в квартиру, то есть зашли, практически одновременно, а остальное вы уже знаете.

Логики в действиях парней не было никакой, но всё было именно так. Почему не остались следы на руках на руках моих девушек от телефонного шнура? Чтобы им не было больно, они подложили под кисти рук мягкие салфетки.

Эльвира оказалась еще и беременной от подонка (или подонков).

Алена и Эльвира в суде были потерпевшими.

Справедливый суд дал по заслугам за все деяния подсудимых (квартирные кражи, поджоги квартир, убийство, изнасилование — от 14 до 16 лет лишения свободы.)

ТОРМОЗ ТОРГОВЛИ

Эта история произошла в канун Нового 2000 года. В погоне за платёжеспособными клиентами мы с моим однокурсником, Серёгой Петровым, измышляли разные способы их привлечения, и, наконец, дошли до того, что дали в газету объявление рекламирующее наши юридические услуги. По объявлению, однако, никто не откликнулся, и мы о нём забыли, увлечённые бегом по магазинам в поисках подарков и прочими приготовлениями к празднованию.

В субботу вечером я как раз любовалась коллекцией ёлочных игрушек, которые только что притащила из магазина и разложила на диване, собираясь украсить ими ёлку. От этого увлекательного занятия меня оторвал муж, позвавший к телефону.

— Звоню по объявлению! — прогремел из телефонной трубки почти шалопинский бас. — Сегодня приехал из Мурманска, покупать у вас в Нижнем «Волгу», и меня уже успели «обуть», подсунули не ту машину! Все адвокатские конторы уже закрыты, хорошо, попалась в руки газета с вашим объявлением...

В этой, столь неудачно купленной белой «Волге», и состоялась наша первая встреча с «гостем с Севера». Мужик по имени Гена оказался типичным «русаком»: двухметровый, голубоглазый и румяный. Рядом с ним сидел крайне тщедушный и, как выяснилось, весьма недоверчивый приятель. Достав из-за пазухи папку с документами на машину, Гена поведал о приключившейся с ним беде. В прошлом — он спортсмен, а ныне — «секьюрити» одного большого начальника в Мурманске. Работа хорошо оплачиваемая, начальник не вредный, доверяет, поручает ему самые ответственные дела, с которыми Гена всегда справлялся на «отлично». Ну а в этот раз шеф дал задание съездить в Нижний, купить и перегнать в Мурманск к новому году последнюю модель «Волгу» последней модели, и чтобы непременно с гидроусилителем руля. Он инвалид и для него этот самый гидроусилитель в машине необходим.

Прежде чем собраться в дорогу, Гена собрал интересующую его информацию о фирмах, торгующих в Нижнем автомобилями, о ценах и о «Волгах» с гидроусилителями. Так он обзвонил несколько контор, в том числе и фирму «Сервис-люкс», где его заверили, что у них широкий выбор интересующих Гениного шефа автомобилей, причём по более низким ценам, чем у других «ГАЗовских» дилеров.

— Ну, этому-то я не особо поверил, — рассказывал Гена, — знаю ведь, что когда в такую фирму из другого города звонишь, цены тебе всегда называют ниже, чем они установлены на самом деле. Расчет простой: если уж человек издалека приедет, то из-за небольшой разницы в цене назад не повернет, да и другую фирму искать вряд ли станет. А деньги на крупные покупки люди всегда берут «с запасом». Обидно, что и заехал-то я к этим кидалам не потому, что они мне уж очень чем-то понравились, а просто ближе всех оказались...

Итак, Гена приезжает в фирму «Сервис — люкс». Суббота, вечер. Наш герой устал после долгого и утомительного пути. Его встречают как дорогого гостя. Усаживают в мягкие кресла. Милые длинноногие девушки-«менеджеры» (как гласят визитки у них на груди) поят чаем и кофе. Все вокруг хлопочут, оправдывая название своей фирмы: дескать, сервис у нас на «люксовом» уровне, а покупатель всегда прав. Гену даже приглашают к заместителю директора, который восклицает: «Как вам повезло! «Волга» этой модели у нас нарасхват, но как раз один автомобиль остался — словно специально для Вас! Завтра ведь воскресенье и нового поступления машин не будет, к тому же во всех фирмах короткий день! Берите, не раздумывайте!» «С гидроусилителем? — на всякий случай уточняет совершенно растаявший Гена. «Ну, разумеется, именно то, что Вам надо!» — радуется заместитель.

Гена, сопровождаемый менеджером, идёт посмотреть машину. Тот открывает дверцу и дает возможность осмотреть салон. «Покажите гидроусилитель!» — пристаёт Гена уже просто для очистки совести. «Сейчас придет механик и покажет, а Вы пока что можете оформить документы на машину». Совершенно успокоившись, Гена платит деньги и оформляет документы. А потом приходит механик, открывает машину и обнаруживается, что никакого гидроусилителя там нет и никогда не было.

— Я — к замдиректору: где гидроусилитель? А он: «Какой ещё усилитель? Вы ни о чём таком не говорили! Да у нас вообще нет «Волг» с гидроусилителями! И потом: вы же машину смотрели, прежде чем её покупать!» Я стал требовать назад деньги, он — ни в какую! Тут-то до меня и дошло: кинули. Единственное, что удалось у них выцарапать, это вот...

Гена протянул мне листок бумаги, исписанный аккуратным, явно девичьим почерком, заверенный печатью. Это была справка, выданная фирмой «Сервис-Люкс» в том, что их контора не торгует «Волгами» с гидроусилителями.

Я с уважением посмотрела на своего клиента.

— Как же вам такую справку выдали?

Гена невесело усмехнулся.

— Я, знаете ли, слегка увлекаюсь психологией: книжки читаю, передачи смотрю. Психолог-любитель, так сказать. Так вот, всем потенциальным жертвам изнасилования что психологи советуют? Раз уж случилось это неприятное происшествие, ни в коем случае не выказывайте неприязнь и агрессию по отношению к насильнику. А то он решит, что Вы тут же в милицию побежите, да и пристукнет здесь же, на месте, а ведь может и отпустить. Так и я, прикинулся таким, со всем смирившимся. Дескать, раз ничего не поделаешь, обратно в Мурманск поеду на том, что купил. Но вот от шефа попадет: ведь не ту «Волгу» привезу. Дайте, мол, справку, исключительно для шефа. Ну и уломал того менеджера, что мне машину показывал: распорядился, чтобы такую бумажку мне написали. Думает, наверное, что удачно от меня избавился, так сказать, малыми затратами: и машину они спихнули, и я шума поднимать не стал.

— Ну что же, — бодро сказала я, — поехали в фирму, может быть, ещё кого-нибудь там застанем.

Контора была уже закрыта, о чём через стекло нам просигнализировал дедок — не то уборщик, не то сторож. Однако он сообщил, что директор и его заместитель будут завтра. Мы расстались с Геной до завтра, причём его тшедушный друг крайне неодобрительно отнёсся к тому, что Гена отдал мне комплект документов на купленную машину. Похоже, случай, произошедший в автомобильной фирме с его другом, сильно подорвал его веру в человечество.

Скорее всего он опасался, что, воспользовавшись документами, я этой же ночью заберу «Волгу» со стоянки и кому-нибудь

перепродам. Врученная визитка его немного успокоила, но всё равно настроен он был крайне пессимистично.

— Ничего уже не сделаешь, — вздыхал он, — надо было Гене раньше думать... теперь-то что уж...

Я попыталась внушить Гене оптимизм уверениями в том, что вернуть деньги за купленную машину не так уж и сложно, и распрощалась с обоими.

Назавтра мы встретились с Геней около автомобильной стоянки. Он был хмур и, кажется, с похмелья.

— Звонил в Мурманск из гостиницы, рассказал, что и как, шеф покрыл меня трёхэтажным... Хотел отвлечься, в клубе снял какую-то девицу, так, верите ли, полночи ей рассказывал о том, как меня обманули.

Между тем жизнь в фирмёшке-обманщице, когда мы к ней подружились, была ключом. По холлу с новой мягкой мебелью, телевизором и журнальными столиками прогуливались охранники. Сновали взад-вперёд нагловатые молодые люди с табличками «менеджер». Двое из них окучивали компанию армян, намеревавшихся, по-видимому, произвести покупку. Тут же толпилась небольшая группа людей в больших лохматых шапках и овчинных полушубках — по-видимому, откуда-то из области.

— Дела идут! — внутренне восхитилась я, и мы вместе с клиентом отправились к тому самому заместителю директора — кучерявому, прощелыжного вида господину. Господин имел вкрадчивый голос и беспрестанно сладенько улыбался. Однако, увидев внушительную и такую знакомую ему фигуру Гены, просунувшуюся в дверь, улыбаться временно прекратил. Видимо, хитрый заместитель полагал, что эта фигура давно уже мчится в навязанной ему машине по направлению к Мурманску, и был огорчен, что его предположения не подтвердились.

Краткий курс введения в основы юриспруденции и, в особенности, более подробное ознакомление заместителя с некоторыми положениями «Закона о защите прав потребителей», похоже, не произвели на последнего особого впечатления. Пустив в ход всё своё красноречие, и слегка сгустив краски, я постаралась в доходчивой форме обрисовать обманщику убийственные последствия предъявления нами иска в суд. На это заместитель тоже реагировал довольно вяло.

— А чем вы докажете, что мы не предоставили полную информацию о товаре и этим нарушили право потребителя? Ни

о каком гидроусилителе и речи не было, просто покупателю почему-то разонравилась машина, вот он и выдумал эту басню про мошенничество. Тем более у этой «Волги» пока что не обнаружено каких-либо недостатков, не так ли? А качественные автомобили возврату не подлежат, поэтому мы покупателям деньги и не возвращаем. Все законно! Да мы на суде скажем, что вообще в первый раз слышим про пожелание покупателя иметь руль в машине с гидроусилителем!

На это заявление я отреагировала предъявлением заместителю справки, выданной на имя моего клиента об отсутствии в фирме «Волг» с гидорусилителями.

— Согласитесь, что этот документик доказывает, как минимум, тот факт, что покупатель хотел приобрести автомобиль именно с гидроусилителем. И ставит под сомнение ваши утверждения о том, что вся история придумана им, чтобы вернуть назад деньги за разонравившуюся машину. Более того, — напирала я, — в суде эта справка может сыграть решающую роль. А девочку, выдавшую справку, и менеджера, поставившего подпись, мы привлечем в качестве свидетелей!

Сладкая некогда улыбка заместителя теперь явно нуждалась в дополнительном подслащивании. Однако он все ещё колебался, видимо, прикидывая, что выгоднее: вернуть стоимость автомобиля сейчас, или тянуть время, а денежки пока что немного «прокрутить».

— Сейчас я не могу принять окончательное решение, — принял он валять дурака, — я должен посоветоваться со своим адвокатом. Приходите завтра...

— Сегодня мы пришли в первый и в последний раз, — сказала я. — Если вы не возвращаете моему доверителю деньги, мы обращаемся с иском в суд. Там с вас взыщут ещё и проценты за пользование его деньгами, и компенсацию за причиненный моральный вред.

В конце-концов Гена с «замом» сошлись на том, что, пока он советуется с юристом, мы подождём в холле.

Сидя в мягких креслах, призванных усыплять бдительность покупателей путем их расслабления, мы уныло наблюдали, как охмуряется очередной клиент. И вдруг у меня возникла идея.

— По-моему, небольшой сеанс антирекламы нанесет удар по этому заведению, — подмигнула я клиенту, — глядишь, и заместитель «дозреет» быстрее ...

Сообразительный житель Севера тут же понял мою мысль.

— Не покупайте здесь машину, — обратился он к одному из мужиков в лохматой шапке, — непременно обманут и впячат совсем не то, что вам надо! Я от их «сервиса класса люкс» уже пострадал — видишь, ругаться пришёл — так хоть людей предупрежу!

Мужик выпучил глаза и призадумался.

— Слушай, друг, — переключился тем временем Гена на армянина, — беги отсюда, пока не поздно! Здесь самые высокие цены в городе, да ещё и облапошат, не хуже чем на рынке.

Действие антирекламы не замедлило сказаться: народу в «приёмном покое» значительно поубавилось. К тому же, видимо, кое-кто из покупателей рассказал слащавому заместителю, откуда ветер дует, потому что внезапно тот нарисовался перед нами.

— Нехорошо, как нехорошо, — укоризненно закачал он своей кудлатой головой, словно заботливая мамаша, обнаружившая, что её детишки слегка нашалили.

— А в чем дело? — сделала я наивные глаза. — Мы всего только защищаем свои права потребителя — доступными методами.

— Пройдите в кассу, — процедил заместитель.

Так каждый из нас получил подарок на новый год: шеф Гены — нужную ему машину, Гена — премию от шефа, я — гононар от Гены. Фирма «Сервис-люкс» тоже получила от всех нас новогодний подарок: мы так и не взыскали с нее компенсацию причиненного морального вреда. Новый год, все-таки.

ВЫБРАЛИСЬ...

Почему в памяти всплыла именно эта история, двадцатилетней давности, не знаю и сам. Явно не самая удачная. И случилась при «старом режиме», то есть до принятия Закона об адвокатуре с последним УПК, когда жили мы еще наобум, без стандартов и кодекса этики. А запомнилась, вообще как дело, которого и быть-то не должно. Начавшись, правда, банально и буднично с визита вполне реальной женщины и ее рассказа, что десять дней назад мужа арестовали за убийство в городе Судиславле. Больше ничего и не знает...

Другие дела позволяют, от Костромы не больше полу-сотни километров, заключаем соглашение и в путь... Всего через час на въезде разглядываю, как старье окраин ближе к центру меняется на старину. Ну а первая цель приезда — Судиславская райпрокуратура — квартирует в бывшем купеческом доме. За тяжелой резной дверью угадывается бывшая «передняя» с множеством закрытых дверей. Шаг туда, входная дверь за мной захлопывается и вокруг абсолютный мрак. Окон нет, освещение не работает. Наощупь брожу от двери к двери, которые до этого приметил, все заперты, надзорный орган отсутствует в полном составе. Уже двигаюсь обратно, когда снаружи «в черноту ныряет» еще кто-то. Меня со света явно не заметил, но сопит и ворочается где-то совсем рядом. Ситуация курьезная и надо обозначаться. Стараясь не напугать гостя, максимально доброжелательно делюсь навешанной мраком грустью: «Вас тут удавят как-нибудь, никто в темноте и не найдет». Тот взвизгивает: «Кто здесь?» Знакомство вслепую не прельщает, предлагаю открыть кабинет и пообщаться. Гремя ключами, невидимый собеседник информирует, что лампочка в прокуратуре перегорела неделю назад, новых нет.

На свету мой визави удачно превращается в искомого следователя прокуратуры Николая Вагина. Обмениваемся ве-

рительными грамотами: я ему — ордер, он мне — протоколы показаний клиента. В виде бонуса сообщает, где тот содержится, и еще кое-какую полезную информацию. С его слов, дело уже раскрыто: мой клиент Шабышев Александр Николаевич, дежуривший охранником какой-то базы через забор от пивного бара, пришел туда с напарником и затеял драку с отдохавшими парнями. Вызвал их «на разборку» на улицу, угрожал травматическим пистолетом, а затем одного убил ножом. Остальные в это время дрались со вторым охранником, прилично «отделав» его, но тот тоже вытащил нож и ранил еще двоих. За десять дней Вагин уже все решил: Шабышеву вменит умышленное убийство на почве неприязненных отношений, его напарнику — такое же причинение менее тяжкого и легкого вреда здоровью. И хочет уложиться со следствием в два месяца, как велел прокурор. Картинка невеселая, но обращаю внимание, что Шабышев почему-то вины не признает. «Так, жулики, они часто не признают. Верить им нельзя», — вздыхает Николай. Согласовываем время следующей встречи.

Нахожу Шабышева, знакомимся и общаемся пару часов. Ранее услышанное обрастает новыми фактами, которые ему явно не соответствуют. Со слов клиента, с напарником в баре не сидели и зашли за остатками пищи для сторожевых собак. Застали внутри пару женщин, да компанию четверых нетрезвых парней, криками и жестами добивавшихся к себе внимания. Органично в картину «отдыха» вписался и перепуганный бармен, явно не знающий, что делать. Желая его поддержать, Шабышев спросил, нет ли проблем, но ответ получил уже от мужской компании. Сказали, что проблемы у него, раз лезет не в свои дела. Сгладить ситуацию не получилось, парни явно искали повод для новых самоутверждений. На их предложение «выйти и поговорить» Шабышев согласился лишь потому, что на улице была хоть какая-то возможность для маневра. А уже перед выходом из бара, когда их вместе с напарником выталкивали наружу, Александр увернулся от удара сзади по голове пивной бутылкой. Ее осколки нашли при осмотре на полу. Клиент не отрицает, что на улице схватил за грудки одного из парней и направил на него выданный для дежурства «травматический пистолет», незаряженный и бесполезный. Да,

пугал. Да, требовал: «Стоять!» Но тот вырвался и бросился к остальным, столпившимся возле напарника. Туда же бросился еще и пятый, как оказалось, сидевший на улице в машине. Шабышев преградил дорогу, требуя сесть обратно. Видя у того признаки раздумья, крикнул: «Тебе что, пинка для скорости дать?», и пнул куда-то под зад. Не помогло, и тот все равно побежал к остальным. Подбежав следом, Шабышев, увидел, как толпа пинает скорчившегося напарника, попытался их оттащить от него. Напарник закричал и начал размахивать рукой, избивавшие отпрянули, в руке оказался нож. Прибывшие через полчаса органы застали у бара всех участников, включая того, что от перерезанной артерии истек кровью. Еще двое получили менее тяжкие и легкие повреждения. У Шабышева в кармане совсем нехвата нашелся такой же складной нож, что и у напарника (работодатель выдал обоим как средство самозащиты перед дежурством). Изъяли оба ножа, и Вагин почему-то сразу сделал вывод, что труп — на совести Шабышева, а двое других — результат самозащиты ножом напарника. Переубедить, что первый нож даже не вынимался из кармана, не удалось. В результате — у моего арест по 105-й УК, напарнику избрали подписку о невыезде.

Убеждаю клиента говорить адвокату только правду, тот обижается. Я и правда ему верю, на ложь рассказ не похож, да, и сам подзащитный мне симпатичен: пожарный, бывший замначальника управления города, подполковник, недавно на пенсии, медали и даже орден за мужество на пожаре, жена и две дочки, явно спокойное поведение человека, привыкшего действовать в сложной обстановке. Вместо жалоб один вопрос: «Выберемся?» Точного ответа нет, потому парирую встречным: «А выбору нас есть?»

105-я — это плохо. Самая расхожая мера пресечения по ней — следственный изолятор. Сам не люблю это учреждение, может даже больше, чем фигуранты. Въевшаяся в стены вонь, пыль и ощущение, что за тобой кто-то подсматривает и подслушивает. Нет худа без добра, нелюбовь способствует, чтобы всякий раз предпринять максимум усилий к изменению ареста на другую меру пресечения. И за годы практики ни один из освобожденных не сбежал и новой меры не нарушил. Зато к суду готовимся в приличных условиях. Вопреки

частому мнению, что суды никого не выпускают, знаю, что если работаешь, то выпускают и не мало. Иногда, правда, это играет и злую шутку. Встретившись как-то в костромском СИЗО с иногородним «авторитетом», «тертым» этой пенитенциарной системой, уже на втором свидании получил от него неожиданный вопрос: «А я тут пробил по СИЗО, тебя чего-то как адвоката люди-то и не знают!». «Так у меня кроме тебя тут никто и не сидит! Все на подписке или на залоге!» — отвечаю ему. Сомнения сняты, а через несколько месяцев и этот арестант меняет камеру на более привычные условия. Нужно верить адвокату! А адвокату о клиенте заботиться! И в этом залог наших хороших взаимоотношений с момента знакомства и до момента расставания, каким бы он ни был.

Через неделю Вагин назначает биологическую экспертизу по изъятым ножам, он уверен, что на ноже моего клиента будут следы крови убитого, а на втором — двоих выживших. Еще через неделю эксперты удивляют: крови нет вообще. Второй охранник признается, что после драки испугался и вымыл свой нож еще до изъятия. Но второй нож никто не мыл! Следовательно продолжает не верить моему клиенту и выпускать упорно не хочет. Оба ножа — точная копия друг друга, даже куплены и выданы охранникам одновременно. Какой из них орудие убийства? На очередной беседе Шабышев вспоминает, что его удовлетворила стандартная заводская заточка, а напарник точил свой нож о камень. Ходатайствую о допросе напарника, тот подтверждает. Используем минимальные различия между ножами. Прошу изъять одежду всех пострадавших и провести экспертизу, каким из двух ножей она повреждена. Уже знаю, что ткани тел потерпевших ответа на этот вопрос не дадут. Вагин назначает новую экспертизу.

А мы пока, ничем не рискуя, обжалуем в суд содержание под стражей. Жалоба удачно попадает судье Ольге Юдиной. Человек опытный, жесткий, но способный принять нестандартное решение по совести, на что и рассчитываем. Кроме того, Вагин вынужден представить суду те протоколы допросов очевидцев и участников драки, которые в ином порядке нам видеть не разрешено. И вопреки его начальным заверениям никаких «железных доказательств вины фигурантов» мы там не видим: все, кроме Шабышева и напарника, так

пьяны, что никакой целостной картины в их показаниях нет. Убеждаем в этом судью, и она меняет меру пресечения на залог в сумме всего лишь десяти тысяч рублей, мотивируя это положительными характеристиками. А их у нас более чем достаточно. На 35-й день после задержания клиент вновь обретает свободу.

Еще месяц проходит в ожидании заключения экспертов, но оно того стоит. Полученный вывод: заточка на ножах разная, а повреждения на одежде в областях ран всех троих потерпевших причинены одним ножом. И это — нож не Шабышева! Клиента «отпускает», вижу его первые эмоции, пытается убедить Вагина: «Я тебе в первый день говорил, что не бил ножом! А ты не верил! Ты, вот, домой приди, включи в ванной лампочку в пятнадцать ватт и посиди полчаса! А я в таких условиях тридцать пять дней в кутузке просидел». Еще через неделю Вагин прекращает дело Шабышева по убийству за отсутствием состава преступления, устно приносит извинения. Дело по убийству прекращено через 2 месяца — неплохо! Как просил прокурор. Ну, или почти... Едем домой.

А через неделю у Шабышева снова повестка о явке. Едем по тому же маршруту, размышляем о возможных причинах: может, что-то из вещдоков выдаст? Не угадали. Вагин знакомит с новым постановлением о возбуждении уголовного дела в отношении Шабышева, теперь — по статье 116 УК РФ, по бои. Указано, что в момент конфликта он нанес один удар ногой в область бедра потерпевшему Н. и там экспертиза обнаружила кровоподтек. Н. — тот самый погибший, чье убийство вменяли Шабышеву первоначально. Он же — пятый, появившийся уже на улице и бежавший от машины бить упавшего охранника. Да, именно его Шабышев остановил, потребовал вернуться в машину и дал, по собственному выражению, «пинка для скорости». Пинок и убеждения не подействовали, к месту драки Н. все-таки добежал, где и получил роковое ножевое ранение.

Происходящее похоже на фарс, но еще мирно уточняю у Вагина: «Вам это зачем нужно? Обосновать содержание под стражей?» Отвечает, что решение принял прокурор. Шабышев нервничает, призывает к совести. Успокаиваю его и иду к прокурору района.

Старший советник Шумарин — занятой человек и уделяет мне не много времени. «Да, дело по Шабышеву я возбудил. Мое предложение: он признает вину, вы пишете ходатайство о прекращении дела за деятельным раскаянием, и все прекращаем». «За побои? Да, увас даже номер нового дела тот же, что у старого». Разговор Шумарину не нравится, и он предупреждает: «Ничего другого у вас не получится. И клиенту это объясните». «Прекращайте по реабилитирующим основаниям и забываем об этом моменте», — отвечаю ему. Вопрос о согласии с этой нелепостью у нас даже не стоит. Последующая пара месяцев проходит тоскливо. Вагин и Шумарин «плетут» сеть нового обвинения и периодически опробуют ее на нас. Приезжаем, но показаний не даем, вины не признаем и в каждый предложенный документ сразу вносим записи о незаконности нового дела и желании следствия скрыть предыдущее незаконное обвинение в убийстве с месячным содержанием под стражей. Кучу жалоб с теми же доводами отправляю во все инстанции. Позитива нет, вышестоящим прокурорам на происходящее откровенно наплевать. А из дела Шабышева выделяют дело его напарника, который, в отличие от нас, рад прекращению дела по любым основаниям, лишь бы не тягаться с прокурором. В его действиях констатируют превышение пределов необходимой обороны в отношении всех троих потерпевших и дело прекращают за деятельным раскаянием! По нашему пинку дело продолжается в прежнем порядке. Шутим: «Эта нога — кого надо нога!»

Доходим до ознакомления с делом и понимаем, что полностью правы и опровергающих нашу позицию доказательств у стороны обвинения нет. Но одновременно приходит и понимание того, что предусмотренные в УПК основания для прекращения дела и оправдания нам совсем не подходят. Говорить об отсутствии события глупо — удар никто не оспаривает. Об отсутствии состава преступления? Слишком сложная конструкция защиты, не опровергающая выстроенную прокурором схему. Удар и кровоподтек есть, бил умышленно, плюс доводы, что на момент удара Н. и в драке-то не успел поучаствовать, бежал мимо... Следователь даже судмедэксперта допросил, что от такого пинка человек обычно испытывает физическую боль. Явно рассчитывают, что защита

этого не опровергнет, и у самого Н. теперь его ощущений не выяснит. А без этих фактов говорить о малозначительности или отсутствии общественной опасности перспектив вообще не вижу, суд опровергнет на «раз-два». Идем нетрадиционным путем и в качестве основного довода заявляем, что уголовное дело частного обвинения возбуждено прокурором незаконно и в нарушение процедуры, предусмотренной УПК. Заявителем должен быть сам потерпевший, либо его представители (в случае смерти), а заявлений от них нет. Получаем короткий ответ, что прокурор и сам вправе принять меры в защиту интересов потерпевшего, если тот к этому не способен. Да, такое в законе тоже есть... Что ж, перед судом наши взаимные позиции теперь определены и свою менять точно не будем!

Приезжаем с Шабышевым на первое судебное заседание в райсуд, мирно соседствующий со зданием прокуратуры. Молодость судьи Гурова внушает надежду, что человек еще не деформирован системой. Сообщаем о своем прибытии секретарю и сразу получаем от нее «черную метку» в виде вопроса: «Это вы у нас за оправдательным приговором приехали?» Понимаем, что в ответе секретарь не нуждается, и выходим в коридор. Через минуту место рядом занимает пожилая женщина. Выясняю, что она — мать погибшего Н. Узнав, что Шабышев и есть подсудимый, набрасывается на него с обвинениями: «как могли», «мой мальчик» и прочее. Сглаживая конфликт, замечаю, что все упреки к моему клиенту касаются убийства. Объясняю, что убийство ему больше не вменяют, только пинок. Она долго не верит, показывая обвинение, из дальнейшего общения понимаю, что ее обманули, пообещав, что суд будет рассматривать дело по убийце сына. Сама дело не читала, поэтому мы о ней ничего и не знаем. От нового обвинения мать в шоке. Появляется гособвинитель Шумарин, она набрасывается на него с претензиями, оба уходят.

Несколько судебных заседаний тщательно допрашиваем очевидцев и участников драки. Картина не в пользу обвинения, дополнительно выяснилось, что пятеро парней отмечали в баре освобождение одного из них из колонии после семи лет отсидки за грабеж, что пристава к двум женщинам, они облили их пивом, а у бармена Ромы отобрали компакт-диск с понравившейся

музыкой. Все парни ростом за 180 см, атлетического телосложения и резко контрастируют с сухошавым Шабышевым и, тем более, с его щуплым напарником. Вижу, что даже мать Н. близко к сердцу принимает все эти новые сведения, при удобных случаях объясняет, что сын случайно попал в эту компанию, и она не знала, как он проводит время. Удивительно, но даже потеря сына не мешает нормальной интеллигентной женщине адекватно оценивать ситуацию. К Шабышеву у нее упреков больше нет. Честно говоря, на такое даже не рассчитывали!

Наступает время ее допроса прокурором, ответы матери в нашу пользу. Понимая это, Шумарин пытается ее переубедить: «Подсудимый ударил Вашего сына ногой! Вам это безразлично?» И получает неожиданный ответ: «Я думаю, в той ситуации у него не было другого выхода». В свою очередь уточняю, с какой целью она приехала в этот суд и обращалась ли с заявлением о возбуждении дела по пинку. Отвечает, что была уверена, что Шабышева судят за убийство, о пинке не писала и писать бы не стала.

Доходим до прений. Гособвинитель настаивает на 116-й, и доводы внешне вполне пристойные: «пинать человека никто не имеет права», «этот человек еще ничего не сделал, он только бежал», «кто пытался ударить бутылкой с пивом обвиняемый не знает», «прежде чем что-то сделать, нужно выяснить истинные намерения того лица, от которого ты взялся обороняться». Требуем Шабышеву полтора года лишения свободы. Получаю слово и анализирую ситуацию в нашу пользу, доказывая, что подлинными целями этого дела является желание скрыть незаконность уголовного преследования по предыдущему об убийстве и содержание под стражей по нему, о незаконности возбуждения дела прокурором без заявления потерпевшего. В конце обращаюсь к присутствующим: «Знаете, если когда-нибудь вам удастся побывать в похожем баре, куда пьяная компания ребят атлетического телосложения придет отмечать освобождение из колонии одного из них, если вас обольют пивом, желая вам понравиться, а затем отберут понравившийся компакт-диск, не приведи бог, рядом в этот момент окажется не такой человек, который сидит на скамье подсудимых, а такой.., такой...», — делаю небольшую паузу и указываю пальцем на расслабившегося за столом Шумарина, — «...а такой, как прокурор! Который вместо того,

чтобы что-то сделать для вашей защиты, будет говорить, что сначала нужно выяснить истинные намерения того лица, который бьет вас бутылкой по голове». За исключением меня и Шабышева в зале смеются все, включая судью, секретаря и судебного пристава. Судья Гуров смеется больше всех. Гособвинитель — красный как рак.

Пока суд в совещательной комнате, к Шабышеву подходит секретарь и говорит, что искренне надеется, что суд сейчас поступит по справедливости. Хороший симптом, с учетом того, как она встретила нас вначале. Может, что-то переломили... Еще через час очень серьезный судья Гуров оглашает приговор — полтора года лишения свободы условно.

Два месяца обжалуем приговор в облсуд и готовимся к заседанию. Шабышев постоянно спрашивает, может ли добавить в свое выступление то одно, то другое. Говорю, что могут недослушать, он обижается, что мешаю ему сказать все, что хочет. Уступаю. В суде он успевает сказать только одну фразу: «По этому делу в отношении меня был такой беспредел...». Председательствующий обрывает его словом «хватит!» и предложением убираться из этой страны куда угодно, если не нравится тут жить. «Есть еще что сказать?» Шабышев качает головой. «Ясно. Тогда слово адвокату!» Требую отмены приговора и прекращения незаконно возбужденного дела. Суд уточняет, что за новое процессуальное основание и где оно предусмотрено. Настаиваю, что это — единственно законное решение в созданной прокурором ситуации. Приговор отменен, но дело направлено на новое рассмотрение.

Спустя несколько месяцев снова Судиславль. Дело рассматривает председатель райсуда Григорьева, уже понявшая неоднозначность перспектив. Не торопится, и к ней мы ездим месяца три. На этой дистанции мать погибшего сходит со словами, что видеть эти суды уже больше не может. Расстаемся с ней с сожалением и почти друзьями. Желает нам удачи, и это дорогого стоит. В результате — у нас новый обвинительный приговор, где вместо прежнего наказания — штраф в пять тысяч рублей.

Снова несколько месяцев обжалуем его в облсуде. Шабышев говорит, что больше выступать не может и предлагает сделать это мне одному. Настаиваю на прежней пози-

ции. Звезды благоволят, и в этот раз нашу жалобу полностью удовлетворяют. Приговор отменен и производство прекращено из-за нарушения процедуры возбуждения дела частного обвинения. Согласно вердикту, прокурор не вправе был действовать без заявления потерпевшего. Все понимают, что за простым и коротким решением в действительности лежит вся совокупность того, чем плотно набито это дело, ставшее за четырнадцать месяцев уже многотомным. Радоваться сил нет. Говорить тоже, в общем-то, не о чем. Выбрались...

ПРАВО БЫТЬ МАТЕРЬЮ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

*Обязанность без права есть рабство,
право без обязанности — анархия.*

Ф. Ламенне

Основы правового статуса осужденных к лишению свободы закреплены в отдельных нормах Конституции РФ, УК РФ и УИК РФ.

Значимое место в системе регулирования правового статуса осужденных имеет и международное нормативное право. Оно находит отражение в российском законодательстве, которым устанавливаются права и обязанности осужденных и государства по отношению к ним.

В настоящее время именно государство определяет сам факт наличия рассматриваемых отношений к лицам, совершившим преступления и в последствии осужденных к лишению свободы, а также условия их повседневной жизни на протяжении срока, который установлен от имени государства.

Психологическое воздействие, которое оказывается на любую личность в местах лишения свободы не исправить координационными центрами, такие бы функции они не исполняли.

Женщины особенно беззащитны в условиях лишения свободы, они нуждаются в особой защите от посягательств или противоправного обращения, им должна быть гарантирована физическая и психологическая безопасность. Беременные женщины или кормящие матери, оказавшиеся в местах лишения свободы, оказываются в очень тяжелом положении, так как исправительное учреждение далеко не идеальное место для рождения и воспитания ребенка, даже если там имеются необходимые для этого санитарно-гигиенические и прочие условия. Государственные органы и учреждения относятся к женщинам-правонарушительницам как (не побоюсь этого

слова) к неравноправным членам общества. Общество, отправив их в буквальном смысле выживать в трудных условиях мест лишения свободы, забывает, что каждая такая женщина часто является жертвой тех или иных жизненных обстоятельств (отсутствие средств к существованию, жилья, обман, жестокость и насилие) и что совершению преступления часто способствовал тот факт, что ей в трудной жизненной ситуации никто не помог.

Автор пособия для тюремного персонала «Подход к управлению тюрьмой с позиции прав человека» Эндрю Коил, основываясь на данных Международного центра тюремных исследований, утверждает, что во всех пенитенциарных системах мира доля содержащихся в тюрьмах женщин составляет от 2% до 8% от общего числа заключенных. В российских колониях, по данным ФСИН, на конец 2022 года находилось около 340 тыс. человек. Среди них — примерно 30 тыс. женщин, несмотря на то, что они в 10 раз реже мужчин совершают преступления, Россия входит в число государств с наибольшей долей женщин-заключенных — 8—12%.

Ситуация с женщинами-заключенными весьма отлична от ситуации с мужчинами и поэтому именно ей следует уделить особое внимание. Отправляемые в места лишения свободы женщины зачастую были жертвами физического или сексуального насилия, у них наблюдаются различные запущенные проблемы со здоровьем.

Восьмой Конгресс ООН (по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями определил, что «использование заключения для определенных категорий правонарушителей, таких как беременные женщины или матери с детьми, должно быть сокращено, и специальные действия должны предприниматься для исключения широкого использования заключения по отношению к этим категориям. Также рекомендации указаны на Парламентской Ассамблеи Совета Европы за № 1469 от 30.06.2000, в которых указано, что рекомендуется разрабатывать и использовать в отношении матерей маленьких детей наказания, исполняемого по месту жительства и избегать использования тюремного заключения.

Уголовно-исполнительный Кодекс РФ указывает на особенности материально-бытового обеспечения осужденных беременных женщин, осужденных кормящих матерей и осуж-

денных женщин, имеющих детей, из которых следует, что в исправительных учреждениях, где отбывают наказание женщины, имеющие детей, могут организовываться дома ребенка, и матери детей в возрасте до 3-х лет могут общаться с ними в свободное от работы время без ограничений. Дети могут содержаться в таких домах до достижения 3-х лет, а затем, с согласия матери, могут быть переданы родственникам, либо отправлены в соответствующее детское учреждение. Однако, если матери до окончания срока наказания осталось не более года, администрация исправительного учреждения может продлить время пребывания ребенка в доме ребенка до окончания срока отбывания наказания матерью.

В конце 2015 года ФСИН утвердила «Дорожную карту» по совместному проживанию матерей с детьми в местах лишения свободы. Данный документ был разработан по инициативе Совета при Правительстве РФ по вопросам попечительства в социальной сфере. «Дорожная карта» предусматривает постепенный переход к совместному проживанию отбывающих наказание матерей с детьми до 3-х лет.

Уже в 2016 году совместное проживание с детьми в отдельных помещениях было организовано примерно для для 2% заключённых матерей, к концу 2017 года уже для 40%. Планировалось, что к концу 2021 года составит 100%, однако на начало 2023 года 100% совместного проживания не достигнуто.

Главное, что не хватает женщинам в колониях—это поддержка близких и правовое отношение. Все это зависит от сотрудников учреждения. Кто-то примет во внимание, что женщина ждет ребенка, а кто-то нет. Беременным положена повышенная норма питания, но это не роскошные обеды, а дополнительный стакан молока и хлеб. ФСИН—очень закрытая система, но адвокаты стараются узнать о нуждах своих подзащитных.

В России 13 исправительных колоний для женщин с домами ребенка и, к сожалению, не все идут на контакт для информирования родственников о состоянии матери и ребенка.

До 2014 года в колониях не было совместного проживания. Матери видели детей в лучшем случае по несколько часов в неделю, хотя не были лишены родительских прав.

Вместе с правозащитниками и профильными НКО адвокатура поднимала вопрос о совместном проживании матери с ребёнком на государственном уровне.

Расти ребенку без мамы — большой стресс, который мешает нормальному развитию ребенка. Дети ведь ни в чем не виноваты. С другой стороны, если женщины не могут ежедневно быть рядом с ними, то большинство из них могут так и не научиться быть матерями. Между ними может не появиться та связь, которая есть между матерью и ребенком.

Минюст предлагает уредить возраст детей, находящихся в доме ребенка при ИК или СИЗО.

Нахождение ребенка с матерью во время отбывания наказания стимулирует женщину к формированию в дальнейшем законопослушного поведения и обязанности по воспитанию ребенка. Эти изменения создадут более широкие возможности для соблюдения прав материнства и детства, будут способствовать сохранению родственных связей женщин, содержащихся в местах лишения свободы совместно с детьми. Чем дольше ребенок будет находиться с матерью, тем сильнее их привязанность друг к другу и тем выше шансы ответственного и правопослушного поведения матери после освобождения из мест лишения свободы.

В моей адвокатской практике встречались нарушения прав женщин, имеющих грудных детей, отбывающих наказание в местах лишения свободы. Особенно хочется остановиться на следующем: совместно с представителем Аппарата Уполномоченного по права человека в Иркутской области Вороновой Л. Ю. я отстаивала нарушенные права осужденной Ивановой Ирины Викторовны (фамилия изменена), которая находилась на домашнем проживании при КП-44 (п. Бозой ОИК-1 УФСИН России по Иркутской области) до 13 марта 2014 г. 14 марта 2014 г. была признана злостным нарушителем порядка отбывания наказания из-за употребления спиртных напитков. Ранее Ивановой, в связи с положительными характеристиками, администрацией исправительного учреждения КП-44 было разрешено находиться с семьей дочерью и мужем на семейном проживании.

13 марта 2014 г. у мужа осужденной произошёл конфликт на почве личных неприязненных отношений с жителем п. Бозой и хотя ранее поводов для составления отрицатель-

ной характеристики Иванова не давала, последовали санкции именно в ее отношении, тогда как никаких оснований для применения правовых мер в отношении ее мужа выявлено не было.

Давление администрации было именно на Иванову в части признания ее факта употребления спиртных напитков совместно с мужем. При этом поступали угрозы отобрания 7-месячной дочери, а поэтому она, беспокоясь за судьбу дочери, признала факт употребления спиртных напитков. Хотя Иванова выполнила все требования, в этот же день администрация с помощью сотрудников полиции отобрали 7-месячную дочь и поместили в ЦРБ пос. Усть-Ордынский, и это, несмотря на то, что она кормила ребёнка грудью.

Все дальнейшие действия администрации были выполнены в нарушении прав Ивановой. Сомнительным было проведение медицинского заключения об освидетельствовании на употребление спиртных напитков, так как было нарушено право Ивановой и не проведен анализ крови и мочи, на чем она настаивала. Кроме того, в материалах личного дела отсутствовала информация о том, что Иванова замужем и имеет грудного ребёнка.

12 мая 2014 года Эхирит-Булагатский районный суд изменил вид исправительного учреждения в отношении Ивановой.

Иванова с 13 марта 2014 года по 28 марта 2014 года была водворена в ШИЗО на 15 суток, а затем отправлена на физически и психологически тяжелые работы, несмотря на то, что она находилась в отпуске по уходу за ребенком до полутора лет и в соответствии с законодательством РФ была освобождена от работы, с связи с рождением ребенка до августа 2016 года. Водворение Ивановой в ШИЗО было также нарушением законодательства, а именно ч. 7 ст. 117 УИК РФ «Осужденные женщины, имеющие детей в возрасте до 3-х лет в доме ребенка исправительного учреждения, и осужденные женщины, освобожденные от работы по беременности и родам, а также осужденные, являющиеся инвалидами I группы, в штрафной изолятор, помещение камерного типа и единые помещения камерного типа не переводятся».

Для восстановления нарушенных прав Ивановой защитой была подана апелляционная жалоба в Иркутский областной суд для обжалования постановления суда I инстанции, который отменил постановление нижестоящего суда и отправил материалы в суд I инстанции, отказавший администрации в удовлетворении представления об изменении вида режима на более строгий в отношении Ивановой.

Учитывая сложившуюся ситуацию со стороны администрации, Уполномоченный по правам человека в Иркутской области, а также и защита обратились к руководству ГУФСИН России по Иркутской области о переводе Ивановой в другое аналогичное учреждение пос. Плишкино.

Малолетняя дочь Ивановой была взята на воспитание отцом ребёнка и родителями Ивановой. В дальнейшем защита обратилась с исковым заявлением о компенсации причиненного морального вреда Ивановой неправомерными действиями администрации ФКУ ОИК-1 ГУФСИН России по Иркутской области, в котором были изложены действия администрации по нарушению прав Ивановой — незаконное водворение в ШИЗО, отобрание грудного ребёнка, использование труда Ивановой на тяжелых работах в период нахождения в отпуске по уходу за ребёнком.

Суд I инстанции удовлетворил требования (в части), определив компенсацию причиненного морального вреда в сумме 40 тысяч рублей. Данное решение апелляционная инстанция поддержала.

Установленная сумма компенсации, причиненная Ивановой, никак не была соразмерна ее нравственным страданиям, однако в своем мнении суды опирались на существующую практику по Иркутской области.

По истечении установленного срока отбывания наказания и возможности выйти на свободу словно-досрочно, защита обратилась в Иркутский районный суд о применении к Ивановой условно-досрочного освобождения, ходатайство защиты было удовлетворено, и семья воссоединилась.

На долю этой женщины выпало немало психоэмоциональных и физических страданий: рождение ребенка вне воли, неправомерные действия администрации, отобрание ребенка, находящемся на грудном вскармливании, поме-

щение в ШИЗО, а для женщины матери — это большая стрессовая ситуация, когда она на протяжении нескольких дней не была проинформирована где находится ее ребенок.

Со стороны администрации ГУФСИН по Иркутской области были приняты так называемые «соответствующие» меры.

В данном случае совместная слаженная работа Уполномоченного по правам человека Иркутской области и защиты помогла восстановить нарушенные права женщины-матери.

ГОРЬКИЙ КАПУЧИНО

*ФИО всех лиц заменены, текст не нарушает
адвокатскую тайну.*

Вы когда-нибудь пили горький капучино с чувством того, что положили мало сахара? Это история адвоката потерявшего точку равновесия между профессией и личной жизнью, оказавшегося на стадии эмоционального выгорания. Откровенно говоря, это состояние не является чем-то уникальным, но выводы делать вам — возможно, мне стоило быть немного циничной.

Село. Население 25 тыс. человек. Чистый воздух с изумительной природой идеально сочетается с современными условиями жизни, есть всё — от спортзалов до ночных клубов. Тут нет пробок, вам не нужно просыпаться в 6:00 и куда-то спешить. Административный центр района, включая суды и правоохранительные органы в шаговой доступности. Отношение между адвокатами-коллегами построены на взаимоуважении. Ну и самое главное — профессиональной работы по оказанию юридической помощи с высоким доходом более чем достаточно. Чем не рай для адвоката?

Мое сельское адвокатское утро началось с поиска телефона. Казалось бы, что сложного запомнить, куда я его положила. Но не всё так просто.

Раздался звонок, телефон оказался в холодильнике. Входящий звонок от Андрея Петровича, одного из высокопоставленных должностных лиц района.

— Доброе утро, Яна Викторовна. Не могли бы вы срочно зайти ко мне в кабинет? — голос был довольно нервный.

— Доброе утро, Андрей Петрович, подойду, — ответила я, сама внутренне критикуя себя за довольно странную находку телефона, и в то же время, оправдывая себя тем, что работа на износ привела к рассеянности.

Кабинет Андрея Петровича был полностью пропитан запахом сигарет, чувствовалось, что он сегодня не спал.

И вот он мне протягивает бумагу, которая по внешнему виду явно была перечитана несколько раз.

Это была жалоба на него, подписанная от имени коллеги-адвоката. Содержание жалобы наносило основной удар по личной жизни Андрея Петровича. Вместе с тем текст жалобы юридически грамотно структурирован.

— Жалоба написана явно не моим коллегой, это не его подпись. Вы знаете, что если нам что-то не нравится, то мы это говорим напрямую,—довольно решительно ответила я.

— Я уже в курсе, что он её не писал,—начал говорить Андрей Петрович, откидываясь от спинки своего кресла.— Но вам не кажется, что кто-то хочет подставить адвокатов? Может быть, все таки кто-то из ваших? Помогите мне найти этого человека, поскольку этот человек шифруется за вашими именами,—закончил он, интонационно внушая в мой адрес сомнения.

Сидя в своем кабинете, я анализировала ситуацию. Ведь это третья жалоба и снова адвокаты. Кто-то бросал тень на репутацию адвокатов, притом старался вывести их на межличностный конфликт и на конфликт с должностными лицами района. Местные коллеги-адвокаты имеют стаж работы более 12 лет, и я их знаю уже больше 5 лет, ни один из них так грязно бы себя не повел и не пренебрег бы профессиональной этикой—успокаивала я саму себя.

Мой внутренний диалог прервала женщина, рядом с ней стоял ее сын в возрасте 35 лет.

«Бывшая супруга моего сына хочет взыскать дополнительные расходы на содержание ребенка в размере 3000000 рублей, эта женщина мошенница, сама ездит на «Lexus», а мой сын еле сводит концы с концами...» с таких слов началось мое новое адвокатское дело, которое внутренне меня пожирало.

Могла ли я им тогда отказать в помощи? А как же профессиональный долг... Но сейчас не в этом суть, а в фабуле дела.

Катерина одна воспитывает особенного ребенка Антона. У Антона ДЦП, он перенес несколько операций и курсов реабилитаций. Катерина обращается в суд с целью взыскания

с отца ребенка фактически понесенные ею расходы на лечение и покупку технических средств, просит взыскать ежемесячные дополнительные расходы на содержание ребенка на основании ст. 86 СК РФ.

Основная цель моей правовой помощи заключалась в уменьшении предъявленных доверителю расходов. Как полагается в нашей профессии, я приступила определять факты и доказательства, которые должны были лечь в основу юридической позиции.

Итак, в своей открытой странице «ВКонтакте» Катерина опубликовала множество постов с просьбой о материальной помощи своему сыну, выражала признательность не равнодушным лицам.

Вот пост в котором Катерина благодарит Андрея из г. Перми за покупку кресла-коляски для детей-инвалидов, прилагает чек.

Однако в своем исковом заявлении она просит взыскать в качестве компенсации расходы на покупку этой самой коляски, не указывая, что покупку полностью спонсировал благотворитель.

Сбор денежных средств на Антона вели несколько благотворительных фондов. С учетом того, что фонды достаточно открыто ведут свою деятельность, на их сайтах была полная информация: сумма сбора, цели сбора, реабилитационный курс в медицинских учреждениях, счета и платежные поручения.

Вместе с тем на моих руках лежали документы, прилагаемые Катериной к исковому заявлению — те же счета с теми же самыми курсами реабилитаций, оплаченные благотворительными фондами. Совпадало абсолютно всё: сумма, периоды лечения и медицинские учреждения, не совпадала лишь информация о действительном плательщике. Оказалось не удивительным, что в приложенных Катериной платежных поручениях информация в графе «плательщик» отсутствовала.

Выходит Катерина сфальсифицировала платежные поручения и выдает потраченные денежные средства на ребенка в качестве личных денежных средств.

Я достаточно холодно и объективно описала вам факты дела. Но давайте взглянем в душу адвоката.

Просматривая посты и видео в социальных сетях, эфиры в Ток-шоу с участием сторон, я видела и чувствовала всю боль Катерины, ее безысходность, депрессию, ее увядание в молодости, отсутствие своей личной жизни и все возможные попытки помочь своему сыну Антону. И Антона... Как мать берет его на руки, а он весь парализованный, светящими и улыбающимися глазами произносит сильнейшее слово «мама». Он не может самостоятельно ходить и есть, отсутствуют полностью навыки самообслуживания.

Итак, на лицо острое противостояние права и морали — нежелание отца помочь своему сыну со всеми законными способами и отчаянную мать, пытающую хоть как-то получить у него помощь на ребенка-инвалида.

Это противостояние привело меня к внутреннему конфликту. Нет, во мне не бушевало осуждение доверителя или Катерины, ведь адвокатам не стоит играть в игру «осуждения» и переступать эту границу. Я не могла найти согласия между различными доводами. И всё же, правда сильнее в морали или в праве? Единственное, что я могу сказать, что правда морали не всегда одерживает победу в суде, но сила правды права точно может переломить дух. И тут все зависит от человека, выдержит ли он этот удар или нет.

Дело моего доверителя оказалось последней каплей и так устоявшихся беспощадных размышлений. Параллельно с этим делом меня закрутило в мясорубку мыслей о жалобах, и в буквальном смысле раздражала неизвестность их отправителя.

— Мне очень тяжело вести морально это дело, — обратилась я ночью перед судебным процессом по делу Катерины к своему супругу с целью почувствовать какую-нибудь поддержку.

— Значит адвокатская профессия это не твое! — не задумываясь, ответил он.

Ответ меня разозлил. Мой супруг недавно получил статус адвоката, и в то время он находился в эйфории и чувствовал себя главным героем фильма Тейлора Хэкфорда «Адвокат дьявола» в исполнении Киану Ривза.

— Знаешь, адвокатура это не... — начала я защищаться от вердикта, вынесенного супругом.

— Яна, не злись, я тут узнал, кто мог написать те жалобы, — перебил меня он, поменяв тему разговора.

— Есть предположение, кто конкретно этим занимается, ведь я начала сомневаться в наших коллегах? — спросила я.

— Позже скажу, но вероятнее всего это кто-то из дознавателей — ответил супруг.

Ночь опять оказалась бессонной, в моей голове крутились вопросы о справедливости, преданности, о человеческих ценностях. Я обдумывала все свои дела, практически воспроизводила все судебные процессы в голове, меня затягивала на дно мое новое дело и мысль о крысе, пишущего жалобы от имени адвокатов.

Судебный процесс по делу Катерины начался в первой половине дня. Как я говорила, основная моя цель — это уменьшение предъявленных моему доверителю расходов. Моя цель в полной мере не была достигнута, поскольку Катерина отказалась от иска, испугавшись, что дело может дойти до правоохранительных органов.

Вот такая финишная прямая моего дела: ликование моего доверителя и истеричные слезы Катерины. Что ж, сила правды права оказалось куда сильнее правды морали.

После изнуряющего рабочего дня дома я заварила себе кофе, но вдруг вспомнила, что на утро необходимо подготовить по новому делу ходатайство в суд и побежала к ноутбуку.

— Ты в капучино не положила сахар, он очень горький на вкус, — сказал мне супруг и ушел на вечернюю пробежку.

Мой ноутбук меня подвел, по какой-то причине он не включался. И я решила набрать ходатайство на ноутбуке моего супруга. Обычно я открываю первый попавшийся мне документ и на его основе создаю новый файл. В соседней комнате зазвонил мой телефон, но трубку я уже не взяла, потому что-то в моих глазах отражался незаконченный текст жалобы на меня как на адвоката и на моих коллег. Не составило труда найти жалобу супруга и на Андрея Петровича.

За окном был слышан смех играющих детей, и лишь в темной комнате погас экран ноутбука, а на столе остался так и не допитый горький капучино.

Эта история начинается с хорошего — с дня рождения.

— Поздравляем, Андрей, мы с мамой решили подарить тебе эту полезную вещь, надеемся, она тебе поможет.

— Папа, спасибо. Что это, видеорегистратор? У меня как раз нет, повешу в машине обязательно! Спасибо Вам, родные мои!

— Да что ты, сынок, мы пенсионеры, дорогой купить не смогли, а этот оказался вполне приемлемым по цене. С днём рождения, сынок!

Андрей поставил в свою старенькую машину регистратор и с удовольствием ездил по магазинам, близились новогодние праздники и многое надо было купить. Вечером 30 декабря Андрей с сожительницей Ирой поехали из своей деревни за продуктами в один из гипермаркетов Тулы. Около 22 часов, закупившись, они мирно ехали домой, заснеженные дороги были пустыми.

Примерно в это время 16-летний паренёк по имени Саша (имя изменено), приятно проведя время с сокурсниками по училищу, возвращался домой. До этого дня Саша не употреблял алкоголь, но друзья уговорили, была приятная компания и Саша согласился. Идя домой с остановки, надо было пройти часть расстояния по неосвещённой дороге, после чего пересечь её, а там уже и до дома рукой подать. Он был одет в тёмную одежду и обувь без светоотражающих элементов и тёмную шапку. Как назло, села батарейка в фонарике. Дома ждали приехавшая с учёбы старшая сестра и строгая мама, которая контролировала поведение детей. Возвращение после 22 часов было табу с детства. Саша был нетрезв и не знал, как мать отнесётся к этому. Такого опыта он ещё не имел. В голову приходили одни слова объяснения, потом другие. Ладно хоть успеваю. Саша собрался перейти дорогу и поглядел время. 22 часа 05 минут. Опоздал! А ещё идти сколько! И запах алкоголя мать учует!

Андрей с Ирой, разговаривая, ехали по городу. После одного из поворотов за ними, повернув, пристроился какой-то легковой автомобиль. Дорога вывела на загородную неосвещённую трассу, жилых домов поблизости не было. Впереди никого не было, сзади одна машина, которая не спешила его обгонять. Скорость Андрея стала 75 км/ч, но он не беспокоился, гололёда не было.

Через дорогу наперерез автомобилю метнулась тёмная тень, раздался крик Иры, Андрей почувствовал удар автомобилем обо что-то, сразу вырулил на обочину и остановился. Объехав его, впереди на обочине остановился ехавший сзади водитель Иван. На проезжей части лежал сбитый Саша, он уже не дышал. Но Андрей и остановившийся рядом с ним Иван этого не знали. Звоня в скорую и полицию, они стали бежать в разные стороны навстречу машинам и тормозить их, размахивая руками, чтобы на лежащего паренька не наехали. Это им удалось. Вскоре приехала скорая помощь и констатировала смерть на месте. Полиция изъяла видеорегиистратор и автомобиль.

Следующие несколько месяцев Андрей был в статусе свидетеля. Файл с видеозаписью ДТП отправили экспертам на восстановление. Дотошный следователь полиции, взяв Андрея, его машину и видеорегиистратор, воссоздал на месте в ночное время обстановку ДТП, что зафиксировал протоколом осмотра места происшествия. В ходе следственного действия он включил изъятый видеорегиистратор и ближний свет фар на «Кадиллаке» Андрея, после чего они проехали до места ДТП. Всё это время экран видеорегиистратора показывал темноту, несмотря на хорошее освещение дороги фарами автомобиля. Дешёвый китайским регистратор больше из себя выжать не мог. Был добросовестно опрошен следователем Иван, который сообщил, что ехал за старым «Кадиллаком» Андрея, видел горящие фары «Кадиллака», видел летящую через капот фигурку Саши, смог его объехать и сразу затормозил, после чего стал помогать Андрею не допустить наезда на Сашу других машин. Сидевшая на переднем сиденье Ира пояснила, что паренька она увидела резко перебегающим дорогу со стороны правой обочины прямо перед автомобилем, закричала от ужаса, но ДТП предотвратить было нереально. Кроме Саши, трезвыми были все.

Возбудили уголовное дело, которое сразу забрал Следственный комитет. Следователь пригласил Андрея и нанятого им адвоката на следственный эксперимент на место происшествия. Им было велено подождать на месте гибели Саши. Сам следователь отъехал на сотню метров, чтобы собрать остальных участников и порепетировать прогон автомобиля — объяснить участникам, как и что делать. Минут через 20 Андрей с адвокатом подошли к следователю, который с улыбкой сообщил им, что эксперимент окончен и все могут разъезжаться. Андрей почувствовал себя обманутым. Ещё через несколько месяцев Андрей был с адвокатом допрошен в качестве подозреваемого. Через 20 минут статус Андрея волшебным образом изменился на обвиняемого. Сразу после допроса он был ознакомлен с адвокатом с постановлениями о назначении экспертиз и с заключениями экспертов. А ещё через сутки наступило ознакомление с материалами уголовного дела. С момента статуса подозреваемого до окончания дела прошло буквально пара дней. Замечания и возражения адвоката успеха не принесли, дело ушло в суд.

Андрей обратился ко мне и моему коллеге Сергею Горячеву. Суд был в разгаре, потерпевшая мама покойного Саши привозила адвоката из Москвы и была весьма активна в своей позиции, где Андрею место было только в тюрьме.

Обвинение базировалось на выводах Воронежской экспертизы о том, что Андрей якобы ехал в момент ДТП с выключенными фарами, только на включенных габаритах, что помешало покойному Саше оценить расстояние до автомобиля. Экспертиза пришла к такому выводу на основании заключения специалиста ООО БНЭ «Версия» из Москвы, который увидел тёмный экран видеорегистратора в момент ДТП — на восстановленной ЭКЦ УМВД видеозаписи не было освещено фарами пространство перед автомобилем, но при остановке автомобиля после ДТП у обочины рядом с сугробом на видеосъёмке стал разгораться свет фар. Андрею предъявили обвинение, что он совершил ДТП на неосвещённой дороге без ближнего света фар, только на габаритных огнях.

Сразу после подписания нами соглашений Андрею было дано задание найти и купить точно такой же видеореги­стратор, что был у него в день ДТП и найти человека с точно таким же автомобилем, как у него. Видеореги­стратор нашёлся по интернету и приехал из Челябинска, а автомобиль нашли в Тульской области. Было уже лето и потому воспроизвести дорожную обстановку на месте ДТП пришлось в два часа ночи — добивались полной темноты и отсутствия движения автомобилей с включенными фарами — максимального при­ближения к ситуации ДТП. В суде мы ещё не появлялись. Надо было выработать линию защиты.

Адвокат Горячев С. А., сидя рядом с водителем «Кадил­лака», стал снимать происходящее на дороге через лобовое стекло камерой своего мобильного телефона. Параллельно съёмку вёл прикреплённый видеореги­стратор той же мо­дели, что была изъята полицией. Экран видеореги­стратора исправно показывал темноту, хотя ближний свет фар был включен и освещал дорогу. На экране телефона Горяче­ва С. А. видеозапись была чёткой. Комментируя проис­ходящее, адвокат назвал дату, время воспроизведения обстановки, а также то, какие предметы на дороге видны в настоя­щее время. По окончании движения автомобиль затормозил и припарковался возле изображающей в тёмное время суток сугроб белой укрывочной плёнки, хорошо видной при включенном ближнем свете фар. Свет фар на записи реги­стратора «разгорался» аналогично тому, как на видеозаписи момента ДТП при появлении в кадре сугроба. Это доказа­ло, что ближний свет горел с самого начала движения, не включался и не выключался при движении автомобиля. На видеозаписи с видеореги­стратора марки «Carmega VRG133», как и на видеозаписи от 30.12.2018 года, имевшейся в рас­поряжении суда, была видна лишь тёмная дорога, в то вре­мя как на движущейся автомашине был заранее включен ближний свет фар. На аналогичной по времени и дате син­хронно снимавшейся адвокатом через лобовое стекло авто­мобиля видеозаписи с мобильного телефона эта же часть дороги и предметы дорожной обстановки видны как нор­мально освещённые ближним светом фар, что хорошо пере­дано камерой мобильного телефона. На обеих видеозапи­сях (как с видеореги­стратора, так и с мобильного телефо­

на), сделанных одновременно и синхронно, слышны одни и те же реплики лиц, сидевших в автомобиле при одних и тех же дорожных ориентирах, что свидетельствует об отсутствии подделки или монтажа и о том, что они сделаны в одно и то же время.

Затем адвокатом Горячевым С. А. с помощью водителя был осуществлён отдельный проезд автомобиля с включенным видеорегистратором и телефоном, но с переменным включением и выключением несколько раз ближнего света фар при постоянно работающих в ночное время суток габаритных огнях автомобиля «Cadillac SRX», 2004 года выпуска с одновременной синхронной записью проезда на видеорегистратор и на мобильный телефон марки «Honor 20S» с установленной на нём TRIPLE CAMERA 48 мегапикселей. На обеих видеозаписях совпадали комментарии адвоката Горячева С. А. о том, что при выключении ближнего света фар видимость дороги на габаритах практически нулевая и двигаться на автомобиле нереально — не видно ничего. Испуганный водитель на записях требует срочно включить ближний свет фар во избежание аварии.

Это полностью опровергало предъявленное Андрею обвинение.

Мы посмотрели технические характеристики видеорегистратора, содержащиеся в инструкции по эксплуатации. Камера оказалась не предназначенной для качественной ночной съёмки вследствие недостаточной чувствительности окна матрицы. Чем его числовое значение меньше, тем чувствительнее камера снимает ночные события. Для ночной съёмки чувствительность окна матрицы должна быть не более 1,8. А на видеорегистраторе это значение 3,2. Он не создан для качественной ночной съёмки. Флеш-карта в нём в момент ДТП стояла не 16 гигабайт, как это предусмотрено требованиями регистратора, а 8 гигабайт — флеш-накопитель информации не соответствовал требованиям по битрейтингу, а потому запись шла не 30 кадров в секунду, как положено, что очень повлияло на её качество. Оказалось, что этот видеорегистратор в тёмное время суток снимает только через инфракрасные диоды, коих на нём всего четыре, что очень мало. На нормальной камере их обычно около 20 вокруг объектива. Чем их меньше, тем хуже запись. При работе инфракрас-

ных диодов падает и количество кадров в секунду, а сами кадры снимаются в чёрно-белом режиме и с замедлением. На чёрно-белом кадре всё выглядит мутным и видимость не более 5—6 метров, ведь свет преломляется в инфракрасном режиме. Эксперты это не исследовали и обвинение было не в курсе об этих нюансах.

Якобы включение света фар после остановки автомобиля на обочине оказалось преломлением света от чёрно-белого изображения инфракрасных диодов в цветное изображение. Ближний свет фар стал отражаться от яркого белого снега на обочине и заставил выключиться инфракрасные диоды регистратора и включиться люмены для цветной более качественной съёмки, что изменило её прямо на глазах, создав эффект якобы загорающегося света. Если бы следователем была проведена экспертиза видеорегистратора, вся эта информация куда подробнее была бы изложена в заключении эксперта. Но от ходатайств о проведении такой экспертизы обвинение и потерпевшая с её адвокатом отбивались, как лвы. Суд был на их стороне и ходатайства защиты сразу отвергал.

В первом же нашем заседании в суде было заявлено ходатайство о просмотре видеозаписей с флешек проведённого нами эксперимента. Суд под громкие протесты потерпевшей стороны и прокурора удовлетворил ходатайство в части просмотра видеозаписи. Видеозаписи ввергли присутствующих в шок — прямое доказательство работавших во время ДТП фар опровергало обвинение в принципе. В перерыве к нам подскочила потерпевшая (мама покойного Саши) и прошипела адвокатам прямо в лицо: «Не злите меня! Прокляну!» Суд, поняв, чем запахло, отказал в приобщении наших видеозаписей к уголовному делу, чем дал понять, что хоть и видел воочию доказательства невиновности Андрея, но принимать их во внимание как доказательство не намерен.

Защита потребовала осмотр в суде как вещественного доказательства видеорегистратора и исследования сохранившейся в нём видеозаписи проведённого следователем полиции осмотра места происшествия с воссозданием обстановки ДТП. Под протесты потерпевшей и прокурора суд удовлетворил ходатайство. Видеозапись снова показывала темноту

и были слышны голоса участников осмотра места происшествия. В протоколе ОМП было указано, что ближний свет фар на автомобиле горел, на что торжествующая защита обратила внимание суда. Сразу допрошен уже при нас свидетель Иван, двигавшийся в своём автомобиле вслед за Андреем и помогавший ему на месте ДТП. Ивану прокуратура семь раз задавала на разные манеры вопрос о том, точно ли он помнит, что «Кадиллак» впереди него ехал с ближним светом фар. Иван клялся, что чётко помнит это, так как выезжал с прилегающей территории, пропустил «Кадиллак» и пристроился ему в хвост, а потому отчётливо видел, как фары «Кадиллака» освещают дорогу. Ивану прокуратура предъявила даже видеозапись ДТП, попутно обратив внимание строптивного свидетеля на то, что на видеозаписи нет освещения дороги от фар. Свидетель упёрся, что ближний свет фар был, а защита стала пресекать наводящие вопросы обвинения свидетелю.

Со свидетелем Ириной ранее был такой же концерт, но её тоже сбить не удалось. Под проклятия потерпевшей стороны, обещавшей нам, адвокатам, вне суда, где и как мы сдохнем, стороны разошлись.

Между заседаниями специалист сделал нам очистку и раскадровку видеозаписи ДТП с регистратора, имеющейся в распоряжении суда. Следователь такую раскадровку видеозаписи с регистратора сделать не удосужился. Около 5000 цветных кадров были распечатаны на цветном принтере, а также перенесены на CD-R диск. Плюс сделано заключение и приложения к нему.

На кадрах было видно то, что скрыто от глаза при обычном просмотре — отчётливо виден световой пучок от ближнего света фар. Свет габаритных огней автомобиля светит не более чем на 2—3 метра, а на «Кадиллаках» перед габаритным огнём стоит рассеиватель в виде решётки, которая позволяет не слепить встречных водителей, но видеть габариты автомобиля. На покадровой распечатке фигура перебегающего дорогу пешехода Саши освещена и свет этот освещал обочину дальше головы бегущего человека. С учётом его высокого роста, явно видно, что световой пучок выхватывает дорогу и обочину далеко за бегущей фигурой, то есть, на большем расстоянии, чем светит габаритный огонь, да ещё

и через рассеиватель. Защита предоставила документы, что фара ближнего света в автомобиле — ксенон, который загорается не от обычных 12 вольт, а от 2500 вольт. Ближний свет ксенона, если бы он при движении был выключен, а затем при парковке автомобиля включен (а на этом базировалось обвинение), включился бы в виде вспышки за 1 кадр, в то время как имелось медленное «разгорание» за 40 кадров (а 40 кадров на записи — это около двух секунд). Мы с коллегой обратили внимание суда на это, а также и на то, что на видеозаписи все предметы и тень от них, как в чёрно-белом изображении инфракрасных диодов, так и в цветном изображении одинаковы. При этом, свет на фигуре попавшего в кадры погибшего пешехода ровный, без следа рассеивателя, что указывает на то, что пешеход был освещён ближним светом фар, а не светом габаритных огней. Покадровую распечатку видеозаписи суд к делу приобщил и даже допросил по нашему ходатайству специалиста-видеотехника, который под присягой два часа рассказывал суду все тонкости, в том числе про установление с помощью этих кадров реальной скорости автомобиля.

При доказанности езды с ближним светом опровергались все выводы экспертов о том, с какой скоростью должен был ехать Андрей на габаритах.

Обвинение свято полагало, что какое числовое значение маркера скорости отражено на видеозаписи в момент наезда на пешехода, с такой скоростью автомобиль и двигался. Но видеорегиистратор реагирует на изменение скорости и отображает её на своём дисплее с запозданием на несколько секунд, на что следователь внимания не обратил. Это имеет значение только для случая ДТП, так как автомобиль движется уже медленнее, а скорость на видеорегиистраторе ещё прежняя, которая была пару-тройку секунд назад. Мы обратили внимание суда на то, что на покадровой распечатке, как и на самой видеозаписи, когда автомобиль уже полностью остановился, но ещё 2—3 секунды видеорегиистратор на дисплее отражал скорость автомобиля равную около 20 км/ч. На это никто не обратил внимания при направлении дела в суд, но это та погрешность отображения скорости данным видеорегиистратором, которая не была учтена обвинением. А так как технической экспертизы видеорегиистратора никто не прово-

дил, то нельзя утверждать, что автомобиль двигался именно с той скоростью, что отразилась на записи видеорегистратора в момент ДТП.

Но у обвинения был главный козырь — заключение специалиста ООО БНЭ «Версия» и производная от него экспертиза из Воронежа, где эксперты и этот «специалист» утверждали отсутствие горевшего ближнего света в момент ДТП. Ходатайства защиты об исключении их из числа доказательств на том основании, что при даче заключения специалист никем не предупреждался об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения, а также вообще не исследовал никакие материалы уголовного дела и видеозапись, о чём прямо указано в исследовательской части, суд отклонил. В вызове для допроса в суд нам тоже было отказано. Что интересно, у этого специалиста была та же фамилия, что и у одного из руководителей, курировавшего расследование, даже инициал отчества совпал. Мы просили вызвать специалиста ещё и для выяснения, не брат ли он тульскому правоохранителю. Вздрогнувший от этого обвинитель через минуту сообщила суду, что получила смс о том, что точно не брат. Суд поверил обвинению на слово и вызывать никого не стал. Нам ещё 2 раза отказывали в вызове специалиста и в исключении его заключения из доказательств, но в приговоре суд сам его из числа доказательств исключил.

Перед прениями защита проверила версию о самоубийстве Саши.

Ищущий да найдёт. За 4 дня до смерти Саша выставил в социальной сети «ВКонтакте» на своей странице пост с изображением тёмной дороги, размытого света фар приблизившегося автомобиля и надписью «Я уже мёртв». Совпадение? Всё может быть, но погиб он именно на тёмной дороге при свете фар сбившего его автомобиля. Суду были представлены скриншоты с его страницы с указанием Ай-Пи-адреса и доводами о том, что Саша мог быть самоубийцей, что исключает виновность Андрея. Тем более, что перебежать дорогу Саша стал в непосредственной близости от автомобиля, хотя мог подождать его проезда и спокойно перейти. За автомобилями Андрея и Ивана никто не ехал, встречных машин не было. Оттуда же на стол суда легли

скриншоты о том, что Саша весьма интересовался сообщениями по распространению наркотиков и был подписан на них. Суд изучил предложенное и не приобщил к уголовному делу.

А нам надо было, чтобы скриншоты и ранее отвергнутые судом флешки с видеозаписями нашего эксперимента были приобщены судом к делу как доказательства защиты. Придумали, как. Наш доверитель Андрей, давая письменные показания, достал ноутбук и, зачитав часть показаний, со словами, что сейчас будет демонстрационный фильм, стал показывать суду те же видеозаписи нашего эксперимента, попутно их комментируя. Текст его комментариев заранее был написан в речи на прениях. Но обвиняемый может давать показания как устно, так и письменно, и УПК РФ не запрещает ему продемонстрировать суду в обоснование своей позиции схемы, графики, диаграммы, фото- и видеозаписи, скриншоты и т. д. Суду пришлось смириться. Приложением к показаниям шли видеозаписи и скриншоты, которые суд так не хотел брать. Суд их отверг и сейчас, вернув обвиняемому. Защита сообщила суду, что, не взяв предложенное, суд, фактически, не взял часть показаний и доводов обвиняемого, что недопустимо как нарушение права на защиту и заявила ходатайство о приобщении видеозаписей и скриншотов. Суд удовлетворил ходатайство.

Эксперт-автотехник Ищенко Д. О. дал чёткие ответы, что водитель Андрей не располагал технической возможностью предотвратить ДТП даже при разрешённой скорости 60 км/ч. Это заключение суд в приговоре признал недопустимым доказательством, несмотря на то, что оформлена она была идеально и выводы её нигде не противоречили показаниям Андрея и свидетелей. Как и показания приведённого защитой специалиста-видеотехника (единственного в Тульской области имеющего уникальное оборудование, программы, которых не было на тот момент даже у экспертов-видеотехников нашего ЭКЦ) — они противоречили обвинению. Показания свидетелей о наличии ближнего света фар суд тоже проигнорировал. В приговоре суд проигнорировал вообще всё вышесказанное и признал Андрея виновным в ДТП, так как он, по мнению суда, ехал без ближнего света фар. А бросившийся под колёса пьяный пешеход Саша был прав и ничего не нарушил.

«Само по себе нетрезвое состояние пешехода нарушением не является». Апелляция в Тульском областном суде и Кассация в Саратове, а также Верховный суд РФ оставили этот приговор в силе.

Качество приговора характеризуется абзацем на странице 16 (дословно буква в букву): «При этом суд отвергает доводы стороны защиты о том, что понятые и статисты, о вызове которых в судебное заседание судом стороне защиты было отказано, поскольку являются надуманными и несостоятельным, ничем объективно не подтверждёнными.» Вы всё поняли? Перечитайте ещё раз)).

БЕЗНАДЕЖНОЕ ДЕЛО.

Имена и фамилии героев рассказа изменены.

Так сложилось, что это был рабочий день, в котором мне предстояло поучаствовать в трех судебных заседаниях: утром, днем и вечером. Успеть бы еще пообедать. Так бывает. Редко. Но бывает.

Утро. Все бегут, и я бегу. Семья обычно раньше меня уходит на работу/учебу, но сегодня мы толпились в квартире одновременно. Справились. Все ушли. У меня есть еще 10 минут на свои сборы и нужно лететь на встречу правосудию. Как я люблю эти состояния боевого стресса. Впереди весь день в сражении, схватке умов. Одним словом — состязание, как и гласит ГПК РФ.

И тут звонок. А на часах еще нет восьми, номер незнакомый. Вроде не спам. Взять или не взять? Перезвоню позже, как выбегу из дома. Или сейчас? Вечная дилемма, когда торопишься. Но победил мой принцип: «Ваш звонок очень Важен для меня!».

Я действительно никогда не позволяю себе игнорировать звонки с незнакомых номеров. И не потому что я испытываю недостаток клиентов. Нет. Ситуация обратная. Мои клиенты готовы стоять в очереди и ждать 2—3 недели, когда я смогу взять их дело, заключить договор и приступить к подготовке для них искового заявления, или взять в работу очередное безнадежное и уже текущее дело.

Я уважаю каждого клиента. Ведь в 90% случаях к адвокату обращаются уже тогда, когда все совсем плохо... А я видела, на что способен человек, когда находится в безнадежном положении. Страшно. Я не могу проигнорировать ни одного звонка. Ни одного. Я не беру трубку только тогда, когда нахожусь в судебном заседании. Ну и конечно с 23.00 до 7.00. Все же я не уголовный адвокат.

Отвечаю. Девушка. Слезы в голосе. «Мне Вас посоветовали. Помогите. Я не знаю, что мне делать. Я перестала спать. Я так больше не могу.» Как мне позже рассказала доверительница, она звонила мне с последней надеждой. И это еще не было восьми утра.

Господи! Как хорошо, когда живешь по правильным принципам. Делаешь дело и радуешься, что находишься на своем месте и спасаешь жизни. Почти как доктор.

Итак. Разговор был коротким, но максимально информативным. Паника пресечена. Суть понятна. Ситуация очень сложная. Девушка готова была приехать с документами ко мне в любое место и время для консультации и обязательно сегодня. Да. В такой ситуации консультацию лучше не откладывать. Согласовали время на 17.00 во Фрунзенском районном суде Санкт-Петербурга. Иначе никак. Весь день в бегах между судами, где и какие будут задержки по заседаниям не известно, поэтому согласование места встречи в последней точке моих передвижений казалось самым оптимальным. Да и во Фрунзенском районном суде время заседания, назначенное на 17.35, не сулило быстрого окончания моего рабочего дня. Чтобы не терять время на твердой скамье, лучше потратить его с пользой.

День. Пролетел стремительно и результативно. Все успела. Все сделала. Даже забежала пообедать рядом с офисом в ресторанчик на Итальянской. Там меня уже давно знают и помнят, что адвоката нужно максимально оперативно покормить. Было как всегда вкусно. Немного расслабилась сидя на мягком диване, закрыла глаза... Перезагрузка. Все. Спасибо. Дальше в путь.

Вечер. Достаточно быстро доехала до суда. Девушка уже ждёт. Отлично. Значит действительно вопрос для нее очень важен. В кабинете перед канцелярией есть большой стол, на нем мы и разложили материалы, которые были у клиентки Марины на руках.

То, что дело пахнет керосином, было понятно еще утром. Но, что все совсем плохо, стало понятно только вечером. Марина плачет. Цена вопроса — квартира, которую она заложила под кредит у физика в 300 000 рублей.

Нет, нет. Не подумайте, что она не платила кредит, платила. Исправно. Без просрочек. Но мошенническая схема

выдачи займов на небольшие суммы (позже стало понятно, что эти суммы варьировались от 50 000 до 300 000 рублей) была так хитро придумана, что люди легко теряли свое жилье и еще оставались должны значительную сумму. И все в рамках закона. Абсолютно. Не подкупаешься. Да еще, как на беду, поссорились между собой посредники в этой схеме, а Марину решили сделать виноватой. Марина оказалась не в том месте и не в то время. Так бывает.

На дату нашей встречи с Мариной прошло уже несколько судебных заседаний, Марина ходила в суд сама, ведь правда на ее стороне и она находилась в полной уверенности, что выиграет суд. Ей активно «помогал» советами представитель займодавца, утверждая, что пока идет суд Марине не нужно платить проценты и возвращать сумму займа, якобы суд во всем разберется и присудит ей сумму к выплате, поэтому делала Марина все «правильно», колоссальными темпами наращивая сумму неустойки по 2 000 рублей в день, но была спокойна и уверена в адекватности своих действий. Но на ее счастье в суд пришли юристы займодавца, вели себя в судебном заседании очень дерзко, и судья открыто сказала Марине, что она очень рекомендует взять ей адвоката для защиты. И отложила судебное заседание. Марина услышала и сделала правильный вывод.

По итогу нашей встречи Марина сразу была направлена к нотариусу для погашения займа и выплаты процентов, которые набегали на период «добрых» советов представителя займодавца, путем размещения денежных средств на депозите нотариуса. Это в дальнейшем радикально исправило безнадежное дело и позволило нам... но об этом позже. Следует отметить, что Марине не с первого раза удалось погасить займ через депозит нотариуса, т. к. последний оказывал явное тому сопротивление. Марина не была готова к такому развитию событий, растерялась, поплакала, позвонила мне и получив четкие указания по тактике разговора с нотариусом, наконец решила вопрос с погашением займа.

При нашей первой встрече я конечно спросила, зачем она брала займ под залог квартиры? Как всегда, оказалось, что другого способа взять даже такую небольшую сумму в банке было нереально. На ней висел долг и было возбуждено ис-

полнительное производство. Банки в выдаче кредита отказывали.

Картина маслом. Взяла Марина год назад деньги для подруги на телефон. Добрая душа. Подруга была очень благодарна и даже попросила указать в договоре свой телефон, чтобы Марину не беспокоили. Тут бы Марине задуматься, чего это банк должен был ее беспокоить? Но нет. Желание помочь подруге затмило разум и кредит были получены. Подруга деньги взяла и пропала. Кредит, как потом оказалось, не платила. Набежали проценты. Задолженность была взыскана в судебном порядке. Марина узнала о привалившем «счастье» только получив смс об исполнительном производстве. Забегала. Засуетилась. Поплакала по женской дружбе. Порыдала по отказам в банке. Сумма вроде небольшая, но сейчас ее нет. Нужно срочно погасить долг и забыть, как страшный сон. Коллега по работе помогла советом: взять у физического лица займ под залог жилья. И даже дала контакт. Уверяла, что сама один раз брала, расплатилась и все было хорошо. Марина связалась. Бесов через представителя, действующего по доверенности, передал денежные средства Марине. Договор займа удостоверили у нотариуса. Все отлично. Если бы не одно «но». Срок займа на 6 месяцев. Оплата ежемесячно процентов составляла сумму в размере 5% от суммы займа. Размыто указано как выплачивать проценты и возвращать займ: наличными денежными средствами, безналичными представителю или займодавцу (но ни счетов, ни инициалов представителя указано не было), либо через депозит нотариуса. Местом расчетов указан только адрес проживания текущего представителя. Далее шли условия про пени за просрочку и автоматическую пролонгацию договора. Но так все витиевато написано, что однозначно сказать про условия договора было никак нельзя, а при прочтении договора двумя юристами получали три мнения по трактовке некоторых пунктов договора займа.

Нужно подумать, как все красиво преподнести судье, чтобы ей понравилась именно наша трактовка.

Марина еще добавила мне головной боли, потому что по договоренности с представителем займодавца переводила деньги через СБП без указания назначения платежа, да еще и стерла смс-переписку, подтверждающую факт и назначение

перевода, потому что было нужно освободить место для памяти в телефоне. Да. Вот так бывает.

Факт переводов представителю у нас был: выписку в банке по всем платежам взяли. Мной были изучены все доступные судебные дела по Санкт-Петербургу и Ленинградской области по аналогичным спорам по искам Бесова, а их оказалось не мало. Дана оценка масштабу и принципам работы команды займодавца. На основании такого тщательного анализа были подготовлены многостраничные возражения со ссылками на дела и законодательную базу, подтверждающие факт незаконной предпринимательской деятельности, что давало нам возможность просить о снижении процента по неустойке, которая все же имела место быть из-за «добрых» рекомендаций представителя Займодавца.

Очень нам нужно было допросить представителя Бесова в суде. А он очень боялся и наотрез отказывался рассказывать о том, что получал денежные средства во исполнение договора займа. Займодавец оказывал на него давление и, как потом мы уже узнали, даже угрожал. Не описать словами сколько сил и нервов мы потратили, чтобы убедить представителя займодавца выступить свидетелем. Я до последней минуты не верила, что он придет в суд. Свершилось. Допросили. Все рассказал и подтвердил переводы Мариной ему на карту денежных средств во исполнение договора. Я немного выдохнула. Займ полностью погашен, проценты выплачены. Еще не победа, но свет в конце туннеля уже забрезжил. Наша задача — спасти квартиру. Судья наша задумалась. Не все так очевидно, как ей казалось ранее. Наши доводы в возражениях, видимо, показались ей убедительными, особенно ее удивил масштаб деятельности Бесова по отъему жилья у граждан. Аргументы в нашу пользу подтверждались достоверными, допустимыми и относимыми доказательствами. Отложились.

Следующее и последнее судебное заседание было очень продолжительным. Юристы займодавца, чей хлеб — процент от выигранной суммы, бились на смерть. Мы — тоже. Марина рыдала. Ее эмоциональное напряжение было колоссальным, состояние — на грани срыва. Я же вошла в боевой стратегический раж и нещадно «расстреливала» противников доводами и доказательствами. И юристы сдались. Марина перестала рыдать и просияла. Ощущение победы витало в воздухе. Су-

дья ушла на решение. Марину снова начало трясти от нервного напряжения. Пришлось ее отвлекать разговорами на отвлеченные темы. Тихонечко проболтали с ней почти час. Марине стало намного лучше. А тут и судья уже порадовала своим появлением, проведя в совещательной комнате чуть более часа.

Да!! Мы сделали это!! Мы выиграли это суд! Квартиру спасли от торгов. Неустойку посчитали по минимуму. Марина рыдала уже от счастья и пыталась меня расцеловать.

Счастье. Победа. Адреналин. Восторг.

Марина была очень довольна. В своем отзыве она написала так: «Оксана, я Вас безумно благодарю. Моему счастью нет предела. Даже словами не передать, что происходит внутри. СПАСИБО ВАМ!»

А я безусловно рада, что она попала ко мне и мы победили.

Одна из адвокатских историй, которая началась в феврале 2019 года, перевернула многое в моём профессиональном сознании, заставила задуматься, что значу в нашем обществе и какую роль играю в судьбах людей как защитник...

В одном из маленьких населенных пунктов Тульской области жила очень дружная и крепкая молодая семья: супруги и трое несовершеннолетних детей, один из которых инвалид. Мать осуществляла уход за ребенком-инвалидом и параллельно работала продавцом в местном продуктовом магазине. В данном магазине жителям давали продукты в долг, о чем велась соответствующая тетрадь учёта долгов. В магазине у одной местной женщины имелся непогашенный долг. В один из дней в феврале 2019 года местная женщина со своей родственницей пришла в магазин, отдала часть долга, пояснив, что больше денег нет, и стала снова просить продукты в долг. Продавец магазина отказала в связи с тем, что оставалась непогашенной значительная часть долга. Между женщинами разгорелся конфликт, в ходе которого продавец забрала у данных покупателей банковские карты как гарантию дальнейшего возврата оставшейся части долга перед магазином. Кроме двух не представляющих материальной ценности банковских карт, которыми продавец не могла и даже не собиралась воспользоваться, у данных покупателей она ничего не забирала, лишь попросила их в дальнейшем вернуть оставшуюся часть долга, так как поверила им, что денег у них действительно больше нет (всё это было зафиксировано камерами видеонаблюдения магазина).

Из данной ситуации «раздули» целое уголовное дело по ч. 2 ст. 161 УК РФ, из материалов которого можно сделать вывод о том, что женщина-покупатель (потерпевшая по уголовному делу) оговорила продавца, якобы последняя вместе с банковскими картами забрала у нее также и денежные средства в размере 1000 рублей, которых, как она и её

родственница уверяли до случившегося, у них, кроме части возвращенного долга, тогда больше не было. Но ни эти, ни множественные другие противоречия в деле и иные доказательства невинности продавца в совершении хищения с квалификацией по указанной норме УК РФ, не повлияли на правосудие, и справедливый приговор не состоялся. Итог: продавца — мать троих несовершеннолетних детей осудили и летом 2019 года назначили по обвинительному приговору наказание в виде лишения свободы.

На стадии предварительного и судебного следствия интересы молодой женщины-продавца представлял другой защитник.

Я прекрасно помню этот день, когда познакомилась с указанной женщиной — продавцом магазина. После оглашения приговора, подзащитная и ее муж приехали ко мне в офис в город Тула.

Подзащитная со слезами на глазах поделилась со мной тем, какой беспредел происходил при рассмотрении уголовного дела в суде первой инстанции, что явилось вынужденной причиной, по которой она в прениях оговорила сама себя и фактически подтвердила то, чего не совершала. На предварительном и судебном следствии свою вину в совершении преступления, предусмотренного п «г» ч. 2 ст. 161 УК РФ, она не признавала. Но перед прениями сторон, в момент перерыва, «некоторые лица» ей дали понять, что если не признает свою вину, то в этот же день ей назначат наказание в виде лишения свободы и возьмут под стражу в зале суда. Моральная составляющая и стресс, испуг за своих троих несовершеннолетних детей, вынудили её совершить самооговор в судебном заседании.

При таких обстоятельствах меня волновало только одно — как мне ей помочь после того, как подзащитная сама, хотя и вынужденно, но формально все же признала вину, не зная, что в современной судебной практике признание вины подсудимым, независимо от того, что имеется совокупность иных достоверных и допустимых доказательств, исключающих преступность и наказуемость деяния, к сожалению, влечет только обвинительный приговор в уголовных делах, и последующими обжалованиями очень тяжело добиться правды и справедливости. Причиной этому служат, порой, допускае-

мые в нарушение принципа равноправия сторон, так называемые «вне процессуальные договоренности» между государственными обвинителями и судьями, которые, к сожалению, влекут несправедливые и необъективные приговоры.

Изучив приговор в день нашего знакомства с подзащитной, я сделала вывод об отсутствии субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ.

В адвокатской практике признание вины и самооговор подзащитного по причине необъективного правосудия превращают для адвокатов обжалование подобных приговоров в достаточно сложную и трудоемкую задачу. А в отдельных случаях, с учетом сложившейся судебной практики, эти обстоятельства при принятии решения о целесообразности обжалования приговора суда могут расцениваться, на первый взгляд, как бесполезная трата времени ввиду отсутствия реальных перспектив на положительный результат.

Но объективные факты, свидетельствующие об отсутствии состава данного преступления в действиях подзащитной, вопиющие факты беззакония в части оказанного на неё давления в суде, в целом несправедливость приговора, а также интуиция в части выбора тактики защиты, привели меня к убеждению о необходимости действовать. И мне удалось убедить подзащитную и получить её согласие на обжалование приговора.

В её словах о беззаконии в поселке, в котором она проживает, я убедилась, приехав на следующий день в суд для ознакомления с материалами уголовного дела, которые мне по началу не давали. Сотрудники суда шли на конфликт, были очень удивлены моему приезду. В итоге, на ознакомление с уголовным делом из одного тома ушёл целый день...

После ознакомления, окончательно была уверена, что самый главный квалифицирующий признак вмененного моей подзащитной преступления отсутствует, и приговор обязательно должны отменить в апелляционной инстанции Тульского областного суда, независимо от признания ею вины в прениях.

В доводах своей апелляционной жалобы подробно указала причину самооговора моей подзащитной, а также расписала все юридические моменты по отсутствию квалифицирующего признака ст. 161 УК РФ, просила приговор отменить и пре-

кратить производство по данному уголовному делу за отсутствием в действиях подзащитной состава инкриминируемого ей преступления.

Но, на долгожданной апелляции в Тульском областном суде, увы, к моему глубокому недоумению, по вопросам коллегии судей и из контекста самого судебного процесса сразу стало ясно, что приговор оставят без изменений. В тот момент я думала, как это сложно будет пережить морально и эмоционально для моей подзащитной... Хотя в процессе судебного заседания, председательствующий судья удовлетворил все ходатайства о приобщении к материалам уголовного дела документов, в том числе одно из основных доказательств защиты — заверенной копии тетради учёта долгов покупателей в магазине, так как на стадии предварительного расследования данные документы, как доказательство, во внимание не принимались, что указывало на отсутствие объективного и всестороннего расследования. Также, в завершении процесса мне стало понятно, что судья «готовит нас к кассационной инстанции», поскольку обратила внимание, как после оглашения решения, председательствующий судья в апелляционной инстанции неоднократно повторил о праве подачи кассационной жалобы в Первый кассационный суд общей юрисдикции в г. Саратов.

Выйдя из зала судебного заседания, подзащитная плакала и говорила в отчаянии: «Что я скажу теперь детям?». Сказать, что у меня сердце кровью обливалось, это ничего не сказать... Такая чудовищная несправедливость «отбивала руки», навела меня на размышления о том, что значу в этой профессии, что значу для доверителей, если не могу помочь и защитить, добиться правды... Признаться честно, это уголовное дело даже навело на мысли уйти из профессии. Действительно, написав заявление о прекращении статуса, взяв удостоверение, направилась в Палату с мыслью о том, что с 2010 года являясь адвокатом, устала от несправедливости, по сути, от бесполезной борьбы с «беззаконием в законе»... никто не слышит, не видит, кругом одно «телефонное право»... Дойдя до здания Адвокатской палаты мне стало стыдно за себя, что дала слабинку и убиваю сама в себе силы дальше бороться, «опустила руки»... а ведь по другую сторону — судьба человека... («Два осиротевших человека, две песчинки... Что-то ждет

их впереди? И хотелось бы думать, что этот русский человек, человек нестигаемой воли, выдюжит... сможет все вытерпеть, все преодолеть на своем пути, если к этому позовет его Родина...» М. Шолохов «Судьба человека»)... надо идти дальше и помочь...

Да, я очень сильно переболела этой ситуацией, положением этой семьи, этим уголовным делом, явной несправедливостью. Ведь на мне лежала огромная ответственность... Семью разрушили и разлучили детей с матерью, и все эти действия на основе незаконных обвинений и приговора.

Промежуточный тревожный итог — подзащитная поехала отбывать наказание... Перед этим мы с ней пообщались, советовала ей, что нужно идти дальше, обжаловать в кассационную инстанцию, настаивала на этом. Но она отказалась, пояснив: «Я смирилась, писала и в СМИ, и в редакции, и все безрезультатно...». Подзащитная действительно морально очень устала и поникла, можно сказать, «опустила руки»...

Но, в моей голове не угасала мысль о том, что юридически нет состава преступления, просто, как обычно, сработало «телефонное право» в нашем субъекте, чего нельзя так оставлять. Так, большинство наших подзащитных, отбывая наказание в местах лишения свободы, мирятся с положением обстоятельств своей жизни, мирятся с системой региона и т. д. И решила впоследствии, что в такой ситуации как защитник всё же не имею права также смириться и «опустить руки», и на мне огромная ответственность — судьба человека, судьба троих несовершеннолетних детей, целой семьи.

Позвонив мужу подзащитной, настоятельно ему рекомендовала убедить подзащитную в необходимости написания мной кассационной жалобы, упомянув, что это также принципиально для меня в профессиональном плане и от этого будет зависеть в дальнейшем моё членство в адвокатском сообществе. Через некоторое время я получила её согласие и одобрение выбранной тактики защиты.

Доводы защиты были подробно мною изложены в кассационной жалобе, которая была подана через суд первой инстанции, после чего, 6 декабря 2019 года уголовное дело было направлено в Первый кассационный суд общей юрисдикции в г. Саратов, где 14 января 2020 года по данному уголовному

делу уже было назначено слушание с участием подзащитной с использованием ВКС.

Однако, перед Новым 2020 годом моя подзащитная, наслушавшись в камере «советчиков», что положение её может ухудшиться, начала сомневаться и через своего мужа просила меня отозвать кассационную жалобу, так как она уже смирилась и отбывает наказание, смирилась с тем, что в нашей стране абсолютно нет справедливости.

Вот здесь, самое тяжелое начинается для адвоката... доверитель настаивает отозвать жалобу... на лицо психоэмоциональная составляющая... надо быть не только адвокатом, но и хорошим психологом... Очень благодарна мужу подзащитной за помощь, оказанную мне, чтобы совместными усилиями убедить подзащитную, что отзыв кассационной жалобы — огромная ошибка.

Перед слушанием уголовного дела проконсультировала подзащитную. На ее вопрос о поведении в судебном процессе, посоветовала ей говорить только правду, как было на самом деле, что происходило в суде первой инстанции о том, как велось с ней вне процессуальное общение, почему и произошел самоговор, а также о необходимости убедить коллегию судей, что есть правда, которую суды Тульского региона не хотели видеть и слышать, и что с ней сила — сила правда. Все юридические моменты отражены в моей кассационной жалобе. А её задача-донести правду! Это последний шанс, чтобы «расшатать» это уголовное дело, это последний шанс, чтобы дать понять системе правоохранительных органов и системе правосудия, что факт признания вины в уголовном деле сам по себе «ничего ещё не значит», пока судом не исследована и не изучена вся совокупность доказательств обеих сторон с надлежащей их оценкой.

В судебном заседании кассационной инстанции не участвовала ввиду договоренности с мужем подзащитной об экономии их семейного бюджета, так как самое основное — это написанная кассационная жалоба с подробно-изложенными доводами. И моя подзащитная справилась!

Мне поступил звонок от неё. Подзащитная сильно плакала и говорила: «Ой, мамочки, я ничего не поняла, что случилось, но меня отпускают домой и отменили приговор...».

В это время я находилась в другом судебном процессе, в котором судья объявила о перерыве, увидев моё состояние, так как у меня потекли слезы, но я сама их не чувствовала...

В тот момент, как защитник, испытала настоящее чувство счастья, такое окрыление, не передать словами...

А накануне этой счастливой новости, с 13 на 14 января 2020 года, в старый новый год, хотя в это и не верю, но все же загадала желание: если есть справедливость и добро в нашей жизни, значит семья моей подзащитной должна воссоединиться, так как 14 января — это решающий день для этой семьи. Получается, желание сбылось...

Позвонив 14 января 2020 года вечером мужу подзащитной, чувствовала по телефону его слезы... В ходе телефонного разговора он поделился со мной: «Представляете, за 2 дня до 14 января, младшая дочка (4 годика) подошла и сказала мне, что ей приснился сон, в котором «моя мама придет домой через 2 дня и принесет мне подарок — детскую косметику»... тогда он не понял, как это возможно, когда жена находится в местах лишения свободы, а детям же было сказано, что мама уехала надолго на заработки...». Оказывается, маленькая дочка чувствовала, что её мама скоро вернется домой. Вот для меня это было морально очень сильно! Это не передать ни словами, ни на бумаге... Очень рада, что помогла этой семье как защитник. Для меня это самая главная истина и награда!

Судебная коллегия Первого кассационного суда общей юрисдикции пришла к выводу, что «совокупность собранных по делу доказательств не свидетельствует о наличии у осужденной корыстной цели, являющейся неотъемлемой частью субъективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 161 УК РФ. Суды первой и второй инстанции не проверили правильность квалификации действий осужденной с учетом не оспариваемого потерпевшими факта наличия долга в магазине, который, в случае невыплаты его потерпевшей, должна будет погашать осужденная».

Итог — состоявшиеся в отношении моей подзащитной судебные решения признаны незаконными, необоснованными и отменены.

Хочу выразить особую благодарность людям, у которых возникла идея о реорганизации кассационной инстанции судебной системы, а также воплотившим её в реалии. Они

добились того, что на стадии этой инстанции в настоящее время отсутствует «телефонное право»! Это огромная мощь для многих людей в стране, позволяющая добиться справедливых решений.

Из написанного выше, обращаюсь ко всем коллегам с напутствием — не опускайте руки в нашем нелегком профессиональном труде! Боритесь и идите до конца! И помните — вся сила в правде!

...По пути домой подзащитная с мужем заехали в город Тула, чтобы просто мне сказать: «Христина Геннадьевна, спасибо, что Вы есть!». Для меня эти слова, как для адвоката — самая главная награда и невероятный стимул идти дальше в профессии по жизни, помогая людям!

Да, я осталась в профессии. Именно эта адвокатская история заставила меня задуматься о дальнейшем своём пути, что действительно приношу пользу людям и не зря осталась в профессии по настоящее время. Ведь для меня очень важно следовать воспитательным принципам моих замечательных учителей, которые заложили самую главную истину: «Будьте полезны людям общества нашей большой страны, помогайте, приносите добро и будет вам почтение».

ИСТОРИЯ ОДНОГО ДЕЛА

Дело, которое оставило неизгладимый отпечаток не только в памяти, но и на совести... Поучительное дело, которое навсегда дало мне понять, что моя адвокатская личность выше моего неожиданного и грустного семейного обстоятельства.

Адвокатом я мечтала стать давно, после того как идея стать врачом была оставлена окончательно. Идея стать адвокатом полностью захватила мою душу. То ли это наследственность победила и родительский пример стал заразительным, то ли я поняла, что желание помогать людям в адвокатуре найдёт свою реализацию ничуть не меньше, чем во врачебной среде.

Но тогда я почему-то даже и не задавала себе вопросы: «А кому именно мне придётся помогать?», «А готова ли я принять всех людей, которые обратятся ко мне за помощью?», «А какими категориями добра и зла я буду пользоваться?», «С чем смогу согласиться, а с чем согласиться не смогу никогда?»... Вопросы были не заданы, но отвечать на них мне всё равно пришлось.

Направление было выбрано, началось обучение на юридическом факультете, закончила бакалавриат, сразу стала стажёром адвоката, параллельно училась в магистратуре. Мне очень повезло с моим научным руководителем А. А. Сапфировой, она разрешила мне писать диплом по теме, которая была мне интересна. При написании дипломной работы я полностью погрузилась в тему медиации и поняла, что то, что люди видят на поверхности — это лишь верхушка айсберга из различных эмоций, что скрываются под бравадой человека. Часто эти эмоции толкают людей на абсолютно разные поступки, порой другому человеку и не найти логики в происходящем.

Я росла в полной семье, но по стечению обстоятельств папа ни один мой диплом не видел. Показать их ему я не успела, у папы оторвался тромб за несколько месяцев до окончания мной бакалавриата.

Адвокатом я стала практически через год после получения диплома, от дежурств не отказалась. И вот, вся воодушевлённая своей будущей деятельностью, я «надежурила дело»...

Ничего необычного: причинение вреда здоровью средней степени тяжести, дело уже было в суде, предварительное следствие закончилось. При ознакомлении с материалами дела я узнала, что человек причинил увечья ни кому-нибудь, а родному отцу... Всё человеческое во мне было поражено и возмущено. Красок добавляло ещё и то, что моего папы не стало случайно и, наверное, я, как немного эгоистичный и любящий ребёнок, так и не смогла принять решение души покинуть этот мир, а тут... Кто-то судим не первый раз. Да, судимости погашены, но какие говорящие статьи ... Ч. 1 ст. 131, ч. 1 ст. 112. ч. 1 ст. 119 п., ч. 2 ст. 116 УК РФ... Но я защищала по ч. 1 ст. 167, ч. 1 ст. 112 УК РФ и, как гнилая вишенка на торте, причинение вреда здоровью своему родному отцу! Как такое возможно? Почему? «Будь он адыгом ему бы его же родные...» — подумала я. В день ознакомления с материалами дела я ещё много чего подумала, пожалела себя, потому что я без папы, пожалела потерпевшего, потому что его ударил родной сын. Особого сочувствия у меня не вызвал только мой подзащитный. Увы, но это так. Наверное, так бывает у многих адвокатов, наверное, все об этом молчат или стыдно признаться. Мне сегодня признаться почему-то не стыдно. Наверное, не стыдно только потому, что я капнула чуть глубже.

Медиация научила меня задавать вопросы, научила меня быть гибкой в понимании людей и научила не делить на чёрной и белое, в мире больше красок, никогда не забывала про вопрос из притчи про девочку и апельсин, который знает каждый, кто так или иначе сталкивался с медиацией. «Так зачем же моему подзащитному этот «апельсин»? Что его побудило совершить то, что сделано?»

При разработке правовой позиции и работе с доверителем, мне очень важно было понять «Зачем? Почему? Как он это сделал? Что его побудило?» Важно было, наверное, не только как адвокату, а важно было как человеку...

Да, дело я продолжала вести, вести и плакать. Это дело словно иголкой кололо по больному и напоминало обиженному ребёнку где-то внутри меня, что у меня нет больше

папы, а кто-то бьёт по голове и ломает рёбра своему живому отцу... Он ведь может поговорить с ним, а я со своим не могу...

Ёжики плакали, кололись, но продолжали есть кактус... Так и я продолжала. Мне помогло то, что раньше я собиралась в медицинский и стала с собой честно разговаривать.

— Врачи оперируют террористов? — Да.

— А женщин, которые убивают своих детей, рожая их дома и тут же выкидывая в помойку, лечат? — Да.

Ну вот и всё, вот и поговорили, этого всего было бы не избежать. Спасение необходимо не только тем, кто чист совестью и душой. Спасение нужно всем. Раз я выбрала эту специальность, то должна делать своё дело максимально хорошо, насколько у меня получится. Я продолжала работать.

В ходе общения с клиентом я узнала, что вину он признаёт, полностью раскаивается и сам не понимает, как так вышло? Но помимо юридически значимых обстоятельств я узнала чуточку больше... Папа у него был не таким как мой... Все мы родом из детства. Учился мой подзащитный плохо, папа его пил всё время, в детстве он его бил, издевался и всеми возможными способами унижал. Я многое узнала про жизнь этого человека, человека, который не справился, который совершил плохое. Меня не пугала и не удивляла ст. 131 УК РФ, но вот побои родному отцу меня не могли не возмутить... Но после разговоров с доверителем лично мне он стал более понятен, работать мне стало значительно легче. Ведь меня папа к репетиторам возил всё детство, до пяти лет я у него была принцесса, да и вообще наших отцов сравнивать не стоит. Может потому и дети мы такие разные, что папы к нам относились абсолютно полярно?

Дело рассматривалось в особом порядке судебного разбирательства, обстоятельства дела были следующими:

В 22 час. 00 мин. Л.В.В., находясь на берегу ... в состоянии алкогольного опьянения в ходе внезапно возникших неприязненных отношений к П.В.В. при помощи палки нанёс удары автомобилю марки «ВАЗ-... » г/н ... регион, принадлежащему П.В.В., повредив кузов данного транспортного средства и переднее лобовое стекло автомобиля. В результате действий Л.В.В. автомобилю причинены механические по-

вреждения, повлекшие значительный материальный ущерб для П.В.В. на сумму 24 300 руб.

Он же ... г. в ... час. .. мин., находясь в квартире ... дома ... по адресу ... в состоянии алкогольного опьянения, в ходе внезапно возникшего конфликта со своим отцом Л.В.В., причинил ему телесные повреждения ударами руками по голове и телу в виде закрытого перелома 7 ребра справа, влекущего за собой длительное ухудшение здоровья сроком более трёх недель и квалифицируются как вред здоровью средней степени тяжести.

Суд признал моего подзащитного виновным, назначил ему наказания в виде лишения свободы с учётом времени содержания под стражей из расчёта один день за два дня.

Сидеть моему подзащитному оставалось 12 дней. Я была и рада, и где-то в глубине души всё равно не рада. Ведь до сих пор я не знаю... Когда он вышел, не ударил ли он своего отца ещё раз???

Как бы там ни было, это дело заставило ответить меня на вопросы, которые я себе не задавала никогда до того как стала адвокатом. Я поняла, что готова защищать людей, даже если с моей личной точки зрения они поступают не правильно, поняла, что за каждым поступком скрывается личная история человека, а еще я поняла, что **АБСОЛЮТНО КАЖДЫЙ** человек имеет право на квалифицированную юридическую помощь, ведь не просто так её гарантирует ст. 48 Конституции Российской Федерации.

ПОСЛЕДНИЕ МИЛИЦИОНЕРЫ РОССИИ

Не веришь — прими за сказку.
Народная мудрость.

Почему последние милиционеры России? Художественный вымысел? Нет — вполне реальная история. Как в этой истории запутались четыре уголовных дела? Узнаете. Если дочитаете до финала...

Как и множество других адвокатских историй эта началась с телефонного звонка. Мне позвонила давняя знакомая, супруга милиционера линейного отдела одного из аэропортов столицы и рассказала, что накануне ее муж (назовем его Максим) поехал в следственный комитет, где должен был участвовать в каком-то опознании. Максим не беспокоился, по роду службы ему не раз приходилось участвовать в следственных действиях. Но после этого вызова Максим домой не вернулся: был задержан по подозрению в совершении тяжкого преступления.

Уголовное дело в отношении Максима и его напарника Александра было возбуждено по статье 286 УК РФ. Классическая «правоохранительная» статья — *совершение должностным лицом действий, явно выходящих за пределы его полномочий и повлекших существенное нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства*. Им предьявлялась третья часть этой статьи и сразу по трем пунктам: *с применением насилия, с применением специальных средств, группой лиц*. Санкция до десяти лет лишения свободы.

Защита сотрудников правоохранительных органов, не в обиду им будет сказано, часто осложнена их собственной позицией: основной задачей сотрудник ставит немедленное освобождение из-под стражи. Признание вины, даже в условиях весьма спорной квалификации, его не пугает. «Потом разберемся, главное на свободу выйти». Разбираться «потом»,

имея поспешные признательные показания подзащитного, практически невозможно. Не зря в римском праве признание вины называли царицей доказательств (*regina probationum*). Вероятно, эта специфика защиты правоохранителей, связана с тем, что они лучше многих знают об обвинительном характере уголовного судопроизводства и потому ставят во главу угла тактику защиты, а не долгосрочную стратегию. Они сами много раз наблюдали, что первоначальное (сырое и не очень доказанное) обвинение потом переносится в обвинительный приговор, поэтому борьба за невиновность представляется им бессмысленной и неэффективной.

Поэтому, выезжая в следственный отдел, я был уверен, что Максим сообщит о своем желании дать признательные показания в обмен на избрание меры пресечения в виде подписки о невыезде. Именно такое предложение мне сделал следователь и подтвердил надзирающий за следствием транспортный прокурор. Они объяснили, что ситуация по делу «железобетонная», опознание проведено, показания потерпевший дал твердые, никаких сомнений по делу нет, но они не желают лишних проблем двум сотрудникам милиции, поэтому нам предлагается сотрудничество и полная поддержка: за признанием вины последует подписка о невыезде, а в суде им гарантирована мягкая позиция обвинителя и условный срок.

Однако события начали развиваться по другому сценарию. Встретившись с Максимом, я поговорил с ним о семье и неожиданных поворотах милицейской службы, затем мы обсудили предстоящие действия. Было ясно, что в ближайшие дни Максиму будет предъявляться обвинение по ст. 286 УК РФ — суть его в том, что два сотрудника милиции при задержании гражданина необоснованно применили к нему физическое насилие. «Какую стратегию защиты выбираем? — задал я самый главный вопрос, — Признаем вину или оспариваем обвинение?» Ответ удивил своей краткостью. Было видно, что подзащитный волнуется и тщательно подбирает слова.

— *Я сотрудник милиции. Никакого преступления не совершил. Мы задержали преступника. Мне не в чем признаваться! Будем бороться!*

Обсуждение стратегии защиты для меня самый сложный момент в адвокатской практике, по крайней мере по делам лиц, впервые столкнувшихся с реалиями современного уголовного процесса при неочевидном характере обвинения. Важно, чтобы доверитель сам сделал выбор, принял решение, определяющее его судьбу. В ситуации, когда по делу есть «подельник», его показания не менее значимы. Для обвинения признательные показания всегда в приоритете. Ответ Максима был уверенным: Александр тоже ничего не признаёт. Так потом и оказалось. Поручение на защиту Александра приняла моя коллега, адвокат из соседнего района области, отличный специалист в уголовном процессе. Взаимодействовать нам с ней было очень комфортно, чем все завершится мы не знали, для начала просто обсудили известные нам факты, набросали план ближайших действий и начали работать.

Часть событий, повлекших за собой возбуждение этого уголовного дела, произошли почти за полгода до ареста, множество других — случились значительно позже. Все они казались абсолютно не связанными друг с другом, о некоторых фактах пока и вовсе можно было только догадываться. Факты складывались в печальное уравнение, все попытки решения которого давали точный ответ — двух рядовых милиционеров обязательно сделают обвиняемыми, затем подсудимыми, а потом и осужденными, независимо от того, совершали они преступление или нет. При ином повороте событий мог быть нарушен баланс сил в другом, гораздо более серьезном уголовном деле (см. ниже «уголовное дело № 2»). Вы спросите, при чем тут другое уголовное дело? Отвечу. В цепочке событий было не одно и не два, и даже не три уголовных дела. Всего их будет четыре, а начиналось все так.

Гражданин, назовем его Юрий, желая вылететь на работу в удаленный регион страны, приехал в аэропорт. До вылета ему оставалось ждать несколько часов, работать гражданину предстояло вахтовым методом в удалении от цивилизации, поэтому он решил культурно отдохнуть в учреждении общественного питания. Отдыхая, Юрий увлекся, перебрал коньяку, перешел на неформальное общение с гражданами, начал кидаться в них вещами и конфликтовать с официан-

тами. Работники общепита обратились на ближайший пост милиции, где дежурили два милиционера Максим и Александр.

Всё ясно-понятно, подумает невнимательный читатель. Пришли два милиционера. Накостыляли тумачков подвыпившему Юрию, а в итоге законно-обоснованно присели в СИЗО. Но внимательный читатель, знакомый с произведениями Артура Конан Дойла, задумается. При чем здесь четыре уголовных дела, и почему патрульных начали кошмарить полгода спустя? Не может быть все так просто! И будет прав.

Никакого конфликта у Юрия с милиционерами в этот момент не произошло и в ближайшие несколько часов тоже не случилось. Он спокойно согласился проследовать в дежурную часть, где был передан в заботливые руки оперативного дежурного для оформления протокола, а милиционеры ушли на пост.

Что точно происходило в дежурной части доподлинно неизвестно. По версии сотрудников, Юрий, будучи водворен в камеру административно-задержанных, убедил их в своем осознании и просветлении, дал обязательство тихо-мирно вылететь в регион чтобы приступить к работе на общественное благо. По версии Юрия, ценой свободы для него стали некоторая сумма наличных средств и мобильный телефон, которые у него забрал то ли оперативный дежурный, то ли кто-то из оперов. Верить Юрию мы не станем, поскольку эти факты не имели в дальнейшем никакой уголовно-правовой перспективы, а значит не были и в действительности. Так или иначе за пару часов, просиженных в КАЗ, настроение у Юрия было испорчено *«ad extremitates»* (до крайних пределов), что и вылилось в первое уголовное дело.

— *уголовное дело № 1 (Юрий ворует телефон):*

Проходя спецконтроль на входе в аэропорт, озлобленный Юрий выложил свои вещи в досмотровый лоток перед интроскопом, поставил его на движущуюся дорожку, прошел через «рамку», а затем забрал не только своё, но и прихватил из соседнего лотка чужой мобильный телефон.

Одна из видеочамер, которые в международном аэропорту фиксируют абсолютно все происходящее, хладнокровно зафиксировала ловкий незаконный маневр Юрия, описанный в Уголовном кодексе РФ в ст. 158 *«кража, то есть тайное*

хищение чужого имущества, с причинением значительного ущерба гражданину» (п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ).

Своровав телефон Юрий, пошел в зону вылета внутренних рейсов. У интроскопа остался собственник телефона — ранее многократно судимый гражданин по имени Паша, который находился в недолгом светлом промежутке между отбытием наказания по прежнему приговору и арестом по новому уголовному делу. Нового дела еще не было, но учитывая число предыдущих судимостей у Паши, оно должно было возникнуть с неизбежностью (см. ниже «уголовное дело № 4»). Вылетать он никуда не собирался — работал в аэропорту разнорабочим. Криминальные понятия не позволяли Паше заявлять в милицию и обретать непривычный для него статус потерпевшего. *Noblesse*, как говорится, *oblige*. Положение обязывает. Но телефон для Паши в тот день был важнее положения. Во-первых, он ждал важный звонок от своих товарищей. Во-вторых, телефон стоил денег, которых у Паши не было совсем, так как освободился он недавно и работал всего несколько дней. В итоге Паша поступил рационально, то есть сделал выбор в пользу телефона и обратился к ближайшим сотрудникам милиции за помощью.

Ближайшими сотрудниками милиции, теперь уже на свою беду, оказались знакомые нам Александр и Максим. В аэропорту приворовывают — это факт. Поэтому алгоритм действий милиционеров был доведен до автоматизма. Один побежал просматривать камеры, а второй — по залу, пытаясь найти вора по приметам.

Паша остался с третьим сотрудником милиции и жаловался ему на высокий уровень криминализации общества и разрешение своего когнитивного диссонанса методом рационализации. Количество нецензурных слов в монологе Паши превышало две трети, но сотрудник терпел, понимая, что перед ним находится взволнованный потерпевший и задерживать его за мелкое хулиганство нельзя. Было ясно, что потерпевший с большим криминальным опытом и сильно раздосадован.

В это время, просматривая информацию с камеры высокого разрешения, Александр с удивлением увидел, как уже известный ему Юрий прихватывает из лотка чужой мобиль-

ник. Зная, что новоиспеченный преступник скоро должен вылетать в город *N.*, Александр и Максим помчались в зону вылета, где обнаружили и задержали жулика. Раскрытие по «горячим следам» обещает вполне реальные бонусы в виде премий и других поощрений по службе, поэтому в ЛОВД началась суэта, вызов других милиционеров, приглашение понятых, личный досмотр и прочие социально-полезные мероприятия.

Понимая, что день окончательно испорчен, Юрий вступил в рискованную дискуссию с сотрудниками, в результате которой на него были надеты наручники. По версии Юрия, в этот момент злобные сотрудники уронили его на пол и, не стесняясь проходящих пассажиров и камер видеонаблюдения, нанесли ему «не менее двадцати ударов ногами», добавили дубинкой, после чего отволокли в дежурку. По версии же сотрудников милиции, Юрий нецензурно выражался, махал руками и попытался ударить Максима головой в лицо. Милиционер применил к Юрию прием самбо, от которого Юрий упал на каменный пол и разбил нос. Вызванный сотрудниками врач оказал ему первую помощь, после чего задержанный был препровожден в дежурную часть.

Снова увидев Юрия, оперативный дежурный улыбнулся и добродушно осведомился у него, имеет ли смысл попадать в дежурную часть второй раз за один день? Расстроенный Юрий шутку не оценил и с использованием инвективной лексики спросил, почему этот факт беспокоит дежурного, уложив емкую суть своего вопроса в два слова общим числом в восемь букв, которые невозможно повторить в приличном обществе. Стоявший рядом оперуполномоченный, не поверив, что в отделении милиции можно так грубо пренебрегать нормами общественной морали, незамедлительно отреагировал ударом кулака по лицу хулигана. Отметим, что этот факт хотя и фигурировал впоследствии в уголовном деле № 3, но тоже не имел уголовно-правового продолжения, что вполне логично. Баланс между нарушением и возмездием был несколько за рамками закона, но, вероятно, представлялся справедливым как надзирающему прокурору, так и следователю следственного

комитета. Так или иначе дежурный опер к ответственности не привлекался.

В дальнейшем уголовное дело № 1 по факту кражи Юрием мобильного телефона спокойно расследовалось в следственном отделе ЛОВД. Максим и Александр написали в дело рапорты о применении спецсредств (наручников) и физической силы, были допрошены как свидетели и думать забыли про Юрия и сложный нравственный выбор Паша-потерпевшего.

В деле № 1 Юрий занял простую позицию полного признания вины и попросил суд о рассмотрении дела «в особом порядке» при своем полном согласии с предъявленным обвинением. Но вот тут следователь, заканчивая это рядовое дело о краже, совершил фатальную ошибку. Он сообщил Юрию, что готов за денежное вознаграждение договориться с Пашей о прекращении уголовного дела № 1, а оформить все как примирение сторон. Юрий предложение не оценил, зато его оценили сотрудники федеральной службы безопасности, которым Юрий сообщил о коммерческом предложении следователя. Так появилось уголовное дело № 2.

— *уголовное дело № 2 (следователь требует у Юрия деньги):*

Скорее всего, следователь рассчитывал в дальнейшем переквалифицировать действия Юры, на ч. 1 ст. 158 УК РФ, исключив квалифицирующий признак «с причинением значительного ущерба гражданину», а затем прекратить уголовное дело примирением сторон. Единственный нюанс заключался в том, что деньги предназначались не Паше-потерпевшему, а следователю линейного отдела, что образовывало состав тяжкого преступления. Поэтому по заявлению Юрия была начата проверка, передача денег следователю проводилась в рамках оперативно-розыскных мероприятий, по результатам ОРМ было возбуждено уголовное дело по ст. 290 УК РФ, а следователь задержан.

В ходе расследования второго уголовного дела показания Юрия стали гораздо более подробными и интересными. Особое внимание в своих рассказах он начал уделять озверевшим сотрудникам милиции, избивавшим его в аэропорту. Заявление об избиении было закреплено в протоколе допроса и требовало процессуальной реакции. Следователь обязан

рассмотреть заявление о преступлении и принять по нему решение, ведь недоверие к показаниям Юры в этой части могло поставить под сомнение правдивость его слов и по эпизоду о взятке, поэтому было принято решение возбудить уголовное дело, провести опознание и показательно задержать милиционеров, полагая, что они немедленно признают свою вину и делу конец.

Само по себе дело о взятке не особенно помогало защите по делу милиционеров. В деле Максима и Александра были копии протоколов допроса Юрия из этого дела. В этих показаниях особое внимание он уделял царящему в аэропорту беспределу и низкому моральному облику сотрудников правоохранительных органов. Говорил, что приличному человеку не дали спокойно отдохнуть в кафе. Этот «борец за чистоту милицейских рядов» сам дважды привлекался к уголовной ответственности. Первый приговор он получил за самоуправство, незаконное проникновение в жилище и хранение наркотиков. Эта судимость была снята. Второй, за кражу, был относительно недавним.

Дело № 2 завершилось обвинительным приговором. Суд переквалифицировал действия следователя со взятки на мошенничество, назначил ему наказание, и более нас это уголовное дело не интересует.

— *уголовное дело № 3 (дело милиционеров):*

Все надежды следствия на быстрое завершение и передачу в суд дела в отношении милиционеров разбились о простую формулу Максима, которая не предполагала никаких компромиссов или торгов со следствием: *я сотрудник милиции и никакого преступления не совершил!* Но выбор стратегии сам по себе ничего хорошего обвиняемым не сулил. Оба находились под стражей и слушали уверения следователя о гарантированном реальном сроке наказания, которое им обязательно назначит суд.

План защиты был прост и сложен одновременно. Из всех уголовных дел необходимо было выбрать показания всех участников и очевидцев событий, сопоставить их с показаниями потерпевшего, установить еще не допрошенных следствием лиц, которые могли опровергнуть версию Юрия.

На начальной стадии уголовного дела мы имели: заявление Юрия о совершенном в отношении него преступлении, его подробные показания, опознание Юрием сотрудников милиции. Между потерпевшим и обвиняемыми были проведена очная ставка, на которых Максим и Александр продолжали стоять на своем. Поэтому следствие срочно нуждалось в показаниях еще хотя бы одного «независимого свидетеля», но этот свидетель никак не находился. Никто из сотрудников милиции, прибывших на место оформления материала по краже Юрием телефона, не подтверждал его версию о зверском избиении. И тогда следователь вспомнил о Паше-потерпевшем, рассудив, что он-то наверняка присутствовал при обнаружении своего мобильного.

Проблема заключалась в том, что Паша уже несколько месяцев как пропал. Как мы знаем, телефона у него не было, он пока хранился при уголовном деле № 1. С работы Пашу уволили за прогулы, по месту регистрации в дальнем поселке в Мордовии он не проживал. Активный трехмесячный розыск дал неожиданные результаты, Паша был обнаружен в чувашской колонии, где только что начал отбывать наказание по приговору суда. За кражу мобильного телефона!

— *уголовное дело № 4 (Паша крадет мобильник):*

Как показывала справка ГИЦ МВД, большая часть жизнь Паши с малолетнего возраста проходила в исправительно-трудовых учреждениях уголовно-исполнительной системы. Поэтому, проведя недолгое время на свободе, столкнувшись с ее неприятными реалиями, Паша быстро устал от мира рыночной экономики, поехал на родину и по дороге украл мобильный телефон у зазевавшегося пассажира. Современные технологии сделали это направление криминального бизнеса заведомо бесперспективным, но я предполагаю, что Паша крал телефон не как средство связи или материальную ценность. Это был билет, который возвращал Пашу в колонию, где его окружали уважение и старые знакомые.

Это предположение подтверждается скоростью, с которой уголовное дело Паши было расследовано и передано в суд. Приговор был вынесен, вступил в законную силу, и неудачливый потерпевший, он же и счастливый осужденный, переступил порог исправительного учреждения строгого режима.

Очередной недолгий светлый промежуток в его жизни был завершен.

За те месяцы, когда Паша экстренно оформлял себе новую судимость, по делу милиционеров ничего особенно позитивного не произошло. Шла борьба нервов. Следствие очень рассчитывало, что обвиняемые сломаются и признают вину. Милиционеры тактику не меняли, сидели в СИЗО и, что интересно, со службы не увольнялись, продолжая числиться в кадровом подразделении областного управления, вызывая ежедневную головную боль его руководства. В это время в милиции активно проходила реорганизация. Менялись вывески, удостоверения, надписи на служебных автомобилях, форма и, главное, название. Милиционеры тоже проходили обновление, вернее, внеочередную переаттестацию, по результатам которой они должны были стать полицейскими — новыми стражами правопорядка, лучше прежних. Так постепенно почти все милиционеры в стране закончились. Успешно прошедшие переаттестацию стали полицейскими, не прошедшие — были уволены из рядов, но реформа не коснулась Максима и Александра. Время в СИЗО для них остановилось, ведь переаттестацию в изоляторе они пройти не могли. Так они и остались последними сотрудниками милиции. Возможно, на просторах великой страны оставались и другие милиционеры, но нам о них ничего неизвестно.

Время шло. Судьи одного из районных судов столицы привычно «заштамповывали» очередные продления сроков содержания под стражей. При этом они внимательно выслушивали позицию защиты, основанную на простых тезисах: Юрий врет в том, что он не крал Пашин телефон; сотрудники милиции никогда не скрывали применение физической силы и специальных средств при Юрином задержании, о чем ими были поданы письменные рапорты; Юра постоянно изменял и дополнял свои показания, тогда как милиционеры всегда говорили одно и то же. Постепенно эти многократно повторяемые тезисы стали вызывать хоть какую-то реакцию у суда. Судьи стали дискутировать с защитой, говоря о том, что они не рассматривают дело по существу, что в этом предстоит разбираться судье, который будет рассматривать дело по первой инстанции. Но с каждым продлением сроков

следствия и содержания под стражей у защиты начали добавляться новые позитивные факты, и их обсуждение в суде становилось все оживленнее. Обвинению все сложнее было продлять срок содержания под стражей, ссылаясь на одни и те же обстоятельства.

Следствие стояло на месте и обвинению срочно нужен был «джокер» — новый свидетель, который мог подтвердить факт избиения Юры милиционерами. По делу был назначен новый молодой инициативный следователь с небольшим опытом работы, но с хорошей фантазией, который решил, что Паша даст любые нужные обвинению показания.

Паша был интересен и защите. При расследовании дела № 1 он был допрошен весьма подробно, в том числе и по факту возможного применения насилия милиционерами к Юре. Паша говорил, что ничего не видел и факт избиения не подтверждал.

Когда об уголовном деле № 4 стало известно новому следователю, им было быстро установлено, что Паша находится под арестом в небольшом провинциальном городке. Следователь выехал в командировку, где провел опознание милиционеров по фотографиям. После этого Паша в срочном порядке был этапирован в столицу, где допрошен с большим вниманием. В результате появился протокол, читая который можно было подумать, что Паша получал школьное образование не в колониях для малолетних преступников, а учился в элитной петербургской школе с уклоном в лингвистику и философию. Паша, конечно, имел высшее криминальное образование, полученное им в различных СИЗО и колониях, где он провел более двадцати лет своей жизни, но запас приличных слов у него был небольшой, а нервная система сильно подорвана. Без неформальной лексики он обходиться не мог, говорил короткими и неразборчивыми фразами, понимать его было сложно, приходилось переспрашивать, отчего Паша терялся и окончательно переходил на мат.

В новом протоколе следователю обязательно нужно было записать, почему в первом допросе Паша ни слова не сказал про избиение, и попробовать объяснить отсутствие иных очевидцев избиения в переполненном аэропорту. Приведу без купюр пару абзацев из протокола, чтобы стал понятен высо-

кий полет мысли следователя, создавшего этот процессуальный шедевр.

Авторский стиль сохранен полностью, фамилии участников заменены именами:

«После чего сотрудники милиции, указанные ранее, кто именно и в каком числе я сказать затрудняюсь, хотя ранее и говорил об этом, однако это не совсем достоверно. После чего сотрудники милиции направились в сторону, куда именно я могу уточнить на месте, в случае появления такой возможности, но могу сказать, что за линию паспортного контроля, так как я не смог за ними проследовать. (...) Ранее я показал, что конфликт произошел у стойки паспортного контроля, однако прошу считать достоверными данные показания, так как могу точно сказать, что достоверно не мог и тогда об этом говорить, в связи с тем, что просто не запомнил этого момента. Так вот в указанный период времени и произошел конфликт. (...) Так же я не могу сказать, что данный конфликт мог наблюдать кто-то еще, потому что он был скоротечен, я это видел и запомнил, т. к. смотрел непосредственно на сотрудников милиции и «Юрия», потому что данная ситуация касалась меня, и кто не был в ней заинтересован мог проглядеть, по указанным мной причинам. (...) Однако о данном конфликте я умолчал, но не потому, что не хотел говорить, а просто забыл рассказать, в моей памяти всплыл тогда четко момент, когда «Александр» ударил «Юрия» рукой в область пояса, я о нем и рассказал. Прошу верить моим данным показаниям, считать указанный конфликт, имевший место в послеобеденное время, точно не помню».

Возможно, необычные лингвистические конструкции протокола показалась фантастикой даже руководству следственного отдела, потому что вскоре после очередных жалоб защитников руководитель следственного органа вышел в суд с ходатайством об изменении меры пресечения милиционерам на домашний арест.

Это была первая маленькая победа защиты, праздновать которую было некогда. Следователь сдаваться не собирался и продолжал творчески работать с материалами дела. Получив своего «джокера», он решил использовать его предельно эффективно и провел очные ставки с каждым из обвиняемых. Очная ставка между Пашей и Максимом проводилась

в том самом СИЗО, из которого Максим вышел неделей раньше. Разница была в том, что Максим теперь пришел на очную ставку от ближайшей станции метро, а Пашу привели в следственный кабинет из камеры. К очной ставке я готовился особенно внимательно, хотя и без особой надежды, ведь следователь по закону вправе снимать любые вопросы защиты. Для начала следователь выслушал заученную Пашей фразу о том, что «он просит огласить его показания» и прочел показания о «скоротечном конфликте». Паша дремал, адвокат возражал, следователь оглашал. Все шло по плану следователя. Затем я начал задавать Паше вопросы, которые следователь снимал. Все шло тихо-спокойно, но внезапно Паша проснулся, чтобы покурить и начал прислушиваться. Пришлось немного поднять эмоциональный градус вопросов и обратиться к совести свидетеля. То ли Паше не понравился один из вопросов, то ли вся линия моей защиты показалась порочной, но он вскочил и разразился длинной угрожающей и нецензурной фразой, в основе которой одна мысль повторялась настолько часто, что следователь был вынужден занести ее в протокол дословно, заменив особенно гадостные глаголы отточиями... В этот момент следователь явно расстроился, отвлекся и не успел снять несколько вопросов, на которые Паша дал краткие и выгодные защите ответы. Затем Паша вновь ушел в себя и бормотал что-то очень похожее на «у нас в Чувашии такому адвокату давно бы голову пробрили». В ужасе от услышанного, следователь и эту фразу дословно занес в протокол. На том и разошлись.

На следующий день после очных ставок следователь с экстренном порядке поехал в СИЗО и дополнительно допросил Пашу. Родились такие строки:

«Показания данные ранее я подтверждаю в полном объеме, а также подтверждаю все ранее данные по уголовному делу с учетом дополнений и уточнений данных мною при допросе 24 ноября и при проверке моих показаний на месте. Также хочу пояснить, что, когда я отвечал на вопросы адвокатов «Александра» и «Максима» о том, говорил ли я правду на допросах летом и подтверждаю их, я отвечал положительно, так как действительно говорил правду о событиях произошедшего в феврале, подразумевая при этом все уточнения и дополнения, которые я сделал при моем допросе в ноябре.

Показания, которые я дал в ноябре, являются наиболее полными и точными, имею в виду допрос и проверку показаний на месте. (...) В ходе проведения очных ставок я находился в стрессовом состоянии, так адвокаты на меня давили своими вопросами, я растерялся и попросил следователя зачитать показания от ноября, которые самые полные и точные после чего подтвердил их, так как все описываемые в них события имели место в действительности, которые я давал в спокойной обстановке наедине со следователем. Также при проведении очных ставок я никоим образом не отказывался от дачи показаний, я подтвердил оглашенные показания следователем, а не проговорил их вслух полностью, так как опасался, что, находясь в стрессовом состоянии могу что-то попутать или забыть и таким образом быть не точным».

Перевожу на обычный язык этот литературный экзерсис молодого следователя. «Когда на очной ставке я подтверждал свои показания, данные летом, в которых я отрицал, что являлся очевидцем избиения, то я имел в виду, что подтверждаю показания данные осенью, противоположные по смыслу летним». На мой вопрос о том, как адвокаты могли успеть начать давить на Пашу, ведь огласить свои показания он попросил в самом начале очной ставки, молодой следователь не смог ответить даже при последующем его допросе в суде.

Как там у Михаила Жванецкого, «надо выражаться, чтобы тебя понимали и чтоб ты сам себя понимал». По-моему, руководство следственного отдела окончательно перестало понимать «линию обвинения» молодого следователя и вскоре после новогодних праздников были удовлетворены очередные ходатайства защиты — домашний арест милиционерам был отменен, им избрана подписка о невыезде. Возмущенный следователь обратился в суд с ходатайством о временном отстранении обвиняемых от должности, но получил отказ. План обвинения, основанный на быстром признании вины и передаче дела в суд рухнул, а у защиты многое из задуманного, напротив, стало получаться. Поспешным задержанием милиционеров и попытками следствия свалить все с больной головы на здоровую были возмущены, казалось, все работники аэропорта. Два милиционера были всем в порту хорошо знакомы, а хамоватый и вороватый Юрий ни у кого сочувствия не вызывал. Поэтому защите удалось найти несколько

новых свидетелей задержания и приберечь их до лучших времен, то есть до судебной стадии.

Следствие заканчивалось. Оригинальных ходов у обвинения почти не осталось. Единственное, что смог придумать прогрессивный следователь, — провести исследование Юрия на полиграфе в каком-то малоизвестном кооперативе. Зачем было прикладывать в дело килограмм макулатуры мало кто понял. Суд, по-моему, не исследовал этот пакет кардиограмм, графиков, путаных вопросов и вероятностных выводов. Защита ознакомилась с материалами дела, разослала очередной пакет жалоб, прокурор утвердил обвинительное заключение и направил дело в суд.

Первая попытка обвинения быстро рассмотреть дело закончилась неудачей. Суд вернул дело прокурору. Прокурор привычно обжаловал, но Московский областной суд с возвратом согласился. Что происходило с делом после его возвращения в следственный отдел припомнить не могу, значит на этой стадии не было ничего существенного.

Через несколько месяцев дело снова поступило в суд. Карточка дела в системе ГАС «Правосудие» бесстрастно зафиксировала четырнадцать судебных заседаний, в каждом из которых решались тактические задачи допроса свидетелей, исследования письменных материалов дела, истребования дополнительных доказательств — шла обычная текущая работа защиты, одной из главных тактических задач которой было добиться этапирования Паши в суд для допроса. Адвокатами было подготовлено письменное ходатайство с анализом всех противоречий в показаниях, которое было судом удовлетворено. Пашу выдернули из привычной жизни в размеренном распорядке дней в колонии строгого режима и доставили в зал судебного заседания. При ярком освещении, в присутствии большого количества зрителей, Паша, непривычный к такому вниманию, был тих. Матерные слова, по возможности, заменял эвфемизмами, а когда было совсем невтерпех, добавлял в конце предложения частицу «-ля». Каждого из подсудимых он вежливо называл «инспектор». В общении со мной Паша стал предельно вежлив, в перерыве судебного заседания испросил прощения за хамство и объяснил, что на очной ставке все понял неправильно, что к адвокатам всегда относился с уважением, «просто нервы ни к черту».

Вызванному в зал судебного заседания молодому следователю он прямо сказал, что все подписывал не глядя, а при оглашении судьей своих показаний внимательно слушал каждый абзац и давал краткие комментарии. Из них следовало, что телефон у него попер именно Юрий и никто другой, что Юрий был пьян, но «не сильно», а когда при задержании Юрий начал «быковать на инспектора» и на него надевали наручники, то он начал вырываться и, падая, разбил себе нос.

Юрий, сколько его не вызывали, в суд не пришел, его показания были оглашены в судебном заседании, несмотря на письменные возражения защиты. Работать в этом деле было действительно интересно. Нужно было связать все факты в единое целое, представить доказательства защиты так, чтобы собранная на их основе версия выглядела единственно верной. Работа совместно с коллегой, защищающей Александра была слаженной, версия защиты — убедительной, а выступления адвокатов в прениях, как казалось слушателям в зале, вообще не оставили камня на камне от версии обвинения.

К сожалению, суд посчитал иначе. По делу был постановлен обвинительный приговор, подсудимым назначено наказание в виде лишения свободы, хотя и с применением ст. 73 УК РФ.

— Считать условным — произнес суд в конце оглашения приговора.

Могли ли Максим и Александр согласиться с судимостью и увольнением из милиции-полиции по негативным основаниям? Конечно, нет. Подсудимые, и защитники подали апелляционные жалобы. Основные доводы: не устранённые противоречия в показаниях участников событий, нарушение права на защиту, выразившееся в оглашении показаний Юрия, не явившегося в суд, отсутствие объективной оценки позиции защиты, основанной на обвинительном приговоре Юрия, и оценки всех доказательств из его уголовного дела. Это был тот случай, когда апелляционная жалоба, хотя и максимально сокращенная, в объеме превышала десять листов машинописного текста.

Хорошо помню день судебного заседания в апелляционной инстанции. Давая объяснения по доводам апелляци-

онной жалобы, я видел, как судья-докладчик не особенно внимательно слушает основные доводы защиты, поэтому все аргументы адресовал председательствующему составу, молодой женщине, упирая на то, что если сотрудников (тогда уже полиции) задерживать за применение спецсредств, не верить никому кроме ранее судимого потерпевшего, не верить фактам, установленным вступившим в силу приговором, тогда и в полиции несудимых сотрудников не останется... В какой-то момент, после очередного довода защиты, судья подвинула к себе тома уголовного дела и начала открывать их синхронно с называемыми мною доказательствами. Коллеги знают, что когда судьи внимательно слушают адвоката, то и выступление защитника становится логичнее и увереннее. Когда судья начала задавать вопросы по существу, как говорится «в цвет», то сомнений в результате почти не осталось.

Приговор был отменен. Дело возвращено в суд на новое рассмотрение. Собственно, здесь уже не было ничего интересного. Юрий, поняв, что дело пахнет не только керосином, но и уголовной ответственностью за оговор, утратил интерес к делу. Указания апелляционной инстанции — обеспечить явку и допросить Юрия в зале суда, реализовать не удалось. Не имея возможности непосредственно допросить Юрия, суд вернул дело прокурору. В дальнейшем, в рамках сложного компромисса между обвинением и защитой, действия сотрудников милиции были переквалифицированы на какое-то мало подходящее, но значительно менее тяжкое преступление, а дело прекращено за истечением срока давности привлечения к уголовной ответственности.

Получив на руки постановление о прекращении дела, милиционеры навестили кадровую службу, написав заявления об увольнении в связи с выходом на пенсию. Детали оформления документов я уже не помню. В какой-то момент для ускорения документооборота Максиму и Александру пришлось обращаться в суд за защитой нарушенных трудовых прав, но и здесь до решения суда дело не дошло. Областное управление удовлетворило требования добровольно, поэтому от иска новоиспеченные пенсионеры отказались. Начальник кадровой службы перекрестился и вы-

черкнул из списка сотрудников управления двух последних милиционеров страны.

Так закончилась эта, почти трехлетняя история, немного похожая на современную версию мифа о царе Мидасе, превращавшего в золото все, к чему он прикасался. Юрий все превращал в уголовные дела и только одно из них не завершилось обвинительным приговором. С годами подробности произошедшего забываются, но слова Максима, сказанные им в первый день нашей работы, я запомнил навсегда:

— Я сотрудник милиции, никакого преступления не совершил. Мы задержали преступника. Мне не в чем признаться! Будем бороться!

Тут адвокатской истории и конец.

Одной из особенностей адвокатской профессии является решение интересных юридических ситуаций. Иногда встречаются случаи, которые не имеют явных юридических решений, и в таких ситуациях адвокат проявляет свою креативность и найти нестандартные подходы к решению проблемы. В одной из таких ситуаций по моему мнению, мне довелось участвовать.

В мае нынешнего года, в порядке 51 УПК РФ, я была привлечена в качестве государственного защитника в Махачкалинском гарнизонном военном суде в защиту интересов Миронова А. М. (данные изменены) обвиняемого в совершении преступлений ч. 3.1 ст. 337 УК РФ. За несколько дней до судебного заседания, я прибыла для ознакомления с материалами уголовного дела, где, детально изучив материал, пришла к выводу, что уголовное дело подлежит возвращению в военно-следственный отдел, ввиду неполноты дознания.

Из «экстренно» сложившейся практики, и с учетом положения в стране, совершенно очевидно, что ходатайство, заявленное мной в суде, будет не удовлетворено.

В день судебного заседания, в особом порядке начался процесс. Государственный обвинитель был решительно настроен, но, видимо не ознакомился с нашим делом и не выходя из образа «Дровосека из страны Оз — рубить сплеча», зачитывал характеризующий материал, собранный следствием.

Я оспаривала каждый зачитываемый пункт, засыпая его многочисленными замечаниями по существу представленных по версии следствия фактов.

Один из вопиющих, по моему мнению фактов, при обвинении моего подзащитного в СОЧ (самовольное оставлении части) командование подает рапортом о прекращение поступления денежного довольствия в размере 210 000 руб. Таков порядок и по закону, и по уставу. Однако мой подзащитный,

ежемесячно получал заработную плату, в отраженном денежном эквиваленте.

На что военный прокурор вынужден был согласиться и не смог найти разумное объяснение. Я заявила ходатайство, с целью получения на данный вопрос ответ от следователя, с поручением военному прокурору провести надзор по допущенному факту.

К сведению, статья 337 Уголовного кодекса Российской Федерации предусматривает уголовную ответственность за уклонение от прохождения военной службы или от призыва на военную службу. Согласно этой статье, лица, уклоняющиеся от прохождения военной службы или призыва на военную службу, могут быть осуждены к лишению свободы на срок до трех лет.

Ввиду того, что у моего подзащитного, мобилизованного военнослужащего, отсутствовали цель и мотив совершить преступление, он неосознанно, от пережитых событий в зоне специальной военной операции, не явился в срок в войсковую часть после отпуска. Прискорбно осознать, что вместо служения Родине, он мог понести наказание с реальным сроком.

Стоя за трибуной, он отвечал на вопросы суда, которые давались ему с трудом. Предполагаю, что у большей половины заданных ему вопросов он не осознавал смысла.

За весь ход судебного разбирательства мною было несколько раз заявлено ходатайство о перерыве на несколько минут. Мой подзащитный нуждался в консультации только из-за того, что во время ответов он менялся в лице всеми цветами радуги. Уверяю, дорогие коллеги адвокатская профессия является одной из самых специфических и сложных в сфере юриспруденции. Наша работа требует не только глубоких знаний законодательства, применения их на практике, но и также креативного подхода к решению юридических ситуаций. Понимая всю серьезность дела и 4 отказанных в удовлетворении ходатайств, я приняла решение использовать безотказный вариант — отложить судебное заседание для подготовки к прениям сторон. Участники с/з поддержали.

Покинув здание суда, я немедленно направляюсь в войсковую часть, где проходил службу мой подзащитный, и добиваюсь аудиенции у командира войсковой части.

При сложившейся практике в судах общей юрисдикции в некоторых уголовных делах, если отсутствует ущерб и нет претензий от потерпевшего с соответствующим ходатайством, суд прекращает уголовное преследование в отношении лица, совершившего преступление в порядке УПК. Но знание и применение практики не распространяется на военнослужащих. В военных судах все обстоит иначе. Карательный суд! Показательный суд! И этим все сказано. Только поэтому многие мои коллеги не берутся за дела в отношении военнослужащих.

В кабинете командира я была решительно настроена, и использовала на первый взгляд простую для нас адвокатов и в тоже время нестандартную стратегию в своей защите военнослужащему. Это включало использование мною желания командира сотрудничать с адвокатом, а также согласие подать ходатайство о смягчении приговора в соответствии с УПК РФ. Эта была старая и в тоже время новая практика в которой я приняла участие в Махачкалинском военном гарнизонном суде. В ней говорилось так же, что данный военнослужащий включен в список отправляющихся в зону СВО (Специальной военной операции) в качестве наводчика штурмового батальона, кроме того, просит суд учесть о важности и крайней необходимости капитана Миронова в зоне СВО, что имеет огромное значение для Российской армии.

Полагаю, я вправе считать, что использовала нестандартную стратегию, которую оценил не только суд, но и государственный обвинитель. Прокурор просил 2 года реально срока с лишением его всех званий и наград. Суд приговорил моего подзащитного к 2 годам условно, без лишения воинского звания и лишения имеющихся наград.

Мой подзащитный получил прекрасный военный опыт и грамотную юридическую помощь.

Миронов продолжает нести службу в войсковой части и защищать границы нашей Родины.

Согласно Положению О Всероссийском конкурсе среди адвокатов—Адвокатские истории, на Конкурс принимаются индивидуальные авторские работы в письменном виде. Работа должна представлять собой реальную историю автора, в которой будет показана специфика и сложность адвокатской профессии: решение интересной юридической ситуации, креативный подход к делу, использование нестандартных стратегий.

Предлагаю Вашему вниманию не одну историю, а сразу несколько. Это мои юридические сказки: маленькие рассказы про реальные конкретные дела, которые так похожи на сюжеты сказок. Сама идея написания таких рассказов появилась после одного конкретного дела, в котором была и Белоснежка и отравленное яблоко и погибший король и даже злая Мачеха, а дальше дело оставалось за малым, просто наблюдать за своими доверителями и видеть в их историях сюжеты из жизни сказочных героев. Серия таких историй называется «Сказки на ночь», я их публикую в своем блоге в социальной сети Вконтакте, и сегодня хочется, чтобы Вы их прочитали.

Да, такие истории выбиваются из рамок Положения о конкурсе, но они точно заслуживают в нем поучаствовать. Приятного прочтения.

СКАЗКА ПЕРВАЯ.

Правдивая история Красной шапочки и Серого волка

Уж не знаю, почему в сказке Волк слопал и девочку и бабушку, но возможно из-за жадности? Хотя, судите сами.

Любовь не чужда и волкам, да и девушка в красной шапочке была очень мила и красива. Свадьба, кольцо... и «жили они долго и счастливо»... И, конечно же, переезд к мужу, в волчью стаю, ведь не могут молодожены жить в домике с родителями или с бабушкой...

А как в волчьей стае жить без шубки? Никак нельзя. Зимой холодно, да и где это видано, чтобы у жены волка шубки не было? Вот и пела новоиспеченная жена такую песенку Волку, чтобы он купил ей шубку, и не одну, а целых три: летнюю, зимнюю и на выход!

Ну а что не сделаешь ради красавицы жены? Разве не купишь шубку? Пусть даже и в кредит. Вот и Волк раскошелся, купил.

Сами видите, не схожесть характеров героев нашей Сказки, и то что они не пара друг другу. Ведь видите? Вот и Волк заметил это, правда только после третьей купленной в кредит шубки. Предложил расстаться жене, на что та, собрав вещи, включая подаренные шкурки вернулась к бабушке.

А что же с кредитом за шубки, спросите вы? Неужели его Волк будет платить? О, в этом и есть всё самое интересное. Шапочка нашла адвоката, чтобы отсудить у Волка 3 шубки (вы же помните, что это предмет роскоши и делится он, как совместно нажитое имущество?) И еще и обручальное кольцо себе захотела оставить, т. к. Волк ей его подарил на помолвку, а подарки с точки зрения Шапочки, разделу не подлежат.

Бедный бедный Волк, и так весь в кредитах, да еще и за суд платить, за адвоката. Но... у Волка большая семья и в волчьей стае нашелся свой адвокат.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается... в итоге шубки остались у Шапочки, и колечко свадебное тоже, но в придачу к сей роскоши, Шапочка получила кредиты, которые ей теперь предстоит платить. Волк же получил горький урок, и больше не связывается с людьми.

Адвокаты двух враждующих сторон получили хорошие гонорары.

СКАЗКА ВТОРАЯ, в которой Добро не всегда побеждает Зло

Кто из вас, мои дорогие читатели, знает имя злобного мага, который исполняет желания бедных девушек в обмен на первенца? Вот знайте, и не рассказывайте никому, а то работы человека лишите.

Шучу конечно же, в XXI веке Румпельштильцхен больше не забирает младенцев. Все гораздо проще, он выполняет же-

лания в обмен на деньги, нет ну, а что коммерция, бизнес, и даже злодею из сказки нужно как то семью содержать.

Так вот Принц заключил сделку с Румпелем, на то, что тот исполняет его желание — золотую карету, как у Короля, и чтобы не меньше 180 лошадей в упряжке, а в обмен мой герой сказки денег пообещал Два миллиона золотых отдать в срок через три года отдать Румпельштильцхену. Сделка исполнена, принц получил желаемое, карета ездит, золотом отливает... Герой сказки женился, с женой счастливы, 3 года пролетели, как один миг. Пришло время долг отдавать.

Но так ведь не хочется.

И придумали молодые люди хитрую схему, уж не знаю, есть ли в сказах суды и раздел имущества, но в моей сказке однозначно есть.

Принцесса подала на раздел имущества, со словами, что домик в лесу и лошади — имущество совместно нажитое, а значит половина принадлежит ей. Сделок она никаких с Румпельштильцхеном она не заключала, а значит долга за ней нет, просит Суд выделить её долю из имущества супругов, да ещё и детям часть имущества передать, т. к. дитятки пользуются дорогим компьютером и в домике у леса живут, вот пусть этот домик на детей и запишут. Заключили в суде муж и жена мировое соглашение о том, что домик теперь это имущество детей, а лошади принадлежат жене, как половина общего имущества. Суд все утвердил и все снова были счастливы, пока Румпельштильцхен не дошёл до Верховного Суда, где чётко сказали, что мировое соглашение не может быть утверждено, т. к. в данной сказке лишает Румпеля возможности получить свое по сделке, а значит нарушает права третьих лиц.

Мировое соглашение расторгли, имущество вернули во владение мужа и жены и приставы наложив на домик в лесу арест, очень быстро помогли Румпельштильцхену получить своё по сделке.

Думаю в сказке, без колдовства и магии не обошлось бы, а у нас в реальной жизни всё волшебство прошло в стенах суда и в магия была в руках адвоката Румпельштильцхена.

Р. С. Обожаю этого персонажа, самый честный из всех злодеев. И мой самый любимый доверитель.

**СКАЗКА ТРЕТЬЯ,
в которой Красавица, Чудовище и Отец Бель...
нет, нет, не подумайте, точно уж не живут счастливо**

Давно не было любимых «Сказок на ночь», читайте скорее и отправляйте всем всем всем, ведь сказка—ложь, да в ней намёк...

Было у купца три дочери. И вот собрался он за товаром в дальние страны, и спрашивает дочерей, что им привезти... Помните же сказку, что-то там дочери просили, то камня, то ткани расшитые золотом, а вот младшая запросила цветочек аленький. Ну и все знают, что дальше папенька в обмен на свою жизнь отправил любимую дочку жить неизвестно где с чудовищем.

Много ли мало ли времени жила дочка в заточении у Чудовища, сейчас уже и не вспомнит никто.

Денег Папенька дочке не высылал, общаться не очень хотел, сначала чудовища боялся, ну а потом, когда чудовище стало принцем, как-то и вовсе пропал. Девушке исполнилось 18 лет. Она вышла замуж за принца и в целом жила счастливо, лишь изредка вспоминая, что у неё был отец, который её бросил.

А вот отец всегда помнил, что дочка хорошо живёт: свой замок, кареты, прислуга, принц в конце концов. Не то, что он, в старом развалившемся доме. И решил отец потребовать от дочки денег на своё содержание, а как иначе, если в законе написано, что если можно, то почему бы и нет.

В законе конечно написано, но вот только не учёл отец того, что сам он игнорировал пересылать денег Чудовищу, на содержание его дочери. И ни разу за всю жизнь не оплатил алименты. Кроме того, подверг ребенка опасности, отправив к чужому страшном зверю. Но и это ещё не всё—не занимался воспитанием дочки, не заботился о ней, а значит, уклонялся от своих родительских обязанностей.

Сложно сказать, был ли сказочный суд суров, но решение было таким: отказать отцу в получении алиментов на своё содержание, на основании части 5 статьи 87 Семейного Кодекса Сказочного Королевства, которая гласит, что Дети могут быть освобождены от обязанности по содержанию своих нетрудоспособных нуждающихся в помощи родителей, если

судом будет установлено, что родители уклонялись от выполнения обязанностей родителей.

Вот и сказке конец, а кто слушал и не верит, спросите у неё самой, бывают ли такие отцы на свете и был ли такой суд. Номер телефона могу дать, она разрешила.

СКАЗКА ЧЕТВЕРТАЯ. **Леденящая душу история...**

Сказка ложь, да в ней намёк, хотя судите сами, ложь ли. Жили в маленькой деревне брат и сестра Гензель и Гретта. Родители их выгнали из дома, то ли за плохое поведение, то ли пьянство и накроманию. Об этом история умалчивает.

В общем долго гуляли дети по лесу, заблудились и наткнулись на пряничный домик, стоящий в лесу. В домике жила старушка. К сожалению в моей сказке добрая и милая бабушка. Как оказалось, пятая вода на киселе, но какая-никакая родственница. Приютила их к себе. Пожалела, да и оформила на детей дарственную на свой дом.

Все ли помнят, что при заключении договора дарения, право собственности переходит к одаряемому с момента подписания договора? Вот. Вы помните. А бабушка и знать не знала. Думала будут хорошо жить все троим. Но нет.

Не прошло и 2-х дней, как Грензель выгнал из дома бабушку, сменил замок и в целом братья Гримм были не далеки от истины: в сказке дети съели домик ведьмы. В нашей сказке бабушка так же лишилась имущества.

Жить бабушке было негде. Гретта тоже в домике жила, а бабушку выгоняла веником, и кричала, чтобы та и на порог не показывалась, иначе убьет.

В сказке ведьма кажется была убита... или ну явно там дело плохо закончилось.

В моей сказке бабушке повезло. Гретта решила ее убить: пригласила в домик и накормила малиновым вареньем, в которое выдавила шарики ртути из пары градусников. Бабушка отравилась, но не умерла. Пары ртути ядовиты, сама ртуть при приеме внутрь не очень. И только приговор о том, что внучка покушалась на жизнь бабушки, позволил нам в суде отменить договор дарения, выселить злобных детей из дома и вселить туда бабушку.

Р. С. Приговор был за покушение на убийство. Грензель уехал в другой город. Гретта отделалась легким испугом и условным сроком. Бабушка не научилась ничему. Разрешила Гретте снова с ней пожить. Дальше я перестала читать эту сказку. Уж слишком она стала похожа на затянувшийся сериал.

СКАЗКА ПЯТАЯ.

Поучительная

Ждешь-ждешь этих принцев, веришь в них, и в то, что «жили они долго и счастливо, и умерли в один день», а он такой прискакал к тебе «дуре влюбленной» брачный контракт в нос тычет, вроде как и замок будет наш и конь наш, и все, что потом завуюю, тоже наше, а договор—это так... отец заставляет, я не сам, мне для тебя и луну с неба не жалко...

И думаешь ты такая, ну луну же не жалко, да и в целом, умрем в один день... и платье вон уже эльфы сшили... да и перед родственниками вроде неудобно свадьбу отменять... иставишь подпись в договоре, у вас же любовь, кто там о разводе думает.

И живешь вполне себе счастливо, детей рожает, принц все больше и больше в соседних королевствах задерживается, казну пополняет, новые замки строит, да и тебя вроде любит... А потом в один прекрасный день, раз, и собрал твои вещи и за стены замка вытолкал босиком, да еще и с детьми, и брачный контракт тебе снова в нос тычет, мол сама, голубушка, подписала, и нечего теперь слезы лить, все моё, а ты иди куда хочешь... Тут и сказочке конец, а кто слушал, молодец.

Р. С. Ни разу, вот ни разу, не читала сказки про адвокатов, а зря... потому что топает потом принцесса к адвокатам и просит помочь, признать брачный контракт недействительным, поделить все нажитое в браке пополам, т. к. такой брачный контракт ставит ее в крайне неблагоприятное положение, по сравнению с положением существовавшим в период брака (статья 44 Семейного Кодекса, между прочим) и ждет нас с принцессой суд за замки и пару дорогих карет и лошадей, и кто знает, как оно будет там... могут ведь и отказать.

А вот были ли бы сказки про адвокатов, так и не подписывали бы принцессы брачные договоры, потому, что точно бы знали историю, какой-нибудь Золушки, или Красавицы и Чудовища, например...

Сказка шестая, вот как раз про Красавицу и Чудовище, которую стоило бы читать всем принцессам перед сном в каждом Сказочном королевстве.

СКАЗКИ НА НОЧЬ.

Соскучились?

Я точно Да! А знаете, чем на самом деле закончилась история Красавицы и Чудовища?

Ну точно не тем, о чем нам поет Дисней. Потому что не может Чудовище вдруг стать милым добрым и любящим принцем. Если только на время. Ради своих интересов.

Милая добрая Бель читала не те книжки. Всё больше о любви и нежности, а следовало бы Семейный Кодекс. А познакомившись с Чудовищем, еще и Уголовный. Но нет.

Все сказки живут по одним законам, кто бы их не писал. Бель влюбилась. Свадьба... дети... замок, как водится в XXI века в ипотеку и материнский капитал туда же. Мечты о светлом будущем и счастливой старости и вера в то, что принц расколдован.

Но Принц привел в дом Старую колдунью, Бель выставил за дверь с чемоданами и детьми и сменил на воротах замки.

Нет в сказках ни судов, ни адвокатов. А в жизни есть. И оказалось, что Бель не может жить в замке, несмотря на долю в праве собственности, т. к. там уже живет Чудовище, а совместное проживание невозможно.

Ладно. Ладно. Пусть наша сказка будет с хорошим финалом, правда шли мы к нему долгих 3 года. Сами с Бель уже научились колдовать, наколдовали себе доказательства (5 судебных процессов с нужными решениями), сделали оценку замка и стоимость его аренды, заручились поддержкой и... мы уже почти у цели: Чудовище пакует чемоданы.

Жду Ваши варианты, как закончить сказку, свой расскажу недели через три.

СКАЗКА СЕДЬМАЯ.

Для науки, не гуляйте в темном лесу и не общайтесь там с темными личностями

Волка оправдать»—вынес вердикт суд присяжных. Как оправдать? Почему? Сlopал бабушку и внучку, и вдруг невиновен? Еще долго шумел городок, где жила Красная шапочка.

Адвокат у волка хороший был. Вот и оправдать!

Судите сами: Волк животное хищное, по натуре агрессивное, отличается резким и злым нравом. В его природе это. В характере. Никуда от сущности не денешься. Вспыльчивый, да и вообще мало что знает, про человеческие законы, которые, кстати, на него не распространяются.

Преступник преступнику рознь, это для жителей города все волки плохие, а мы адвокаты смотрим на них с другой стороны.

Вот, например, есть в Уголовном кодексе основания исключающие преступность деяния, когда лицо действует в состоянии крайней необходимости или самообороны. А есть варианты, когда лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности в силу малолетнего возраста (до 14 лет), в силу невменяемости. Есть еще варианты с депутатской или президентской неприкосновенностью.

Решая вопрос о защите Волка, даже в ситуации, когда кажется, что он 100% виновен, и есть все свидетели, не стоит опускать руки. Нужно искать варианты окончания уголовного дела в связи с отсутствием события или состава преступления.

В любом случае шансы спасти даже самое гибкое дело есть всегда.

Р. S. Волка оправдали т. к. виктимное поведение жертвы в совокупности с хищными инстинктами волка привели к случайной трагедии. Другими словами сама Красная шапочка виновата. Не будет гулять в тёмном лесу и разговаривать с тёмными личностями.

СКАЗКА ВОСЬМАЯ, заключительная

Все сказки живут по похожим законам, кто бы их не писал, добавим в сюжет пару вымышленных героев, например, адвоката и Верховный суд Королевства и начнём.

В одном королевстве жил несчастный принц, мечтавший жениться на принцессе, а та и слышать не хотела о свадьбе, пока жених не придет весь в золотой одежде и не подарит ей полцарства и колечко с бриллиантом в 5 карат.

Любовь и юный возраст нашего героя заставили его обратиться к Дракону. Ведь всем известно, что драконы очень богатые, а у нас ещё и добрый оказался. Дал принцу золото, чтобы тот колечко купил и ползамка построил, в подарок жене.

Но не так проста оказалась невеста, потребовала от принца брачный договор подписать, чтобы и полцарства и колечко, и всё иное имущество только ей принадлежали, ну мало ли что...

Время шло и Дракон стал требовать своё золото обратно. Но ведь у принца нет ничего, что возвращать? Всё имущество на молодую жену записано. Угрожал дракон ему расправой и даже сжечь королевство обещал, но ничего не добился.

Пришлось нашему Дракону к судье за помощью обратиться, так и так: долг брал, обещал вернуть, но по брачному контракту всё имущество жене принадлежит, которая Дракону ничего не должна, а у самого принца нет ничего.

Послушал судья нашего Дракона да и отказал ему, т. к. имущество в договоре разделено, про долги в брачном контракте ни слова, значит и спрашивать нужно с Принца, а имущество жены тут совсем не причём.

Разозлился не на шутку Дракон, хотел сжечь всё королевство, но послушал своего адвоката и решил в Верховный суд обратиться, ведь статья 46 СК РФ говорит, что Супруг обязан уведомлять своего кредитора о заключении брачного договора. При невыполнении этой обязанности он отвечает по долгу независимо от содержания брачного договора.

В общем люблю я драконов, и не люблю нечестных принцев и алчных принцесс. В нашей сказке Верховный суд королевства постановил взыскать в пользу Дракона половину замка и гору золота в придачу независимо от того, что имущество записано на жену.

Сказка ложь, но в ней намёк, что не стоит связываться с Драконами, у которых есть деньги на услуги адвоката и с адвокатами, которые готовы дойти до ВС РФ, чтобы восстановить справедливость

Ох уж эти трудовые споры! Защищать здесь приходится и работников, и работодателей. Ситуации самые разнообразные, иногда даже более фантастичные, чем любой выдуманный рассказ.

Нельзя сказать, что какой-то спор заслуживает особенного внимания. Везде есть над чем поломать голову, чему удивиться, чему научиться. Итак, поделюсь пятью историями, которые показались мне занятными.

ИСТОРИЯ ПЕРВАЯ.

Выживший

Он шел третьи сутки.

Рюкзак утонул в болоте еще вечером первого дня, когда он только понял, что заблудился. Тогда ему в потемках почудилось, что метрах в пятидесяти от него затаился медведь. Показалось? А Бог его знает! Но сердце забилося испуганно, бешено, и он побежал прочь. Рядом как раз был камыш. «Надо спрятаться в него!» — мысли путались, руки дрожали. «Скорее, скорее» — все, о чем он мог думать. В какой-то момент кочка ушла из под ног, и он провалился. Это была не трясина, его не утянуло, но рюкзак, выскользнувший из рук, утонул. Так он и потерял где-то в этом болоте топор, снаряжение, бутыль с водой, все сгинуло. Только лес со всех сторон.

Есть хотелось страшно, ягоды не особо спасали, он привык есть много, и первое, и второе, и кусок хлеба с маслом под сладкий чай... Сил не осталось, но он знал, остановиться — значит умереть, и шел дальше.

Как же это вышло? В какой момент он ошибся? Вот они с командой убрали тропу, начало смеркаться, и главный лес-

ник сказал, что надо разделиться, чтобы все успеть, и отправил его на другую сторону просеки. Просека была заросшая. Вот! Вот он момент, когда он должен был быть осторожнее, уже тогда! Но, увы. Он просто шел дальше, доделывал работу. Уже потом, когда начал звать ребят, лесника, тогда уже было поздно. Только тишина. Он пошел, как ему казалось, в направлении опушки, где они оставили квадроциклы, но... не нашел ее. И никого не нашел. Он кричал, но никто не откликнулся.

Итак, конец третьих суток. И тогда его, обезвоженного и почти потерявшего надежду, спасли! Он сам не понял, как это вышло, потому что лес казался ему бесконечным, но его нашли!

Эта история случилась с новым сотрудником заповедника.

В процессе служебного расследования было установлено, что вновь нанятый сотрудник (пострадавший) не был проинструктирован о правилах техники безопасности, правилах поведения в лесу своим непосредственным руководителем, назовем его условно Василий, на которого возлагалась соответствующая обязанность. Более того, несмотря на это, буквально сразу после трудоустройства Василий включил новичка в команду, занятую на работах на удаленной территории, а после направил его для самостоятельного выполнения трудовых функций в лесной массив в зону плохой видимости в вечернее время, не снабдив компасом или средствами связи (работа проводилась вне зоны действия сети мобильных операторов). Более того, после того как команда собралась у квадрациклов и обнаружила отсутствие коллеги, Василий не стал сообщать об инциденте работодателю и отдал распоряжение искать пропавшего своими силами, что члены группы, также рискуя заблудиться, осуществляли уже в темноте с использованием ручных фонариков. После того, как поиски не принесли результатов, Василий с командой уехали с места проведения работ. Об инциденте Василий сообщил работодателю только утром.

По результатам служебного расследования была установлена вина Василия в допущенных нарушениях, приведших к возникновению реальной угрозы риска жизни и здоровья

вновь нанятого работника. Василия привлекли к дисциплинарной ответственности в виде увольнения.

Личная трагедия Василия заключалась в том, что он проработал в заповеднике 25 лет. Увольнение стало для него ударом. Более того, он, судя по всему, считал, что ни в чем не виноват. Ему, опытному лесничему, казалось, что все эти правила техники безопасности — формальные писульки, а новичок заблудился по собственной глупости. Ну как можно было не выйти на опушку в шаге от тебя?! Более того, у Василия были прохладные отношения с работодателем, и он, наверное, верил, что инцидент (как он его называл) с новичком — это лишь предлог для давно запланированного увольнения.

Василий обратился в суд с требованием о восстановлении на работе.

Дело было сложным. Работник отрицал факт ознакомления с документами, отрицал, что их содержание совпадает с тем, которое он видел, привел большое количество товарищей, свидетельствовавших в его пользу по имеющим значение для дела обстоятельствам. А самое главное, так как он сам искренне не чувствовал своей вины, ему удалось создать атмосферу, в которой он представлял перед участниками процесса козлом отпущения и жертвой обстоятельств.

Мне в данном споре пришлось защищать работодателя. Были формальные моменты, за которые при наличии желания признать увольнение незаконным, суд мог бы зацепиться. Поэтому пришлось работать в двух направлениях. Первое — отойти от эмоционально-наколенного фона судебного разбирательства, перечислить подлежащие доказыванию обстоятельства и перечислить доказательства каждого из них, которые были собраны работодателем. Второе — разговорить вызванного в качестве свидетеля пострадавшего, который в красках рассказал, что ему пришлось пережить.

В результате нам удалось убедить суд, что, вина истца доказана, а работодатель действовал в рамках своих полномочий. Приказ об увольнении оставили в силе, вышестоящие инстанции поддержали суд первой инстанции.

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ. Укрощение растлителя

Если возможно не доводить дело до суда—это чудесно. Удается это редко, но порой случается. Такая удача улыбнулась мне в рамках крайне скандального дела.

Эта история произошла в учреждении высшего образования.

Руководству стали поступать жалобы на одиозного преподавателя, который, как оказалось, уже некоторое время вместо проведения учебных занятий по дисциплине проводил среди воспитанников агитационную работу против руководства учреждения, вероятно, в целях поддержания собственного образа борца за справедливость и свободу в глазах молодежи.

В ходе проверки вскрылись ужасающие факты. Выяснилось, что педагог не только дискредитировал коллег, но также осуществлял за плату эротические фотосесии, участие в которых открыто рекламировал на занятиях, в том числе среди несовершеннолетних, зазывал студентов в свой дом для совместного празднования мероприятий, а на личной странице в социальной сети публиковал снимки, имеющие признаки порнографии, распространял сатанинские образы, антигосударственные лозунги, рекламировал собственные платные услуги по написанию дипломов за обучающихся, создавал закрытые группы с участием его последователей из числа воспитанников.

Все это, разумеется, привело в ужас работодателя, который немедленно принял решение инициировать процедуру увольнения преподавателя за аморальный поступок.

Ситуация осложнялась наличием у работника правовых знаний, богатого опыта судебных тяжб и инициации прокурорских проверок, наличием связей с представителями средств массовой информации. Данные обстоятельства в совокупности с оппозиционными настроениями работника не оставляли сомнений в том, что любые меры дисциплинарного воздействия, примененные к нему, будут обжаловаться свирепо и, допуская, вполне профессионально. Поэтому шанса на ошибку у нас не было.

По моей рекомендации работодатель создал комиссию по расследованию всех обстоятельств данного дела. Во избе-

жание последующего восстановления на работе необходимо было собрать доказательную базу: материалы из социальных сетей были заверены в нотариальном порядке, на заседаниях комиссии были опрошены студенты и преподаватели, все фиксировалось на видео.

Также под видео фиксацию производились попытки вручения работнику уведомлений о необходимости дачи объяснений и прочие документы.

В результате проделанной досудебной работы и демонстрации работнику полной подготовленности работодателя к защите принятых решений в судебном порядке, удалось избежать судебного разбирательства. Работник, изначально публично заявляющий о незаконном преследовании со стороны работодателя, в результате так и не обратился в суд с требованием о восстановлении на работе или изменении основания увольнения.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ.

Увольнение директора по смс и двойное восстановление

Для удобства восприятия дадим героине этой истории какое-нибудь условное имя. Например, Анна.

Итак, вчерашний друг и партнер Анны решил строить бизнес дальше без нее. Он — единственный участник и учредитель, она — директор. Это было внезапным событием: Анне пришла смс об увольнении, причем со следующего же дня. Анна была ошарашена и зла, она была категорически не согласна. Конечно, увольнение директора, как правило, не проблема: достаточно принять соответствующее решение и уведомить его об этом. Но в данном случае не было сделано даже этого.

Мы прекрасно понимали, что в случае обжалования увольнения и восстановления на работе Анна, вероятно, будет уволена повторно, но уже без нарушений процедуры. Однако в некоторых случаях судебный спор пресле-

дует цель восстановления справедливости, указания оппоненту на его неправоту, отмщение, если хотите. Поэтому мы все же подали иск, по решению суда Анна была восстановлена, и казалось, что моя работа на этом завершена.

Однако дальнейшие события сложились самым неожиданным образом. В момент восстановления на работе Анна находилась на больничном. Учредитель же настолько спешил с повторным увольнением, что даже не связавшись с ней уволил ее опять сразу же после восстановления. Это стало поводом для повторного восстановления.

Во втором судебном процессе были подняты два дискуссионных даже с точки зрения науки вопроса: является ли несообщение директора о его больничном листе учредителю злоупотреблением права, дающим основание для отказа в защите права на восстановление на работе, и второе: может ли работодатель отменить приказ об увольнении своим решением уже в процессе судебного разбирательства.

Я как адвокат Анны доказала, что у директора ни в силу трудового договора, ни в силу обычного разумного похода нет обязанности уведомлять о своей болезни учредителя. Поэтому отсутствует и злоупотребление работником своими правами. Суд пришел к аналогичному выводу.

Что касается отмены приказа, по моему глубокому убеждению, данные действия в рамках судебного спора невозможны, так как трудовые отношения прекращены, и не во власти работодателя менять статус уволенного на статус работника. Единственно верным с точки зрения гражданского процесса в случае согласия ответчика с необходимостью восстановления будет признание им иска в данной части. Тем ни менее, суд первой инстанции счел иначе. Так как данные выводы не влияли на размер удовлетворения требований, мы не стали обжаловать судебный акт. Хотя было бы очень любопытно услышать правовую позицию вышестоящих судов на этот счет.

Так или иначе, Анна была дважды восстановлена. И уволить ее в ближайшее время после завершения второго спора учредитель более не рискнул.

ИСТОРИЯ ЧЕТВЕРТАЯ.

Украденные работники

Я была в отпуске на море, когда мне позвонил потенциальный Доверитель и сказал: «Мой бывший партнер перемазил всех работников к себе, а зарплату им продолжаю платить я, сможете помочь?».

Это был вызов. Ситуация действительно неординарная.

Итак. Работодателем были заключены трудовые договоры с 17 работниками, в качестве места работы был указан город без указания адреса. Фактически они выполняли свои трудовые обязанности в производственном помещении, которое предоставлял работодателю партнер по бизнесу. В какой-то момент партнерство распалось и собственник помещения (бывший партнер) согласовал с трудовым коллективом примерно следующий план действий: *«Вы получаете зарплату от работодателя безналом, а от меня лично доплату налом. Главное, не идите на контакт с руководителем работодателя. Если Вам придется увольняться, не переживайте, я Вас переоформлю к себе. А пока продолжайте работать как работали и где работали и получайте двойную зарплату!»* Для совестливых было добавлено: *«А если не хотите, уходите, только имейте в виду, помещение и оборудование мои, и Ваш работодатель не факт, что найдет альтернативу, и если не найдет, то сократит вас, а я вас уже не приму».*

В итоге производственное помещение выбыло из владения и пользования работодателя вместе со всем техническим оборудованием, с помощью которого и осуществлялась производственная деятельность. А Работники продолжили выполнять работу в данном производственном помещении только под руководством бывшего партнера, не имеющего никакого отношения к организации Работодателя.

В итоге мало того, что работодатель был вынужден оплачивать 17-ти работникам труд, выполняемый в интересах третьего лица, так еще помимо этого, он был лишен возможности обеспечить безопасность труда на производстве. Работники фактически трудились без всякого надзора, а ведь при наступлении несчастного случая на производстве привлечь к ответственности станут именно работодателя.

С учетом всех нюансов было принято решение поступить следующим образом: направить всем работникам ценные письма, телеграммы, сообщения в мессенджерах на личные номера телефонов с Приказом об их перемещении в рамках города, определенного в трудовом договоре как место работы, по месту нахождения офиса работодателя.

В адрес тех, кто получил приказ, но не явился на работу в офис, были направлены запросы о необходимости дачи объяснений по факту прогула. В результате наши действия возымели эффект, работники побоялись увольнения за прогул и явились в офис работодателя, а вскоре все написали заявления об увольнении по собственному желанию.

В условии невозможности обеспечения им рабочих мест на производстве в ближайшее время такой исход был предпочтительным для моего Доверителя. Задача была решена.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ.

«Очень тяжело быть гением среди козявок»

Наверное, именно так мыслил один судебный представитель, с которым мне пришлось столкнуться.

Эта история — скорее иллюстрация того, как нельзя вести себя в процессе. Пожалуй, половина успеха дела стала результатом самонадеянности моего оппонента.

Дело в том, что изначально работник требовал небольшую сумму, не зная о всех своих правах. Представитель оппонента допустил пренебрежительный тон и насмешки в адрес работника на первом судебном заседании. В результате, будучи очень задетым и расстроенным, разуверившись в своих силах, работник обратился ко мне. После уточнения исковых требований размер взыскания увеличился в 10 раз, так как включил в себя все недоплаты за весь период работы — за 7 лет.

Оппонент, вероятно, не знал о том, что в данном случае нарушение носит длящийся характер, и обязанность по выплате заработной платы сохраняется за работодателем вплоть

до увольнения работника, и что сроки давности, о которых он заявляет, не будут применены судом.

Стоит признаться, даже моё профессиональное участие не остудило представителя, который в заседании продолжил комментировать теперь уже мои доводы в издевательском тоне. Стоит ли говорить, что это лишь подлило масла в огонь моей готовности выиграть дело и доказать неправоту оппонента. Победа была сладка! Доверитель торжествовал и не мог поверить в такой исход! А ведь обращение ко мне могло бы и не состояться. Как говорится, не груби малому, не вспомнёт старый!

БРАТУХА, ДА НЕ ПИЛ Я! ИЛИ НЕ НАДО ОБМАНЫВАТЬ СВОЕГО АДВОКАТА

Не надо пить рядом с машиной

«Братуха, да не пил я, а стоял рядом с машиной» — именно так началось моё знакомство с новым доверителем, душе-раздирающая история которого сопровождалась нецензурной лексикой в адрес дорожных полицейских, и постоянным обращением ко мне не по имени, а посредством слов «брат», «братуха». Ну, вы знаете, есть такой тип людей.

По словам новоиспеченного клиента, претензии к нему со стороны инспекторов были по части управления им автомобилем в состоянии алкогольного опьянения. Банальная история, скажете вы, но его версия была прямо противоположной.

Мужчина не отрицал, что в первых числах мая вместе с другом действительно употреблял пиво в гаражном кооперативе, находясь около своего незаведенного автомобиля. По его словам, через некоторое время к ним подъехали сотрудники отдела вневедомственной охраны, спросили, кто является собственником автомобиля, и начали предъявлять к нему озвученные выше претензии, указав при этом, что у них есть запись с видеорегистратора, подтверждающая управление автомобилем. При этом, один из сотрудников полиции начал звонить знакомым инспекторам ДПС, которые приехали спустя 15 минут, отстранили его от управления незаведенным автомобилем и доставили на медицинское освидетельствование, где в выдыхаемом им воздухе была выявлена концентрация абсолютного этилового спирта в размере 0,43 мг/л (0,87 промилле), что соответствовало состоянию опьянения.

Надежда на справедливость

Если честно, по делам такой категории я редко озвучиваю доверителям положительные перспективы, поскольку,

как правило, материал наши доблестные сотрудники по так называемой «пьянке» («н/с») оформляют хорошо, тем более необходимо учитывать негласную установку судов общей юрисдикции: лишать всех подряд. Но в этом случае, на мой взгляд, у сотрудников были определенные огрехи в работе, как минимум в доказывании факта управления транспортным средством.

В этом я еще больше убедился, ознакомившись с материалами дела в суде, где никакого диска с видеозаписью не оказалось, несмотря на то, что из сопроводительного письма начальника полка ДПС в адрес мирового судьи следовало, что такая запись к материалам прилагается.

Более того, в материалах дела отсутствовал опрос сотрудников отдела вневедомственной охраны относительно обстоятельств дела или хотя бы их рапорты, которые полицейские любят составлять по поводу и без, т. е. материал был оформлен таким образом, что сотрудники ДПС, якобы осуществляя патрулирование, остановили моего доверителя для проверки документов и усомнились в его трезвом состоянии.

Проанализировав материалы и согласовав позицию, мы сели в процесс с намерением показать суду истинную картину произошедшего и отсутствие самого события правонарушения.

10 томительных заседаний

Дело слушалось 4 месяца, по нему было проведено 10 заседаний, большинство из которых после дачи стороной защиты объяснений и допроса её свидетелей, откладывались в связи с неявкой в заседание инспекторов ДПС, без которых дело не могло рассматриваться, ввиду того, что мой доверитель и его друг-свидетель не запомнили ни данные сотрудников ОВО, ни регистрационные знаки их машины. Судом делались соответствующие запросы в отделы полиции, но ответов на них не было. Примерно на 6 заседании слегка замученная судья, по поведению которой было видно, что при таких обстоятельствах она не очень то и хочет лишать доверителя прав, лично позвонила руководству полка ДПС, и пригрозив приводом их сотрудников, добилась таки их явки.

Под натиском наших вопросов сотрудники ДПС начали путаться относительно места остановки транспортного

средства, и в итоге оба показали, что лично они автомобиль с моим доверителем не останавливали, а были вызваны сотрудниками ОВО для составления материала, пояснив при этом, что вывод об управлении автомобилем был сделан на основании видеозаписи, которая была направлена в суд вместе с материалом, и о причинах её отсутствия на момент рассмотрения дела они ничего пояснить не могут.

Ну что ж, первый успешный шаг на пути к победе был сделан, и оставалось только ждать: либо битвы в суде с сотрудниками ОВО, у которых маловероятно сохранилась какая-то запись, либо их неявки, что было бы идеальным для нас вариантом. Неявка указанных сотрудников вынудила судью, которая теперь все больше не хотела лишать моего защитного прав, еще 2 раза отложить заседание.

Сюрприз от свидетеля или почему не надо врать адвокату

Наше десятое посещение суда, омрачилось тем, что мой клиент обратил внимание на человека, сидящего возле зала, и опознал в нем того самого сотрудника ОВО. Еще раз согласовав с доверителем позицию и вопросы, я начал допрос сотрудника, на пятнадцатой минуте которого заметил, что судья, откинувшись на спинку своего кресла с ухмылкой смотрит как я «выпрыгиваю из костюма», задавая каверзные вопросы. Следует признать, что сотрудник держался молодцом, и на все вопросы отвечал четко и последовательно, и, достав из кармана телефон, прервал наше общение следующим: «Ваша честь, в подтверждение сказанного у меня тут видеозапись на телефоне осталась, могу предоставить суду в качестве доказательства».

Видели бы вы лицо моего клиента в этот момент, смотрящее на меня округлыми глазами. Видели бы вы меня в тот момент, когда я осознал, что сейчас в отношении меня был совершен крутой «троллинг» со стороны свидетеля и судьи, знающей больше чем сторона защиты.

Видеозапись вывели на большой монитор компьютера с крутыми колонками, так что видно и слышно было замечательно. Замечательно было видно, что машина моего доверителя медленно едет по дороге гаражного кооператива, виляя из стороны в сторону. Запись велась на видеорегистратор патрульной машины ОВО, ехавшей следом. Сотрудники по-

лиции включили сирену и просили автомобиль остановиться, но приказ не выполнялся. Тогда последовало повторное требование, на которое среагировал водитель: сначала из водительского окна высунулась рука с бутылкой коньяка, указывающая патрульной машине, чтобы та объехала его и ехала дальше, а через некоторое время появилась и сама голова недовольного водителя — моего уважаемого клиента.

На крючке у правосудия

Судья, еле сдерживая смех, объявила пятиминутный перерыв для согласования стороной защиты дальнейшей позиции по делу.

Разговаривая в коридоре с доверителем, который все еще рассчитывал на положительный исход, в голове моей крутилась мысль: «Братуха, ну как же так, а? Ты же мне говорил, что стоял рядом».

В итоге, следует сказать спасибо судье, что за такие выкрутасы с нашей стороны, она лишила его на полтора года вместо возможных двух.

Маленькие приятности

После разъяснения бесперспективности дальнейшего обжалования, я попрощался с клиентом и пошел на стоянку. Рядом с моим автомобилем был припаркован автомобиль судьи, которая вместе с секретарем складывала в сумку овощи, видимо привезенные со своего дачного хозяйства.

Судья, не скрывая смеха, поинтересовалась относительно дальнейших движений по делу, и, вручив мне небольшую тыкву и кабачок, сказала: «Это вам, товарищ адвокат, небольшая компенсация за вредность в нашей работе».

Мораль

Никогда не вводите в заблуждение своего адвоката! Не питайте иллюзий, правда все равно всплывет рано или поздно.

ВЬЕТНАМЕЦ

Это было в середине 90-х годов прошлого века. В дверь юридической консультации постучали. На пороге появились две женщины.

— Скажите, кто здесь Павел Петрович Дужков?

Они обратились к адвокатам.

— Это я — откликнулся Дужков.

— Вас нам рекомендовали.

— Да, да, я знаю. Он вспомнил про телефонный звонок от его однокашника накануне. — Проходите, пожалуйста, присаживайтесь. Что произошло? — спросил адвокат. Посетительницы сели напротив. Павел Петрович окинул их взглядом. Женщины были похожи друг на друга, и он подумал, что к нему пришли мать и дочь. Как оказалось впоследствии, адвокат не ошибся. Женщины сильно волновались, и Дужков попытался их успокоить.

— Да как же я могу быть спокойной — возразила женщина, выглядевшая помоложе. Она представилась как Вера Александровна. — Моего сына, Алёшу, осудили ни за что, я не могу ничего сделать, чтобы его освободить!

Волнение охватывало её и женщина никак не могла с этим совладать.

— Он даже на месте преступления не был. Это все его дружки виноваты, а ему три года дали и в колонию отправили. Его из института отчислили. Куда мы только не обращались, ничего не помогло. Что делать, ума не приложу — сокрушалась она. Её мать Елизавета Парфеновна тоже не стала молчать и вслед за дочерью выпалила: — Вот было время, когда судью могли вызвать в обком партии и спросить у него, как он мог так поступить. А сейчас что? — с упреком посмотрела она на Павла Петровича. Дужков нахмурился и вспомнил своё прошлое, работу следователем. Вспомнил и коллегу Жору, которого судил товарищеский суд за то, что женился в третий раз. Чуть было Жору с работы не уволи-

ли, и из партии не исключили. Отвлечшись от нахлынувших воспоминаний, Дужков вопросительно взглянул на женщин. Словно поняв его, Вера Александровна извлекла из сумочки папку, передала её адвокату.

— Здесь документы по делу Алёши, посмотрите, пожалуйста,— обратилась она к Дужкову.

Раскрыв папку, он взял копию приговора суда, и стал внимательно его изучать. Из приговора следовало, что Алексей Глазков во время следствия и в ходе рассмотрения дела судом находился на свободе, но после оглашения приговора был взят под стражу в зале суда.

— Как же так произошло?— спросил он у Веры Александровны. Тяжело вздохнув, она ответила.

— Следователь не арестовал Алёшу потому, что он ходил на занятия в институт. И адвокат, которого мы наняли, чтобы тот защищал Алёшу, уверял нас, что всё будет нормально, и Алёше дадут условно. Адвокат сказал, что знает этого судью, который придерживается правила, что если подсудимый приходит в суд на своих ногах, то и после приговора должен уйти из суда сам. Мы и поверили ему. Вера Александровна замолчала, а затем всхлипнув, продолжила.— Когда Алёшу арестовали в зале суда и надели наручники, мне стало плохо и я упала на пол. Дружки свалили всё на него, как будто он был организатором преступления, чтобы ограбить студента из Вьетнама, с которым Алёша учился в одной группе.

— Ясно,— сказал адвокат и обратился к женщинам.— Будем работать.

Заклучив с ними соглашение об оказании юридической помощи и оговорив сумму гонорара, которую им надо было внести, оформив все необходимые документы, адвокат распрощался с посетительницами.

На следующий день он решил пойти в суд, ознакомиться с делом, а заодно и поговорить с судьёй, вынесшим приговор. Так Дужков поступал в тех случаях, когда ему надлежало подготовить жалобу, предварительно изучив материалы дела. А с судьёй он встречался, чтобы составить впечатление о тех, кто решает судьбы людей. И в зависимости от результатов встречи, он иногда определял для себя возможные перспективы рассмотрения жалобы. Районный суд, в который он пришёл, находился на первом этаже многоэтажного дома.

Продавленные кресла, неисправная сантехника — ко всему этому Дужков привык за годы работы адвокатом. Судья Куляхин, к которому он обратился, встретил его настороженно.

— Да, такое дело было у меня. Я его рассматривал. Московский городской суд оставил приговор в силе. Что Вам ещё надо? — спросил судья у адвоката.

Дужков, немного осмелившись, сообщил судье, что хотел бы обжаловать приговор, и как ему кажется, для этого есть некоторые шансы.

— Какие там шансы? Вашему клиенту уже ничего не поможет, — сказал судья и посмотрел на часы, висевшие у него за спиной. Дужков понял, что надо уходить и, попрощавшись с судьёй, вышел из кабинета. Судья не произвел на адвоката особого впечатления. Дужков ещё более убедился в мысли о необходимости написания жалобы.

Получив в канцелярии суда дело, адвокат стал читать его. После изучения материалов дела вырисовывалась следующая картина. Студент Алексей Глазков договорился произвести обмен денег с другом-вьетнамцем по имени Нгуен, с которым они вместе учились. Нгуен говорил по-русски и согласился поменять доллары на рубли, так как недавно вернулся из-за границы и рубли ему были нужны, что подтвердил на допросе в ходе следствия и в суде Алексей Глазков. Как бы невзначай, Алексей поделился об этом со своими знакомыми. Но он никак не мог предполагать, что у них сразу же созреет план ограбления вьетнамца, о чём Алексей узнал впоследствии. Из дела следовало, что знакомые Алексея, которыми являлись Стрельченко, Федоткин и Крайновский пришли, как они говорили, в назначенный день, по наводке Алексея Глазкова к общежитию института и зашли внутрь, сказав коменданту, что хотят пообщаться со знакомым им студентом из Вьетнама, по имени Нгуен, который якобы их ждёт. Глазков остался на улице. Подойдя к дверям комнаты, в которой должен был находиться вьетнамец, про которого им говорил Алексей, они постучались, сказав, что пришли к Нгуену. Ничего не подозревавший вьетнамец по имени Нгуен открыл им дверь. Ворвавшись в комнату, Федоткин и Крайновский стали бить его кулаками, требуя доллары. Стрельченко же попытался набросить на вьетнамца веревку. Но последний оказался человеком не из робкого десятка, ударив ногой в живот Крайновского,

который повалился на пол. Затем, выхватив у Стрельченко верёвку, вьетнамец набросил её на него и потащил в бытовую комнату, затолкав его туда и закрыв комнату на ключ. Поднявшись с пола Крайновский и Федоткин выбежали на улицу, и Алексей Глазков, поджидавший их там, убежал вместе с ними. Вьетнамец же сообщил обо всём коменданту, и вскоре приехали сотрудники милиции, которые доставили в отделение Стрельченко. Вскоре были задержаны Федоткин и Крайновский, а также Алексей Глазков. По данному факту было возбуждено уголовное дело, велось следствие. Затем дело рассматривалось в суде. В суд потерпевший вьетнамец Нгуен не явился, и в суде были оглашены его показания, данные им на следствии. Кроме допроса каких-либо других действий с ним не проводилось. Вскоре был вынесен приговор, согласно которому Алексей Глазков оказался организатором совершения преступления, как об этом неоднократно заявляли в ходе следствия и судебного разбирательства Стрельченко, Крайновский и Федоткин. Глазков это упорно отрицал, но ничего не помогло ему избежать признания его виновным в организации совершения ограбления группой лиц и назначении ему наказания в виде лишения свободы.

Закончив изучать дело, Павел Петрович расстроился, ему стало не по себе. Он не видел выхода, чтобы как-то изменить судьбу Алёши. Федоткин, Крайновский и Стрельченко, словно бы сговорились, и как один, давали одинаковые показания, подтверждая их на очных ставках с Алексеем, как будто бы он побудил их совершить ограбление вьетнамца. Из материалов дела следовало, что больше допросить было некого. Павел Петрович стал жалеть, что согласился взяться, как он подумал, за такое безнадежное дело. Он решил позвонить матери Алёши.

— Уважаемая Вера Александровна — начал было адвокат, но тут же осёкся, услышав её взволнованный голос.

— Елизавета Петровна в больнице. Может, она никогда больше не увидит внука — зарыдала она в трубку. Павел Петрович решил не говорить с ней о возникших у него сомнениях, что могло, по его мнению, ещё больше расстроить Веру Александровну. Успокаивая её, он сказал, что продолжит работать по делу и станет сообщать ей результаты своих действий. Адвокат провел в раздумьях несколько дней, но ниче-

го дельного ему в голову не приходило. Павел Петрович стал плохо спать. Ночью ему снились кошмары и судья Куляхин, который смеялся над ним, обзывая его недоучкой. Хотя Павел Петрович закончил юридический факультет университета с отличием. «А что, если выйти на место происшествия, ведь опыт следственной работы у меня есть» — отметил Дужков про себя.

На следующий день адвокат пришел в общежитие института и встретился с комендантом, рассказав ему подробности произошедшего.

— Да, был такой случай, — живо откликнулся комендант. — Вот там в комнате находился вьетнамец Нгуен, вроде бы на него напали, хотели отобрать деньги. Это было год или полтора назад, — начал вспоминать комендант. Павел Петрович попытался уточнить у него подробности, как это произошло.

— А кто их разберёт, что там было? Ведь у них там одни вьетнамцы приезжают, другие уезжают, эта комната как гостиница. Меня в тот день не было, был мой напарник, он что-то рассказывал, но недавно умер. Я Нгуена уже не видел несколько месяцев. Его комната опечатана, там ремонт делают — закончил комендант.

После выхода на место происшествия и разговора с комендантом у Павла Петровича возникли сомнения. Кто же мог быть потерпевшим, как он выглядит и где может находиться? Павел Петрович решил пойти в деканат, чтобы получить сведения о том, кто из вьетнамцев учился в одной группе вместе с Алексеем. Ему дали список группы, где учился Алексей. В том списке был указан студент Нгуен Синь Линь. Этот студент из института был отчислен почти год назад. «Где же мне теперь его искать, в посольство обращаться, что ли? Тогда надо уточнить его анкетные данные, чтобы сделать запрос» — подумал адвокат.

Павел Петрович вновь пришел в суд и стал изучать уголовное дело. Из материалов дела следовало, что Алексей Глазков действительно договаривался обменять рубли на доллары со студентом из его группы Нгуеном. Читая дело, Павел Петрович обратил внимание на протокол допроса в качестве потерпевшего Нгуена, который был допрошен поверхностно, причем без переводчика. В протоколе допроса неразбор-

чиво было написано, что вьетнамец по имени Нгуен находился в комнате общежития, где на него напали, намереваясь отобрать доллары. Изучая протокол, адвокат обнаружил, что вьетнамец Нгуен был проездом в России, собираясь во Вьетнам. Он прилетел из Чехии и заехал к своему знакомому в Москве, у которого остановился в комнате общежития. Павел Петрович стал в третий и в четвертый раз читать протокол допроса Нгуена, включая его анкетные данные, и оказалось, что потерпевшим был... научный сотрудник Нгуен Ван Тхай, работавший в Академии наук в Праге и ему было 45 лет. Адвоката смутило то, что по возрасту он уже не мог быть студентом, хотя его звали Нгуен. Но и студента, у которого он остановился, тоже звали Нгуен. Так кого же там ограбили?—задал сам себе вопрос Павел Петрович. Он еще раз вернулся к списку студентов группы, где учился Алексей Глазков, среди которых был указан студент Нгуен Синь Линь. Когда в суде были оглашены показания вьетнамца Нгуена, то, видимо, никто не обратил внимания на его полные анкетные данные, тем более в суде его не было. Адвокат знал, что часто вьетнамцев называют только по именам. Но это же разные люди, подумал он про себя.

Чтобы закрепить эти сведения, Павел Петрович еще раз пришел в институт и получил справку о том, что на момент совершения преступления студент Нгуен Синь Линь поехал на экскурсию в Санкт-Петербург, и следовательно, в комнате общежития института в тот злополучный день его не оказалось. Полученные в институте справки Павел Петрович приобщил к надзорной жалобе, которую подал в Верховный Суд Российской Федерации. В жалобе адвокат отметил, что если и было ограбление, однако произошло ограбление другого вьетнамца, которым оказался Нгуен Ван Тхай. Но к нему Алексей Глазков никакого отношения не имел. И, следовательно, он не может нести уголовную ответственность за то, что совершили соучастники преступления, которые напали на другого вьетнамца, которого звали тоже Нгуен. Но им про него Алексей Глазков не говорил, так его не знал, что, разумеется, не могло входить в его умысел. Соучастники преступления вышли за пределы договоренности, совершив преступление в отношении иного лица. В уголовном праве такая ситуация называется «эксцесс исполнителя». Надзорная жалоба адвоката была

удовлетворена. После этого был внесен протест в Президиум Московского городского суда. В соответствии с вынесенным судебным решением Алексей Глазков должен был быть немедленно освобожден от дальнейшего отбывания наказания, так как его действия были переквалифицированы на другую статью Уголовного кодекса Российской Федерации. Глазков вышел из колонии, на радостях вернулся домой. Через некоторое время он восстановился в институте. Справедливость поздно, но восторжествовала.

ШЕСТЬ ТОЧЕК (Дело 2002 года)

*Истина открывается в тиши тем,
кто её разыскивает.*

Дмитрий Иванович Менделеев

Братство таксистов

Ко мне обратился таксист. Его по служебной рации вызвал коллега по работе и попросил немедленно найти ему адвоката.

— Мы тут скинулись с братвой, — мужчина выложил пачку купюр, а поймав мой удивленный взгляд, улыбнулся: — Не знаю, что натворил этот Зайкин, но помочь братишке, сам Бог велел! — объяснил он, и я взялся за дело.

Почему-то решив, что таксист Зайкин пьяным сел за руль или сбил пешехода, позвонил сначала в ГАИ.

Дежурный был в курсе:

— Задерживали мы, но клиент не наш, — сообщил он. — Ищите его в милиции Советского района.

В милиции я понял, что дело серьезное: во дворе стайка экспертов сосредоточенно хлопотала вокруг таксишной «Волги» с распахнутыми дверями, следователь прокуратуры Мельников заполнял протокол, и судя по довольному лицу, был уверен в успехе расследования.

— Дело ясное, как белый день! — поделился он радостью, когда я предъявил ордер на защиту. — Ваш клиент нож оставил на месте убийства, свидетель его видел. Сейчас эксперты закончат и обвинение будем предъявлять.

Клиент

Побеседовать с клиентом позволили в дежурной части. Тот совсем не был похож на таксиста. Субтильный юноша,

больше смахивающий на студента консерватории, с длинными ниже плеч волосами и бледным лицом, как мне показалось, пребывал в легкой прострации: говорил как робот, глядя в какую-то воображаемую точку на полу.

— Я не убивал, — чеканил он слова. — Это недоразумение. Его убили двое, я их на Владимирской высадил...

Рассказ был путанным.

Утром к нему домой пришел сосед — известный в городе криминальный деятель по кличке Квак, и предложил за плату повозить его по воровским делам.

Они заехали в аптеку, там жулик купил шприцы, какие-то ампулы и назвал адрес: — «Заречная 5».

Я знал эту пятиэтажку на окраине города. Оказавшись там, всегда старался быстрее проехать мимо: останавливаться, а тем более выходить из машины в этом месте было в те времена небезопасно. У торца дома всегда топталась парочка-другая наркоторговцев и личности, которым убить, что плюнуть.

Туда и привез таксист своего пассажира.

Там Квак, по словам Антона, вышел к двум парням в темных очках, о чем-то заговорил, и тут один из них выхватил нож и с размаху вонзил ему в живот.

Зайкин оцепенел. Трясушейся рукой пытался повернуть ключ зажигания, но не успел: двое убийц запрыгнули к нему в салон «Волги» и тот, что был с ножом скомандовал:

— Гони! Зарежу!

Он гнал машину куда глаза глядят, пока тот же бандит не приказал остановиться.

Убийцы вышли. Антон облегченно выдохнул, в милицию не поехал, а по дороге домой его догнали машины ГАИ с сиреной.

Не убивал!

Есть у меня любимый фильм — «Блондинка в законе», так там главная героиня, выпускница юридического факультета университета, милашка Эль Вудс, на вопрос журналиста: — «О каком клиенте вы мечтаете?» — радостно отвечает:

— Невиновном!

В 2002 году я был уже постарше Эль и не так в себе уверен. По крайней мере радости, что мой клиент не признает себя виновным, не испытал.

Допрос

Обвинение было суровым: «3 июня 2002 года, в период времени с 11-00 до 11-05 часов, Антон Зайкин, находясь у дома № 5 по улице Заречной, на почве внезапно возникшей личной неприязни, имевшимся при себе ножом, умышленно, с целью причинения смерти нанес один удар в область живота Малыгину С. В. причинив...» далее перечислялись повреждения внутренних органов, от которых наступила смерть, и в заключении: «ч. 1 ст. 105 УК РФ».

Бледный Зайкин стал белым, а следователь Мельников понимающе покачал головой:

— Да все понятно, — Махнул он рукой. — Квак, наглая морда, хотел уйти не заплатив. Вы его догнали и того...

Зайкина стошнило.

В протоколе записали: — «Вину не признаю, Малыгина убили два неизвестных. Опознать их смогу».

Очевидные доказательства

Оставшись со мной наедине, следователь сочувственно потрепал меня по плечу: — Бывает! Не хочет парень в тюрьме сидеть, но вы-то понимаете, что шансов у него нет. Вот смотрите, — Он открыл папку с делом и показал дактилоскопическую экспертизу. В заключении я прочитал: «На представленном на исследование ноже обнаружен след ладони руки. Данный след для идентификации личности пригоден, и оставлен подпальцевой зоной ладони правой руки гр. Зайкина А. Н. Других следов рук не обнаружено». На приложенной к нему фотографии был испачканный кровью большой нож с зазубренным обушком, а на рукоятке отчетливо проявленный специальным порошком папиллярный узор.

— И свидетель есть, — доверительно произнес следователь. — Женщина с балкона видела, как он за Кваком с ножиком шел. Вашему Зайкину лучше признаться. Убитый все равно не жилец был. У него СПИД и наркомания в последних стадиях, так что много за него не дадут.

Свидетель

Мне показалось странным, что свидетель был только один. Белым днем у дома наверняка гуляли бабушки, на детской площадке — мамочки с детьми, собачники. Неужели никто ничего не видел?

Я решил проверить.

Было страшно наткнуться на какого-нибудь сумасшедшего наркомана с ножиком, поэтому, прежде чем отправиться искать свидетелей, из таксофона позвонил в милицию.

— У дома 5 на Заречной что-то беспокойно! Как бы кого опять не убили! — крикнул я и сразу бросил трубку.

Нехорошо, конечно, но зато, когда приехал, на пустыре у торца пятиэтажки стояла милицейская машина, а наркоторговцы и их клиенты на время разбежались.

Как и предполагал, у каждого подъезда сидели бабушки, на детской площадке гуляли дети и даже собачница таскала на поводке пекинеса. К ней и подошел.

Увидев удостоверение, женщина испуганно выпучила глаза:

— Ничего не знаю! — крикнула она и, подхватив пса подмышку, умчалась прочь.

Я огляделся и оторопел: двор был абсолютно пуст. Даже дети исчезли с качелек.

Жизнь в криминальном районе приучила людей к страху, но, видимо, не всех. Нашелся же свидетель с балкона!

Решил пройтись по квартирам.

Открыли мне только в одной.

Бабушка, лет девяноста, слепая и глухая, долго не могла понять, что я от нее хочу, и вдруг закричала:

— Маша-а-а! Тут мужик какой-то!

— Марина Сергеевна, — представилась очень милая девушка.

Я тоже представился, и начал издалека: — Моего клиента обвиняют в убийстве...

— Это, что во дворе у нас произошло? — догадалась она. — Так я все видела.

Рассказ Марины Сергеевны полностью подтверждал показания Зайкина. Она, сиделка у старухи, ходила за молоком, а возвращаясь, увидела, как два паренька почти на ходу за-

прыгнули в такси. Они умчались, а на пустыре остался лежать человек.

— А был там паренек с волосами ниже плеч?—спросил я.

— Оба стриженные,—уверенно ответила девушка.

Дилемма

Если бы на моем месте была глупышка Эль Вудс, уверен, она уже мчалась бы на своем красном кабриолете к следователю Мельникову с ходатайством о допросе сиделки. Но я положил протокол адвокатского опроса Марины Сергеевны в стол и накрыл его сверху папками других дел.

Непростая дилемма, но обстоятельства были таковы: её показания полностью подтверждали версию моего клиента, но против слов были отпечатки пальцев на орудии убийства: очевидно, что следователь и суд ей не поверят. В случае обвинительного приговора её ждало уголовное дело за дачу ложных показаний. Предъявлять свидетеля при таком раскладе, я полагал бесполезным, безнравственным и преждевременным.

Убедившись еще раз, что клиент невиновен, я рассуждал так: если Антон не убивал, значит отпечатки его пальцев на рукоятке ножа появились не в процессе убийства, а при каких-то других обстоятельствах.

А если Квак был убит другим ножом?! Меня осенило! Следующим утром я был в СИЗО у своего клиента.

Нож

— Вспомните,—уговаривал я Зайкина.—У Квака был нож!

Тот только мотал головой.

— Может он резал яблоко или откупоривал пиво?

Молодой человек задумался.

— Может и резал,—протянул он.—Только я не помню...

— Но как-то же попали отпечатки ваших пальцев на рукоятку!—возмутился я.—Вспоминайте!

— Не помню,—Он сжал пальцами виски и процедил:— Не помню я ножа у Квака. Помню только нож, которым мне бандит угрожал. Он и сейчас, как перед глазами...Узкий такой, вроде стилета...

Ножи

— «Не помнит, значит было, но забыл. Не придал значения — такое бывает», — решил я. Мне-то в отличие от клиента, картина происшедшего была практически понятна. Сомнений не было: Квак дал подержать свой нож Антону, а потом с этим ножом вышел к своим убийцам, сунув, например, за пояс. Оттуда, когда Квака пырнули в живот, запачканный кровью и с отпечатками пальцев моего клиента нож выпал на землю, запутал все следствие и усадил в тюрьму невиновного. А зарезан Квак был, конечно, тем самым узким стилетом, который теперь мерещится Зайкину в страшных снах.

Из копии экспертного заключения я вырезал ножницами фотографию ножа с отпечатком ладони и прикрепил к стенке напротив своего стола.

— «Клинок в два с половиной сантиметра шириной с пилообразной заточкой на обушке, такой должен был причинить особенную рану», — рассуждал я, разглядывая лезвие в увеличительное стекло.

Мне отчетливо представилось, как острые зубки неровно рвут кожу, даже дрожь пробежала по спине. Медицинский эксперт не смог определить, ни ширину орудия убийства, ни его характерные особенности: после хирургической операции, сделанной Кваку, пока тот еще не умер, это было невозможно. Но хирург-то не мог не заметить у раны рваных краев.

Следовало поговорить с этим хирургом.

Линейка

— Какая еще линейка!? — пожал плечами хирург Большаков. — Малыгина чуть живого привезли, с сильной кровопотерей. Когда мне было линейку искать?

Я достал из портфеля копию историю болезни Квака, и прочитал вслух: — «На передней поверхности живота, 2 см от срединной линии слева, входная колото-резанная рана — 1 см. на 0,5 см...» Это же вы писали?

— Я, — согласился хирург. — Но мерил я пальцем, на глазок. У меня большой палец — около двух сантиметров...

— Еще один вопрос, — огорченно вздохнул я. — Рана — какая она была: ровная или с рваными краями?

Большаков поглядел на меня, как на убогого: — У Малыгина была повреждена брюшная аорта, — устало начал объяснять он. — Из раны буквально фонтан хлестал. Когда мне было разглядывать, какие у нее края?

Разговор ничего не дал.

Майка

Тогда я подумал: — «Прежде чем вонзиться в живот, клинок должен был разрезать одежду. На ней то должны остаться все признаки ножа. Ведь ее никто не оперировал!»

С ходатайством об осмотре вещественного доказательства, я пришел к следователю Мельникову.

Тот был очень удивлен.

— Вам, что, делать нечего! — возмутился он. — У Малыгина СПИД был в последней стадии, я даже прикасаться к его шмоткам боюсь!

Но, увидев у меня хозяйственные перчатки и большой пластмассовый пинцет, вздохнул и кивнул на, перемотанный скотчем мешок в углу кабинета: — Сами вскрывайте, коль вам жизнь недорога.

Из мешка я выудил смятую в комок всю в запекшейся крови майку и расправил ее на расстеленной газете.

У меня перехватило дух: дырочка от клинка была не больше сантиметра, и края абсолютно ровные. Лезвие шириной больше двух сантиметров, с пилкой на обушке, не могло оставить такое аккуратное отверстие!

— И как вы это объясните? — спросил я.

— Я не эксперт, — Пожал Мельников плечами.

А я, тут же за его столом, написал ходатайство о проведении судебной трассологической экспертизы с одним единственным вопросом: — «Мог ли нож, приобщенный к уголовному делу в качестве вещественного доказательства, причинить повреждение ткани, имеющееся спереди футболки Малыгина при обстоятельствах, описанных в обвинении?»

Вопрос

Если не знаешь хотя бы половины ответа, лучше вопрос не задавать. Накануне я проштудировал монографию «Медико-криминалистическая идентификация. Настольная

книга судебно-медицинского эксперта» под редакцией доктора медицинских наук, профессора В. В. Томилина, (Москва — 2000 год), и, прежде чем заявить ходатайство, знал, что серрейторная заточка вырывает из ткани нити, а ширина повреждения всегда не меньше ширины клинка.

Для полной уверенности, купил почти такой же нож и пару раз ткнул им в носовой платок. Результат совсем не был похож на ровное миндалевидное повреждение на майке Квака. Осталось дожидаться вполне предсказуемых результатов экспертизы, и можно приглашать на допрос Марину Сергеевну.

Ответ

Заключение экспертов не обмануло моих надежд. Ответ был категоричен: — «Повреждение на передней стороне майки не могло быть нанесено клинком, представленного на экспертизу ножа, при обстоятельствах описанных в обвинении».

— Надо Зайкина освобождать! — сказал я следователю, но тот только отмахнулся:

— Это с какой такой стати, я стану убийцу отпускать?

Он даже рассмеялся.

Я терпеливо объяснил, что нельзя держать под стражей человека, когда из дела выпало самое главное доказательство его вины, но тот не унимался:

— С чего вы взяли, что выпало? Нож как был доказательством вины Зайкина, так и остается!

— А как же экспертиза!? Там же ясно сказано...

— Что там сказано? — следователь успокоился и заговорил серьезно: — Дырку сделал не наш нож, — с этим я согласен, но рана в животе Малыгина — его работа. Футболка в борьбе могла просто задраться и клинок ее даже не задел. Кстати, я нашел еще шесть дырочек на рукаве, у воротничка и на спинке. Уверен, что все они, как и ваша, появились задолго до убийства. Квак — наркоман неопрятный, у него даже штаны все в дырках... Так что повреждение на майке к убийству отношения не имеет. Пусть сидит!

Встать! Суд пришел!

Расследование подошло к концу, а я так и не придумал, как помочь клиенту. Оставалось искать в деле промахи

и ошибки со стороны следствия в надежде, что это как-то поможет.

Одно нарушение процессуального Закона, допущенное следователем Мельниковым, давало слабую надежду, что нож с отпечатками будет исключен из числа допустимых доказательств. По непонятным причинам, он передал его эксперту — дактилоскописту без упаковки и без подписей понятых. Тот получил его в простом пакете, о чем и записал в экспертизе.

Это был единственный козырь против обвинения, с ним я и отправился в суд.

* * *

Антон Зайкина судья Ефим Николаевич Побеликов выслушал без интереса: не перебивал, вопросов не задавал, только листал дело, отмечая что-то карандашом: — Вы закончили? — спросил он, когда Антон замолчал, и, не дождавшись ответа, крикнул: — Зовите свидетеля!

В зал вошла крупная женщина в больших очках лет шестидесяти пяти, уверено встала у трибуны и с нескрываемым удовольствием посмотрела на арестанта в клетке:

— Что, попался? — с ухмылкой подмигнула она. — Будешь знать, как людей убивать...

— Глафира Андреевна! — отвлек ее прокурор. — Расскажите нам, что видели, что слышали...

— Только правду говорите, — вмешался судья. — Распишитесь, вон там на листочке, что предупреждены.

Глафира Андреевна сняла очки и, шурясь, расписалась.

— Я белье вешала на балконе, — начала она. — Вижу, машина остановилась. Немного погодя пассажир вышел, а за ним и водитель. Гляжу, а у водителя этого в руке блестит что-то, пригляделась — нож! У меня прямо сердце ёкнуло! Сынок на улице, а тут такое! Я все бросила — и во двор! Выбегаю на угол и вижу: лежит в траве мужик весь в крови, а машина как сорвется с места, и — за угол! Но номерок-то я увидела! — С важным видом подняла она указательный палец. — Пять! Четыре! Пять! — закончила Глафира Андреевна и в ожидании вопросов, обернулась к прокурору.

— Этого видели! — показал обвинитель на Зайкина.

— Похож, — кивнула она.

Я не стал ни о чем спрашивать свидетельницу. Был у меня один вопрос: — «Какое зрение у гражданки?» — но его я решил придержать до лучших времен, а пока заявил ходатайство об исключении ножа из числа доказательств в связи с нарушением процессуального Законодательства при его получении.

— Почему закон нарушаете? — строго спросил судья у прокурора, выслушав мои аргументы. — Неужели так трудно было вещественное доказательство по правилам упаковать?

Прокурор выпрямился, и уверенно, по-военному, доложил:

— У Малыгина был СПИД, Ваша честь. Мы не могли рисковать здоровьем понятых при изъятии окровавленного ножа. С осторожностью он был помещен в герметичный пакет и направлен на экспертизу без подписей.

— Что скажете? — обратился ко мне судья.

А сказать было нечего: Закон позволяет отступить от правил, если их исполнение создает опасность для здоровья и жизни участников следственного действия. Аргументы закончились! Но я по-прежнему верил только своему клиенту и очаровательной девушке — Марине Сергеевне.

Озарение

Как упрек висела на стене фотография рокового ножа. Я долго смотрел на неё, раздумывая о собственном бессилии, и вдруг мое внимание привлекли шесть черных точек на рукоятке. Раньше я их не замечал, но теперь, взглядевшись, понял: — Никакие это не точки! — Я схватил лупу. — Крошечные отверстия, видимо сделанные для надежного захвата! Но главным было не это: папиллярные линии отпечатков пальцев пересекали эти дырочки не прерываясь, как это должно было быть по всем законам физики.

— Это как! — воскликнул я. — Быть такого не может!

Суд в гневе

На следующий день заявил в суде ходатайство об осмотре вещественного доказательства — ножа. Отказать мне не имели права. Аккуратно взявшись за кончик, я поднес нож к самому носу судьи:

— Посмотрите, Ваша честь, на рукоятку. Видите шесть отверстий?

— И что? — Судья надел очки и пригляделся: — Ну, вижу.

В другой руке, за спиной, я держал наготове сильно увеличенный снимок, на котором без труда можно было разглядеть, как чудесным образом, папиллярные линии узора ладони пересекают эти отверстия не прерываясь, ломая все представления о реальности.

— Теперь взгляните на это! — Выложил я на стол судьи свой козырь.

Объяснять ничего не пришлось. Всем, даже молоденькой секретарше, стало ясно, что отпечатки пальцев были наложены на рукоятку ножа на прозрачной пленке, в таком виде сфотографированы и представлены суду.

Побеликов был в гневе.

— Что за черт! — рявкнул он, назначил повторную экспертизу, и объявил перерыв.

Доказательства защиты

Примерно через месяц из Областного экспертного управления пришло заключение. Эксперты не стеснялись в выражениях: выкрутасы нижестоящих коллег они прямо назвали умышленной фальсификацией.

Настало время доказательств защиты. Теперь, не опасаясь обвинений во лжи, Марина Сергеевна рассказала суду, как все было на самом деле.

— Там не было его! — Показала она на Зайкина в клетке. — Такого лохматого я бы обязательно заметила. Убили человека два коротко стриженных парня. Я их хорошо разглядела...

Адвокатский стереотип

У повторно вызванной в суд, Глафиры Андреевны, я спросил про зрение.

Скажите стереотип!? Вы правы, но сработало! Глафира Андреевна потеряла былую уверенность.

— У меня очень большой плюс, — тихо призналась она, а я в праведном гневе воскликнул:

— Так как же вы с пятого этажа смогли увидеть ножик в руке человека!? Вы бы и слона с таким зрением не заметили!

Глафира Андреевна замолчала. Пауза затянулась, и судья решил ее прервать: — Скажите, что вы видели? — строго спросил он.

— Ничего не видела, — буркнула свидетельница.

Триумф Закона

Все выяснилось, но прокуратура, видимо, в попытке сохранить лицо, от обвинения не отказалась, судья почему-то объявил перерыв. Почему, я понял только на следующий день.

Закон милостив к науке. Эксперту достаточно вовремя, а именно, до вынесения приговора, покаяться в подделке, и ответственность ему уже не грозит. Такая возможность и была предоставлена фальсификаторам.

В судебном заседании с повинными головами два дактилоскописта признались, что наложили отпечатки на нож, чтобы помочь обвинению, но мнение у прокурора все равно не изменилось. В прениях он потребовал посадить Антона на десять лет в колонию строгого режима. Я же попросил суд его оправдать.

Разумеется, мой клиент был полностью оправдан. Прокурор приговор обжаловал, но, получив отказ, принес извинения от имени государства, и просил не добивать и так уже наказанных экспертов: — Из благородных побуждений преступили, — объяснил он Зайкину их поступок.

Эпилог

Эксперт Курнаков был понижен в должности. Эксперт Кирпичев — отправлен в командировку на Кавказ. Лгунье, Глафире Андреевне, ничего не было: её показания судья счел добросовестным заблуждением по причине плохого зрения. Убийц Квака так и не нашли.

А мораль этой истории, в том, что несмотря даже на самые очевидные доказательства вины, адвокат обязан верить своему клиенту и прилагать все усилия, чтобы ему помочь.

(Приговор Советского районного суда г. Иваново от 2 апреля 2003 года. Дело № 1-1; Кассационное определение от 27 мая 2003 года. Дело № 22-798)

Сафронов Николай Антонович
АП Московской области

Алиева Нати́га Максуда Оглы, обвиняли по ст. 102 п. «б», «д», «з» старого УК РСФСР, за убийство двух и более лиц, из хулиганских побуждений, способом опасным для жизни многих людей и по ст. 222 ч. 1 УК РСФСР, за незаконное приобретение, хранение и ношение оружия, тот есть по старому кодексу, придав обратную силу Закону, так как вменяемые ему преступления были совершены ещё в 1994 году, а новый Уголовный Закон увеличивал максимальный срок наказания за эти же действия.

Закон РФ № 5451-1 от 16.07.1993 года обогатил действовавший тогда УПК РСФСР Главой тридцать пятой об особенностях «Производства в суде присяжных».

Задумка была хорошая. Хотели в подражание Западу расширить права обвиняемых и их защитников, чтобы они могли «состязаться» с обвинением.

Закон РФ № 5451-1 от 16.07.1993 года, вводил производство в суде присяжных только в порядке эксперимента и в нескольких субъектах Российской Федерации, куда вошла и Московская область. В это время велись боевые действия на Кавказе. На основании Конституции РФ рассмотрение дел должно происходить по месту совершения преступления. То есть там, где происходят убийства и совершаются террористические акты. Присяжные избираются там же. Были обоснованные сомнения в том, что они объективно станут оценивать действия своих кровных родственников и действующих там же военнослужащих.

Согласно Конституции РФ, смертная казнь могла назначаться судом присяжных, потому Конституционный Суд РФ, исходя из принципа равенства всех людей перед Законом, отменил смертную казнь во всей Российской Федерации.

У всех на глазах происходил опыт встречи Западной демократии и семидесятипятилетнего тоталитаризма. Справедливости ради, особо следует отметить, что в советские и после-

дующие за ними времена суды, встроенные в команду правоохранительных органов страны, занимали особенное место.

Провозглашённый во всех Конституциях принцип «Суд независим и подчиняется только Закону» реальным содержанием не наполнялся. Но именно это звено правоохранительной системы было её элитой.

Розыск, следствие и надзор за ними со стороны Прокуратуры во все периоды судопроизводства не были идеальными. Значительная часть работников были высокопрофессиональными специалистами, но продвижение по службе, огромная власть, связанная с должностью, звёздочки на погонах, награды и материальные блага понуждали некоторых сотрудников выслуживаться и «давать показатели» путём злоупотреблений, с превышениями своих полномочий.

Старались, конечно, допускать нарушения незаметно, прятать концы в воду, но грамотным юристам «косяки» и «горбушки», натянутости и нестыковки в делах были видны.

Для создания видимости перемен, чтобы возвысить падающий авторитет судей и придать им особую значимость, их нарядили в мантии, выдали деревянные молотки, усадили на подобные царям троны с гербами, заимствовали чуждые нам обращение «Ваша честь», (жалко не выдали париков из пакли). Но в нашей стране всё равно ценят людей не по одежке...

Раньше все судьи, хотя и одевались в простые костюмы и платья, просто по определению не могли быть дураками. Могли быть порядочными и не очень, злобными и благодушными, могли даже быть с психическими отклонениями, но вот дураков среди них не было.

Объяснение этому очень простое. В те времена просто не существовало компьютеров. Все судебные постановления сам судья обычно писал авторучкой, а в лучшем случае двумя пальцами на пишущей машинке. Это означало, что тексты он проговаривал про себя. А в конце ставил свою подпись. Из-за описки одной буквы в фамилии осуждённого неизбежно следовала отмена всего приговора: не того человека осудили.

Сейчас требования к судьям снизились. Встречаются приговоры, где из-за манипуляций на компьютере «выделить», «копировать», «вставить» попадают куски их других дел, фамилии посторонних лиц, непонятно откуда взятые обстоя-

тельства. А суды второй инстанции считают всё это техническим сбоем.

Злые языки стали поговаривать, что судьёй теперь может быть любой, кто научился работать на компьютере, а чтобы стать прокурором достаточно овладеть степлером.

Для рассмотрения дел с участием присяжных специально стали обучать и затачивать судей, как цензоров уголовных дел, отсекавших от внимания заседателей любые сведения, ставящие под сомнение версию обвинения. Они должны служить ему вспомогательным средством и подпоркой. Для этого судьи достаточно снисходительно смотрели на ошибки, недочёты и промахи в работе следственного и прокурорского аппарата, толковали в пользу обвинения все факты и обстоятельства, считая, что этим сдерживают рост преступности. Если бы такая очевидная практика, не делала очевидным нарушение принципа справедливости, то у защиты вообще отобрали бы все права, а так минимальные возможности защищать подсудимых хотя и оставили, но фильтровали доводы защиты, с тем, чтобы не давать возможности критиковать действия стороны обвинения.

Именно для процессов с участием присяжных заседателей специально готовились Председательствующие на таких процессах судьи. Изюм всех своих сил и возможностей он должен показывать заседателям, что не имеет никакого отношения к команде обвинения, но по тому, как он этой команде потворствует и отфильтровывает доводы защиты, со стороны часто видны торчащие волчьи уши из-под овечьей мантии. В реальности именно с ним, а не с прокурором фактически защитнику приходится состязаться в суде.

Второе дело с участием суда присяжных по обвинению азербайджанского гражданина Алиева Натига Максуда-Оглыя провёл в 1998 году в Московском областном суде под председательством Федерального судьи Кулебы А. В.

Натиг Алиев обвинялся в том, что 14 июня 1994 года в городе Мытищи Московской области проник в жилое помещение, где находились четверо его земляков, в том числе Алиев Э. Ф. и Гасымов И. М., которых он там и расстрелял очередью из принесённого с собой автомата Калашникова, после чего скрылся. Его действия были квалифицированы по ст. 102 п. «б», «д», з» УК РСФСР, как убийство двух и бо-

лее лиц, из хулиганских побуждений, способом опасным для жизни многих людей и по ст. 222 ч. 1 УК РСФСР, как незаконное приобретение, хранение и ношение оружия.

Сам Натиг Алиев был задержан в Мытищах в 1997 году и находился под стражей, поэтому ко мне с поручением на его защиту обратился его родной дядя. Невольно обращало на себя внимание, что большинство действовавших в этой драме персонажей носили фамилию Алиев. Возможно это одна из самых распространённых в Азербайджане фамилий?

Принимая решение о слушании дела судом присяжных, я исходил из того, что именно его можно было представить на этот суд правильно отобрав присяжных, хотя бы из-за того, что пострадавшими были не местные, борющиеся за жизнь работяги, а новоявленные бизнесмены-перекупщики с Кавказа. Пожилые люди, заработавшие тяжким трудом себе на пенсию, даже не руководствуясь этническими или религиозными причинами, всё-таки не станут сильно скорбеть по убиенным приехавшим сюда искателей наживы из уже теперь чужой страны молодым людям. Такие судьи из народа не руководствуются эмоциями. Предполагая подать материалы дела в виде подобия лихо закрученного сценария мелодрамы, следовало отбирать пожилых зрительниц сериалов, верящих в совпадения и случайности. Отбор прошёл довольно успешно.

На основании статьи 432 УПК РСФСР предварительное слушание судьей единолично в закрытом заседании с обязательным участием прокурора, обвиняемого и его защитника.

Согласно статья 429 УПК, не только предварительное слушание, но и всё производство в суде с участием присяжных основывается на принципе состязательности сторон. Этой же нормой Закона должно обеспечиваться равенство прав сторон. Законом предусмотрено, что суд, сохраняя объективность и беспристрастие, должен создать необходимые условия для всестороннего и полного исследования обстоятельств дела. Тогда эти положения Закона были наполнены вложенным в них смыслом.

Тогда ещё никем не отменённая статья 20 УПК РСФСР, которая так и называлась *«Всестороннее, полное и объективное исследование обстоятельств дела»*, реально действовала и обязывала суд, прокурора, следователя и лицо, производящее до-

знание, принимать все предусмотренные законом меры для всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела, выявлять как уличающие, так и оправдывающие обвиняемого, а также отягчающие и смягчающие его вину обстоятельства и запрещала перелagать обязанность доказывания на обвиняемого.

Кроме того, самим Законом Российской Федерации от 16.07.93 г. № 5451-1) о введении суда присяжных в статью 69 УПК была дополнительно введена часть 3, следующего содержания: **«Доказательства, полученные с нарушением закона, признаются не имеющими юридической силы, и не могут быть положены в основу обвинения, а также использоваться для доказывания обстоятельств виновности».**

У меня, благодаря приобретённому жизненному опыту и утрате розовых очков, несмотря на эти декларации, уже сложилось предубеждение, что назначенный Председательствующий судья будет навязывать присяжным свою оценку всем доказательствам, определять возможности их использования в целях обвинения, одновременно подвергая суровой критике доказательства защиты, чтобы их нейтрализовать и стараться их вовсе отвергнуть. А, главное, будет стараться имеющимися в его распоряжении фактами манипулировать, чтобы довести до сведения присяжных заседателей только то, что нужно для обвинения. В целом предчувствия меня не обманули. Но не совсем.

Воспользовавшись Законом и неумелым расследованием, небрежно и неправильно оформленными процессуальными документами, мною на предварительном слушании было заявлено письменное ходатайство об исключении из числа средств доказывания несколько важных процессуальных документов, что автоматически должно было привести к признанию недопустимыми других доказательств.

Например, было установлено наличие подписей понятых в протоколе осмотра оружия и боеприпасов, магазинов, фрагментов патронов и гильз, которые имелось на их упаковках, а впоследствии оказалось, что упаковки хотя и были доставлены на экспертизу этих объектов, но уже в других упаковках, с печатью городского прокурора, который ранее на следственном действии не присутствовал, а сама упаковка

была уже без подписей понятых. Это могло быть простой небрежностью, а могло быть и фальсификацией доказательств.

Но вдруг, судья А. В. Кулеба, вопреки моим ожиданиям и к моему удивлению ходатайство удовлетворил.

Прокурор заявлял, что нарушения являются несущественными и просил отказать, в удовлетворении ходатайства, но судья Кулеба А. В. с ним не согласился: *«Понятие существенных или не существенных нарушений Закона не прописано»*. А это автоматически исключило из числа средств доказывания все результаты самой баллистической экспертизы.

Происшествие в Мытищах имело место в июне 1994 года. Оружие и боеприпасы были обнаружены в квартире предполагаемого убийцы тогда же. Отпечатков пальцев на вещественных доказательствах проведённой дактилоскопией обнаружено не было.

Допрошенная свидетельница Щербак В. М. заявила, что гражданин Азербайджана Алиев снимал у неё комнату. Никаких регистрационных документов именно на Натига Алиева не существовало.

Алиева Натига объявили в розыск из-за того, что в квартире гражданки Щербак В. М. были обнаружены боеприпасы и оружие из которого были застрелены пострадавшие.

После задержания в 1997 году, обвиняемый вообще отказался давать какие-либо показания. а вот уже в суде присяжных заседателей, пользуясь своими правами, а также ст. 20 и 429 УПК РСФСР Натиг Максуд-оглы Алиев в самом начале заседания заявил суду присяжных о своём алиби. Надо отметить, что, не рассчитывая на объективность записей в протоколах, все заявления, ходатайства и показания в интересах дела подавались только в письменном виде.

Подсудимый заявил, что именно в середине июня, разыгравшаяся в Мытищах драма имела место, когда он находился в больнице по месту своего постоянного проживания в Азербайджане, а в это время здесь, в Мытищах был его брат Алиев Намик Максуд Оглы, который на него очень похож. Опровергнуть документами сведения о пересечении границ было невозможно, так как не существовало визового режима между Азербайджаном и Российской Федерацией.

Одновременно с этим, сказанное моим подзащитным было подтверждено заверенной печатью документом: справкой из больницы по месту его жительства из города Гянджа.

Натиг заявил, что именно у его брата Намика был конфликт с убитым Эльманом Алиевым. Возможно, его родной брат Намик и был причастен к этому преступлению. Эти обстоятельства в качестве свидетеля подтвердил его дядя, а присяжным судьям были представлены их совместные фотографии, где сходство братьев было несомненным.

Проверить эти данные показаниями самого брата Намика не представлялось возможным, поскольку Намик Алиев год назад был застрелен в своём городе, в Азербайджане, прямо в отделении милиции из табельного оружия сотрудником уголовного розыска Ильгамом Алиевым, который его туда, якобы, для допроса и вызвал.

Этот убийца, сотрудник милиции, оказался родным братом покойного Эльмана Алиева, убитого в Мытищах. Присяжные почувствовали себя прямо, как в индийском или мексиканском сериале, где случиться может всё.

Тогда суду присяжных было представлено свидетельство о смерти Намика Максуда оглы Алиева, заверенное нотариально, а также заверенная копия приговора в отношении осуждённого за его убийство на почве мести сотрудника милиции Ильгама Алиева.

Никаких действий, ограничивающих защитника в правах на представление документов со стороны Председательствующего судьи Кулебы А. В., или возражений участвующего в деле прокурора не последовало.

Для психологического воздействия на присяжных государственной обвинитель Е. Н. Верховская продемонстрировала фотографии окровавленных тел с места происшествия.

Подобно ринг-гёрлз, которые выходят на ринг с табличками-анонсами раундов в боксе она показывала фотографии, проходя вдоль ряда с присяжными, а потом ещё зачитала под каким именно углом были раскинуты руки и ноги тел пострадавших. Только вот связать эти леденящие душу картинки с подсудимым она не смогла.

Чтобы спасти честь мундира и переломить ход судебного заседания, сторона обвинения попросила объявить перерыв для вызова в суд и допроса дополнительных свидетелей.

Судья Кулеба А. В. удовлетворил заявленное ходатайство. На следующее судебное заседание к зданию Московского областного суда на Баррикадной улице, д. 8 на служебном милицейском автомобиле прибыл следователь по делу, который доставил двух свидетелей. Они должны были опознать Натига Алиева, как человека, который находился именно в июне 1994 года в Мытищах.

Мне об этом сообщил мой клиент, он же дядя подсудимого Натига Алиева. Из материалов дела мне были уже известны показания гражданки Щербак В. М., данные ею на следствии. Она, якобы, сдавала комнату моему подзащитному. Но я, заранее, уже через своего клиента был осведомлён, что эта свидетельница страдает хроническим душевным расстройством и уже длительное время состоит на учёте в районном психоневрологическом диспансере (ПНД). А на этот счёт я уже заранее сделал адвокатский запрос и располагал подтверждающей данный факт заверенной справкой из этого богоугодного заведения.

Прибывший на суд свидетель Колпаков производил впечатление человека, находящегося в дружбе с алкоголем, но компроматом против него и данных, опровергающих его утверждения о знакомстве с подсудимым, и доводов что не мог видеть его летом 1994 года в Мытищах, я не располагал.

Охотно рассказывая о событиях четырёхлетней давности, свидетель Колпаков «купился» на мои высказанные сомнения в его хорошей памяти: **«Вот вы так хорошо помните, что было 4 года назад, а вот скажите, как вы сегодня в суд добирались? На автобусе, электричке, на метро?»**

А свидетель Колпаков всему суду и сообщил: **«Дошёл пешком до станции потом на электричке, а потом уже до Баррикадной на метро».**

Судья и прокурор не знали, я что располагаю другой информацией, а потому не препятствовали вопросам и не снимали их, не усмотрев подвоха.

А свидетельница Щербак В. М. показала, что Натиг в июне 1994 года снимал у неё комнату. Его брата Намика она видела, и они действительно очень похожи, а сейчас она всё плохо помнит. А на мой вопрос, как она помнит, то, что сегодня происходило, и как она добиралась до суда, она охотно ответила, что её привёз сюда следователь на милицей-

ской машине. и сразу уточнила, что вместе с ними приехал и свидетель Колпаков.

Судья мне разрешил задать дополнительный вопрос этому свидетелю: **«Вы зачем всем нам только что, расписавшись об ответственности за дачу заведомо ложных показаний, сказали неправду?»** А тот, даже не считая нужным оправдываться, даже с некоторой бравадой ответил: **«А я считаю, что это никакого значения не имеет».**

Я не удержался и прокомментировал: **«То на чём вы приехали сюда, действительно не имеет значения, и считать вы вправе всё что угодно, а вот то, что после подписки об уголовной ответственности вы тут же плюнули на Закон и обманули всех присутствующих — это имеет огромное значение».**

За этот комментарий я получил от судьи заслуженное замечание, но понимал, что сработать здесь должно совсем другое.

Общеизвестно, что люди не любят, когда их обманывают. А в данном случае, когда речь идёт о судьбе человека, свидетель, предупреждённый об уголовной ответственности, нагло, без зазрения совести солгал всем присутствующим судьям, глядя им прямо в глаза.

Содержание выступлений в прениях, которое основано на изложенных вполне понятных доводах, я не считаю нужным пересказывать, достаточно, что единогласный вердикт присяжных «Не виновен!» закончил рассмотрение дела в Московском городском суде.

Натиг Максуд-оглы Алиев был освобождён из-под стражи. Был ли он действительно невиновным или являлся убийцей мне до сих пор не известно. Исключать ничего не могу.

Несомненно, только одно: недоброкачественное и непрофессионально проведённое следствие показало свою беспомощность, предъявило суду вместо доказательств мутные и неоднозначные доводы, и без подпорок и незаконной поддержки со стороны суда не смогло отправить человека за решётку, возможно, до конца его жизни.

А вот заслужил Натиг Алиев свободу или нет, я так и не узнал.

На оправдательный приговор был принесён кассационный протест, но чем всё закончилось мне не известно, так как оправданный покинул Россию и уехал на свою Родину.

Семеновский Василий Борисович
АП Ивановской области

Дело было в апреле 2006 г., когда молодой ивановский парень, 20-летний Иван, поехал в отдел милиции г. Шуи Ивановской области написать заявление об утрате паспорта. В этом городе Иван был примерно год назад на подработке в строительстве коттеджа. Где-то там он, видимо, и потерял свой паспорт. Ни он сам, ни его близкие ещё не знали, что он увидит свою семью очень нескоро.

Написав заявление и собираясь обратно в Иваново, Иван пошел на остановку маршрутного такси, где увидел двух молодых девушек, и, коротая время ожидания, решил с ними заговорить. Результат разговора оказался для Ивана неприятным и крайне неожиданным. Одна из девушек, узнала в Иване преступника, который изнасиловал ее примерно месяц назад, когда она поздно возвращалась с работы диспетчера такси плохо освещенным частным сектором, о чем она и шепнула своей подруге. Девушки позвонили своим знакомым парням, которые не преминули немедленно приехать разобраться с насильником, после чего вызвали и милицию. Вердикт молодой потерпевшей был категоричен — это тот самый насильник, я его четко узнала, это — он!

Ивана немедленно задержали в ИВС, допросили, предъявили обвинение в совершении изнасилования и избрали меру пресечения в виде заключения под стражу. Отрицание своей вины на допросах, как всегда в таких случаях, было расценено не более как попытка уйти от уголовной ответственности.

12 марта 2006 г. потерпевшая действительно подавала такое заявление, и было возбуждено уголовное дело по факту изнасилования по ст. 131 УК РФ. У девушки тогда изъяли не менее 5 вещественных доказательств со следами биологического происхождения, характерными для происшедшего полового акта. На первоначальном допросе потерпевшая честно сообщила следователю, что это был ее первый половой акт. Фотопортрет преступника она составить не готова, но «если

его увидит, то узнает». И вот, увидев парня на остановке маршрутного такси, «узнала».

Показания потерпевшей скоро подтвердились еще тем, что, изъятые следы от совершенного изнасилования совпадали с группой крови задержанного Ивана, а с учетом уверенности потерпевшей у следствия не возникло никаких сомнений в его вине, несмотря на все его заверения в своей непричастности. Никто из его знакомых и родственников не подтвердил четко его алиби.

Меня попросила заняться этим делом матушка Ивана по рекомендации ее родственника. Совершенно не богатая семья, и каких-то заоблачных гонораров, а, самое главное, на тот момент и перспектив, в этом деле первоначально мне не предвиделось. Смущала полная уверенность следствия, основанная на показаниях потерпевшей и результатах проведенной к тому времени биологической экспертизы. В такой ситуации, даже если человек действительно невиновен, бывает очень трудно доказать это нашему правосудию. Я тогда еще не догадывался, насколько окажусь прав в своих неблагоприятных размышлениях.

После первоначального ознакомления с ситуацией и доступными материалами дела, в первую очередь я связался с мамой Ивана, для уточнения того, допрашивалась ли она и другие знакомые Ивана на предмет его алиби. Да, допрашивались. Но как! На вопрос следователя «Где был Иван в марте 2006 г.?» никто, ни мать, ни другие знакомые Ивана, не смогли определенно на него ответить. Ибо круглосуточно, на протяжении всего марта 2006 г., они, естественно, за Иваном не следили. Даже на уточняющий вопрос следствия: «А по выходным дням марта 2006 г. можете ли утверждать, что он не выезжал за пределы г. Иванова?» — также точного ответа не последовало. И это было то, что следствию и нужно! «Так и запишем, что ни вы, никто ещё не может подтвердить алиби. Спасибо, вы свободны!»

Между тем, из материалов дела следовало, что инкриминируемое изнасилование имело место быть 12 марта 2006 г. в воскресенье около 22 часов в г. Шуе Ивановской области. А вопросы задавались лишь про весь март, а потом про все выходные дни марта.

Каково же было мое удивление, когда мама Ивана, узнав про точную дату—12 марта 2006 г., сказала, что это ее был день рождения и детально сообщила об обстоятельствах того дня. Также вспомнила события того дня и девушка Ира, с которой Иван встречался в то время. В тот день Иван и Ира с утра были дома. Потом пришла мама, сын подарил ей кухонный набор разделочных досок. После незатейливого домашнего чаепития мама ушла, оставив молодых наедине. Соответственно, все данные лица по ходатайству защиты были повторно допрошены относительно обстоятельств именно 12 марта 2006 г. Но, естественно, для следствия показания родных и близких—полный ноль, поскольку есть же «железобетонные» показания самой потерпевшей, «предупрежденной об ответственности, оснований не доверять которой, а равно и оснований для оговора с ее стороны не имеется».

Также биологическая экспертиза не исключала принадлежность изъятых следов спермы от Ивана по группе крови. Защитой было обращено внимание на наличие в изъятых следах спермы антигена Н, не выявленного у Ивана, но эксперт-биолог, допрошенный по моему ходатайству, объяснила этот факт возможным наличием в изъятых следах спермы примесей микрофлоры влагалища, которая может, оказывается, обладать антигеноподобными свойствами и определиться как антиген Н.

Однако, сам собой напрашивался вопрос о проведении генетической экспертизы, о чем и было заявлено соответствующее ходатайство.

Время шло. Иван сидел в СИЗО. Про экспертизу следствие молчало, лишь ежемесячно передопрашивая потерпевшую по 2 формальных абзаца ее уверенности в совершении преступления Иваном, и делая вид осуществления некоей деятельности при очередном продлении сроков следствия и сроков содержания под стражей. В конце концов, следствие объявило об отказе в удовлетворении ходатайства о проведении генетической экспертизы и окончании следственных действий. Мотив отказа был прост: на территории Ивановской области генетические экспертизы тогда не проводились. Другие сопредельные области следствие на предмет проведения генетических экспертиз не интересовали. А зачем? И так все ясно! Насильник отпирается, жертва его опознает уверенно,

биологическая экспертиза все подтверждает. Ну что Вы еще пытаетесь заморочить нас, уважаемая Сторона Защиты?

Прекрасно понимая всё негодование Ивана, я письменно в протоколе уведомления об окончании следственных действий продублировал ходатайство о проведении генетической экспертизы на территории любого иного региона РФ и заявил в протоколе об отказе в ознакомлении с материалами уголовного дела до разрешения данного ходатайства. Последовал ожидаемый отказ следствия в его удовлетворении ввиду того, что материалов дела и доказательств, достаточных для рассмотрения дела в суде по мнению следствия вполне хватает. На отказ в удовлетворении ходатайства о проведении генетической экспертизы была подана жалоба в порядке ст. 125 УПК РФ. С этого момента все решал уже суд. Главный вопрос у меня оставался один: «А если генетическая экспертиза покажет принадлежность следов полового контакта именно Ивану?» Обратного пути уже не будет. Но и другого шанса доказать непричастность Ивана тоже. Мои невольные сомнения развеял сам Иван, который при очередной контрольной встрече в СИЗО сухо, но уверенно заявил мне: «Василий Борисович, я этого не совершал». Это внесло окончательную убежденность в правильности моих действий. Дело пошло в суд в порядке ст. 125 УПК РФ.

В судебном заседании были заслушаны стороны, оглашены представленные следствием материалы дела. Из них четко следовало, что ходатайство подлежало отклонению потому, что генетические экспертизы на территории Ивановской области тогда провести не представлялось возможности (единственный эксперт-генетик тогда был привлечен к уголовной ответственности за заведомо ложное заключение). Судья уже была готова выйти на ожидаемое отрицательное решение. Но тут я обратил внимание суда на то, что в суд следствием не представлено еще одно ходатайство — о проведении экспертизы на территории любой другой области РФ, заявленное при уведомлении об окончании предварительного следствия. На вопрос суда о том, было ли такое ходатайство, следователь кивнула, подтвердив, что такое ходатайство действительно защитой заявлялось. Суд после перерыва и обязанности следователя представить такие материалы, удостоверившись в наличии такого ходатайства, удовлетворил жалобу защитника, обязав

следствие провести генетическую экспертизу. Маленькая победа, ждем продолжения...

Сейчас я осознаю, что именно это повернуло дело в другое русло и если бы не этот микроскопический момент процессуальной бдительности защиты, всё дело могло обернуться совсем по-другому. Если бы не удалось добиться проведения генетической экспертизы на следствии, не факт, что суд встал бы на нашу сторону и, вопреки требованиям соблюдения сроков рассмотрения дела, назначил бы эту экспертизу в судебном заседании — «А что же вы на следствии не настаивали?».

Ко времени окончания генетической экспертизы Иван провел в СИЗО уже девять месяцев. Мы с невообразимым чувством ожидала результатов.

Звонок следователя оказался и ожидаемым, и неожиданным. Результаты экспертизы готовы, но по телефону их озвучивать не собирались. С каким непонятым чувством и догадками я ехал в г. Шую, ожидая чего угодно! Мои рассуждения были такими: если бы экспертиза была в пользу обвинения или защиты, то следователь не стала бы этого скрывать и наводить непонятную интригу. Скорее всего, результат неоднозначный, в каких-нибудь процентах вероятностей, и, возможно следствие хочет сыграть на процентной вероятности заключения. Но нет! Все оказалось предельно просто: все 5 изъятых биологических следов принадлежат одному мужчине, и при этом их происхождение от Ивана исключается без каких-либо процентных вероятностей! Аллилуйя! Освобождайте Ивана! Ищите настоящего насильника, тем более генетический профиль истинного насильника уже определен! Но не тут-то было.

Следствие заявило, что мы всё узнаем на стадии ознакомления с материалами уголовного дела, что означало перспективу направления его в суд! Тут уже мы все были просто на острой грани полного когнитивного диссонанса! Интрига дела оказалась гораздо неожиданней и изощрённей!

Выяснилось, что после ознакомления с результатами проведенной экспертизы, потерпевшая и ее мать поменяли показания. Если первоначально они утверждали, что это был первый половой акт в жизни потерпевшей, то после ознакомления с результатами генетической экспертизы спустя 9 месяцев они вдруг дружно вспомнили, что кроме полового

акта при изнасиловании, накануне (за 2—3 дня) у потерпевшей был другой половой акт. «У меня есть парень, мы с ним встречаемся!» — из этого следствие делает безобидный вывод, что следы от того полового акта попали на исследование проведенной генетической экспертизы и определиться не как следы самого изнасилования, а как следы предыдущего полового акта, к изнасилованию не имевшего никакого отношения.

Иван рвется в бой, заявляет о проведении очных ставок. Тут моя позиция стала жесткой — никаких очных ставок, все равно следствие направит это дело в суд, где и будем разбираться непосредственно. А наши вопросы на очных ставках лишь подготовят их к суду, но никак не приведут к прекращению уголовного преследования на стадии следствия.

Я предельно четко стал продумывать тактику и последовательность допросов. Надо потерпевшую, ее мать и того «друга, с которым она встречается» выводить на чистую воду относительно обстоятельств выдуманного полового акта. Все понимаем, что и они продумывают свои показания, и, скорее всего, не без подсказок следствия, а потом, как выяснилось уже в суде, еще и подсказок появившегося у потерпевшей адвоката. Во-вторых, необходимо выяснять обстоятельства и судьбу следов выдуманного полового акта. Ну, и, наконец, причины смены показаний, тем более после 10 месяцев следствия и сразу после получения заключения генетической экспертизы. При этом, я был готов настаивать на последовательном допросе интересующих меня лиц в один день без перерывов в судебном заседании (чтобы они не смогли договориться, услышав мои вопросы в суде). Но нас ждал совершенно неожиданный поворот событий.

Судебное заседание было назначено в один из дней марта 2007 г. на 10.00. Я решил прибыть в суд заранее: дополнительно ознакомиться с материалами дела, проверить нумерацию листов (для оглашения показаний на случай наличия противоречий). При ознакомлении с делом в канцелярии мною было выявлено отсутствие листа № 110, где, согласно описи, содержались показания сотрудника милиции, принимавшего заявление от потерпевшей 12 марта 2006 г. Немедленно объявив об этом сотрудникам суда, я прекратил ознакомление, сдал дело и остался ожидать развития событий. Дело про-

верялось несколько часов, в ходе чего было выявлено отсутствие более 20 листов, числившихся в описи, в основном касающихся процессуального оформления изъятия у потерпевшей следов изнасилования. Формальные основания для возвращения дела прокурору у меня были готовы, но я их не собирался пускать в ход. Если бы не такой эксклюзивный случай. Суд, на основании моего ходатайства возвратил дело прокурору на основании ст. 237 УПК РФ, в надежде, что все документы будут найдены и приобщены.

В итоге, после повторного направления дела в Ш. городской суд были оформлены распечатки с компьютера протоколов с заверениями их копий следствием и рапортами об утрате и попытке восстановления утраченных листов. Но хотя листов дела было добавлено больше, чем тогда исчезло, общее количество оказалось еще меньшим по сравнению с ранее направленным делом. Неужели они хотят так грубо сыграть на исключении этих доказательств, оставив показания потерпевшей! По данному поводу Председателем суда была проведена служебная проверка, которая виновных не выявила, но сыграла важную роль. Было понятно, что исчезновение таких документов из дела явно было никак не в интересах защиты, но при этом, такая беспрецедентная шумиха не дала в дальнейшем шанса обвинению попытаться на этом основании исключить изъятые вещественные доказательства вместе с проведенной генетической экспертизой как недопустимые.

В итоге суд начался. Самым кардинальным моментом был допрос потерпевшей, ее мамы и ее предполагаемого «парня, с которым она встречается». Выяснилось, что потерпевшая — правдивая и чистоплотная девушка, ежедневно прибегающая к средствам гигиены и смене нижнего белья. Получалось, что «предыдущий» половой контакт, подробно описанный ею несмотря на активные возражения ее адвоката, фактически исключал попадание следов от «того» полового контакта на объекты, изъятые сразу после реального изнасилования 12 марта 2006 г. «Тот» половой контакт был у потерпевшей с каким-то непонятным парнем, которого она знает лишь по имени и который уехал служить в армию в далекий г. Калининград, контактов с которым у нее нет. Суд попытался установить этого персонажа, но, естественно, безуспешно.

Я же был просто уверен в отсутствии такой необходимости, поскольку сама потерпевшая вместе с ее мамой дали такие показания, из которых следовала невозможность попадания следов на изъятые следствием образцы. Ни при допросе, ни после потерпевшая с остальными участниками процесса так и не догадались, что её «искренние» показания в суде настолько устраивают защиту, что теперь нет никакой необходимости в опровержении их выдуманной версии про некий предыдущий половой контакт. Кроме того, на вопросы защиты о причине смены показаний потерпевшая путалась, назвав не менее четырех-пяти разных причин: от «стеснялась и не говорила следователю», до того, что «боялась, что того человека привлекут к ответственности». При оглашении заключения судебно-медицинской экспертизы потерпевшей, защитой было обращено внимание на то, что врачу, проводившему медицинское исследование, потерпевшая также заявляла, что половой контакт при изнасиловании у нее был на тот момент первый. А в совокупности с тем, как она тогда описывала врачу медицинские подробности своей интимной жизни, довод о том, что «она стеснялась», выглядел очень неубедительным, также как и ее иные объяснения на соответствующие вопросы защиты. Я думаю, все участники того процесса уже прекрасно понимали, что потерпевшая вместе с ее близкими просто врет.

При осмотре вещественных доказательств я опасался, что потерпевшая, в продолжение линии следствия заявит, что эти вещественные доказательства не ее (трусы, колготки и т. п.), но этого, к счастью, не произошло. Но государственное обвинение боролось дальше изо всех сил. Со стороны прокуратуры было заявлено ходатайство о признании генетической экспертизы недопустимым доказательством. Основание — то, что в экспертном заключении стоят две подписи — самого эксперта и начальника экспертного учреждения, в то время как комиссия эксперта не назначалась, а «фактически была проведена именно как комиссия». Вызвали эксперта в суд. Долго, по разным причинам, прокуратура не могла обеспечить его явку. Мною было открыто заявлено в суде, что несмотря на то, что мы можем обеспечить его явку, мы этого делать специально не намереваемся во избежание суждений и предвзятости эксперта и возможном оказании на него про-

тивоправного влияния. В результате все равно пришлось доставить эксперта нам самим, но уже с полной подстраховкой от возможных сомнений в его объективности.

В ходе обстоятельного допроса эксперт подробно рассказал о методике проведенной им генетической экспертизы: про полимеразные реакции по наращиванию волокон ДНК и про аллельные профили, а также подтвердил результаты экспертизы и пояснил, что никакой комиссионной экспертизы не проводилось, экспертизу проводил он сам, а свою подпись начальник экспертного учреждения ставит всегда и на всех заключениях экспертиз — в качестве начальника учреждения, которому поручено проведение экспертизы. Прокуратура надумывала другие придирки: «Но ведь из 6 аллельных профилей два-то совпали! Как вы можете это объяснить?» Ответ эксперта оказался несколько комичным: «При несовпадении даже двух из шести профилей делается четкий беспроцентный вывод об отсутствии совпадения при идентификации лиц по генетическим следам. А один совпавший аллельный профиль вообще отвечает за половую принадлежность материала. Другими словами, представленные на исследование следы спермы, как ни странно, принадлежат лицу именно мужского пола (!!!)».

Тем не менее, несмотря на наши возражения, суд решил перестраховаться и направил дело на повторную экспертизу в г. Москву. Наши же возражения касались даже не затягивания процесса, а опасений в том, что в результате неоднократных исследований, на следах просто не останется материала, пригодного для экспертного исследования и ценность повторных экспертиз окажется обратной. Из-за формальных придирок прокуратуры было проведено ещё две повторные экспертизы, в результатах которых уже не сомневался никто. Все четко — все изъятые следы принадлежат одному человеку, и при этом — не подсудимому! К тому времени Иван уже отсидел в СИЗО полтора года и еще полгода был на подписке. Суд еще до приговора, при назначении повторных экспертиз по нашему ходатайству изменил Ивану меру пресечения, видимо уже не сомневаясь в его невиновности. Несмотря на это Иван до самого конца не верил, что его оправдают. Когда его освобождали из-под стражи, уже на свободе, я посмотрел в его апатичные растерянные глаза человека, не

верящего в реальность происходящего, и спросил — чего он хочет в тот момент? В ответ было равнодушное и безэмоциональное, но самое выразительное: «Ничего...», которое я не забуду никогда.

Спустя время, судья, вынесшая оправдательный приговор, несмотря на то, что он был оставлен без изменения вышестоящим судом, по каким-то, не известным мне причинам скоро ушла в отставку, несмотря на молодой возраст. Следователь, видимо за свою креативную настойчивость в уголовном преследовании невиновного, пошла на повышение и работает в органах до сих пор. Никаких последствий для потерпевшей за ее ложные показания не поступило. Иван, получив присужденные суммы компенсаций в порядке реабилитации, остался после двух лет необоснованного обвинения наедине со своими не забываемыми на всю жизнь переживаниями. В ходе его уголовного преследования его невеста от него ушла, и даже признание Ивана невиновным не сподвигло ее вернуться. Настоящего насильника больше никто и не искал. Спустя несколько лет, на мой вопрос адвокату потерпевшей, та ответила неожиданно: «А кого еще искать, Василий Борисович, вы же его оправдали!». В тот момент в ответ на подобный ответ слов у меня просто не нашлось.

После завершения именно этого дела у меня возникла мысль, что свою жизнь, в том числе профессиональную адвокатскую, я уже прожил не зря.

ДОРОГА ДОМОЙ...

Эта история не обо мне, хотя я невольно и стал её участником. Она затронула многих, и равнодушным к ней не остался ни один из них (включая меня, как ни прискорбно, вот тебе и профессиональное хладнокровие). Она совсем не про юриспруденцию, юристов, суды и правила, она про человеческое терпение. И, к сожалению, также не мое. Несмотря на то, что история описывается с соблюдением условий адвокатской тайны, некоторые детали в ней изменены для простоты и удобства изложения. Просто так легче. И, кажется, так правильной.

Это был очень тяжелый во многих отношениях год, но вполне обычный для меня рабочий день. Тихий, спокойный и солнечный сентябрь. Сентябрь, который затянулся на несколько лет.

Очередным моим доверителем оказалась женщина, потерявшая супруга. А точнее, его у нее забрали обстоятельства. Уже и не знаю, как им стало известно обо мне, у меня в «копилке» было несколько несчастных случаев на производстве, но ни одного из них — на железной дороге. И те, кто с этими случаями сталкиваются, понимают сложность этих дел — приходится начинать разбираться в специфике работы, при которой несчастный случай произошел. Приходится погружаться с головой в правила, нормативы и т. д., поскольку на одних кодексах и федеральных законах это не взлетит. А пока ты погружаешься, ты начинаешь обрастать «грузом» — слухами, сплетнями, доказательствами наличия того, что у каждой работы и у любого коллектива есть своя изнаночная сторона. Порой погружаешься настолько, что всплывать уже бывает тяжело.

Он был простым работником на железной дороге. Из тех, кого называют «обычный мужик», средних лет, семья, жена, дети, дом-работа. Обычное семейное счастье, простое, но недоступное многим своей простотой. Работал когда-то маши-

нистом думпкара (вагон-самосвал, машинист—это его оператор), когда состояние здоровья перестало это позволять, перевелся на работу попроще в той же сфере—монтажник конструкций на ж/д.

По традиции, в серьезных организациях местами не хватает кадров. Иногда катастрофически. Это как дыры во фрегате, в которые начинает поступать вода, заполняя трюм. Вода поступает, а досок не хватает, и эти дыры начинают затыкать живыми людьми. А из глубин темного моря под названием «жизнь» сквозь эти дыры уже смотрят акулы.

Случилось что-то из разряда производственной необходимости, какое-то стихийное бедствие или что-то около того, где-то там, не у нас, далеко, но организации внезапно стало нужно направить железнодорожный состав в проблемный район. Состав, состоящий из думпкаров (самосвалов), такой называют думпкарная вертушка. У вертушки есть несколько машинистов, машинист поезда—это понятно, даже если ты на железной дороге, которая ведет только вперед, кто-то должен «крутить руль и нажимать на педали». А еще у вертушки есть машинисты думпкаров, их операторы, люди, которые ими управляют на загрузке и выгрузке.

И оказалось, что под рукой в экстренной ситуации машинистов думпкаров не оказалось. Не знаю почему, да и не хочу знать, меня не интересовали в этой истории причины, интересовало то, как в этой ситуации распорядились людьми. А распорядились просто, нашего «обычного мужика» и его напарника, бывших машинистов думпкаров, внезапно отправили поработать в данном качестве, несмотря на то, что они уже машинистами быть не могли—не позволяло здоровье, отсутствие прохождения очередного обучения (переаттестации) и т. д.

Но их отправили и это уже факт. Хотя не могли. И чтобы слегка скрыть этот факт в приказе «об отправке» было указано, что они направляются для сопровождения вертушки. Вот так просто. А то, что они будут на ней по дороге подрабатывать по непредусмотренному трудовым договором профилю, человеку, который их отправил показалось неважными деталями, про которые, видимо, никто не узнает. Все будет хорошо, ведь если ты пропустил подготовку,

у тебя в запасе всегда остается надежда. Надежда, что всё обойдется.

Но не обошлось.

В пути он погиб. Выпал из вагона и, либо погиб от падения, либо его сбил следом идущий поезд. Это уже не было установлено, да и не стало важным для юристов. И перед тем как выпал, опять же если я помню правильно, с напарником выпил немного спиртного. Удобно для работодателя, ведь выпавший из вагона пьяный работник напрашивается на навешивание на него всех собак. Выпал пьяный — сам виноват, земля пухом, но надо было думать.

Предварительный разбор полетов произошел быстро. Коллективный работодатель для себя решил, что «все здесь понятно, мы не виноваты и это главное». Создали комиссию по расследованию несчастного случая. Все шаги сделаны, все мероприятия выполнены, жизнь продолжается, будьте бдительны.

Чего абсолютно не хватило в качестве объяснения моей доверительнице, которая как раз и пришла на работу мужа узнать подробности его гибели. Как вы думаете, что происходит в голове у человека, у которого жизнь забирает спутника жизни, а потом вешает его на доску позора, еще когда траур даже не прошел? Я не знаю, но представить могу. Могу представить новую вспышку горя, а заодно и ярости по отношению к людям, которые отважились это сделать.

Деньги ей были не нужны, совсем. Эта идея пришла позднее, ибо первоначальной было установление всех обстоятельств происшествия, как и то, почему он вообще туда отправился. И без ответа это нельзя было оставить.

Итак, мы ударили по рукам, я получил доверенность и соглашение на представление интересов на очень долгий срок с неограниченным объемом полномочий и согласие моего доверителя на всё, начиная с участия в рассмотрении несчастного случая работодателем. На вопрос: «Что еще нужно от меня?», я ответил: «Дальше — только терпение. И желательно много».

С этого мы и начали, комиссия под руководством государственного инспектора труда (увольнение которого было уже и не за горами) собралась в большом зале и за боль-

шим столом. Материалы еще доходили, но как я понял уже по ходу заседания, проект акта расследования уже был готов. Акта, в котором единственно виновным был указан погибший. И никакой связи с производством, сам упал—сам виноват, проблема не наша, хоть и мы вас понимаем. Я, не скрою, совсем растерялся от того, что комиссия вместо обсуждений деталей и фактов, а также материалов, которые еще стоило запросить, стала тратить время на мою скромную персону в попытках убедить меня, что им безумно жаль семью погибшего, но как-то так получается, что никто кроме него не виноват.

А надо сказать, что на этот момент, все эти интересные нюансы с направлением в разных качествах на работу еще не было известны ни мне, ни моему доверителю, соглашение со мной было заключено всего лишь днем ранее, деталей никто не знал, объяснять нам их так же никто не собрался. Слушал я это, по-моему, около получаса, но всё равно смысл этого хорошего убеждения понять не смог. Чем все закончилось? Ничем, я просто встал и сказав, что видимо всем удобнее делать вид, что я здесь не для участия в заседании и высказывании своего мнения, сказал, что мнение комиссии меня устроит в письменном виде, в виде акта, который мы получим, когда он будет готов. После чего, мы перейдем уже на язык юристов в письменном виде, раз уже мое присутствие и мнение устно никому не интересно.

И я ушел. Моя доверительница со мной согласилась, что это было разумнее, смысла присутствовать там было не особо много. И потом мы получили акт. В котором было все то же, в чем меня пытались убедить на заседании. И мы подали жалобу в Государственную инспекцию труда, указав пару моментов поинтереснее тех, что были указаны в акте.

Инспекция согласилась поначалу, нам прислали красивое письмо, что проводится дополнительное расследование, государственный орган разберется, оставайтесь на связи. На связи, которой не было еще долго.

Нет, мы разумеется не сидели на месте, я ходил на приемы к инспектору, к его руководству, подавали заявления, ходатайства, разъяснения, но, по странному стечению обстоятельств, инспектора, проводящие это расследование, стали

часто меняться, сказалась текучка кадров. Дополнительное расследование шло уже второй год, на моих глазах увольнялся уже третий инспектор.

И я стал бороться уже с инспекцией. Писал жалобы — Роструд, Минтруд, прокуратура, ходил бесконечно на приемы везде где мог, ходил на приемы к этим инспекторам, у которых мнение относительно обстоятельств тоже было разным, случай был сложным, с наскока победить его не получалось, а я все время работы по этому делу тратил уже не на погружение в детали и нюансы специфики работы погибшего и его взаимодействия с работодателем, а на бесконечные попытки заставить инспекцию вести расследование более деятельно. Дошло до административных исков на бездействие, которые также мало к чему привели. Но рукава были закатаны до самых плеч, и я пытался выбить правду моему доверителю со всех сил, которые были.

На ее месте многие бы уже потеряли терпение, столько она прочла различных ответов из разных ведомств и органов иногда четкого иногда более чем размытого содержания. Нить расследования стала теряться, но, внезапно, новый инспектор решительно его закончил, выдав заключение о незаконности акта расследования с указанием на вину работодателя, а также предписанием работодателю бегом оформлять акт по форме Н-1. Этот ход дал новый импульс и надежду на скорую развязку. Развязку, которой, по классике жанра, снова не произошло еще год.

Работодателю выводы инспектора очень не понравились, и можно было понять, в заключении инспектор указал виновными сразу несколько человек, включая руководителя. А также указал, что погибший был направлен на работу, на которую быть направлен не мог, так что со стороны работодателя изначально уже имело место нарушение закона. Про связь несчастного случая с производством также инспектор указал. И работодатель подал административный иск в суд по месту нахождения инспекции с требованием о признании требований инспектора и его заключения незаконным. Моего доверителя (в моем лице) привлекли к участию в рассмотрении иска судом в качестве заинтересованного лица, чего мы ждали заранее и уже даже написали об этом хода-

тайство, но не пригодились, суд решил так по собственной инициативе.

И суд начался, преподнеся мне очередной сюрприз. На него не пришел сам инспектор. А КАС РФ требует от госоргана отстаивать свою правоту и доказывать законность своих действий и решений. А инспектор не пришел. И не приходил. Не помню, в силу каких причин, но не пришел, и произошла интересная рокировка, отстаивать точку зрения инспекции пришлось уже мне, раз уж мнения в этот раз совпадали. У жизни интересное чувство юмора, орган, с которым я воевал вплоть до подачи на них жалоб в максимально высшие инстанции и который затаскал по судам, теперь я защищал с тем же пылом, убеждая суд в том, что его решения законны и обоснованны.

Но процесс не клеился. Пробовали на вкус ощущение, когда ты заранее знаешь к чьей точке зрения склоняется суд? Я знаю, я его тогда первый раз попробовал. А полноценно отстаивать точку зрения инспектора я не мог, потому что до конца сам ее не понимал, обоснование в заключении было очень скупым, сам инспектор уволился, ни у кого и не узнаешь. Так прошло несколько заседаний, со стойким ощущением, что административный истец давит заключение паровым катком и закончит тем, что превратит его в блин. Точка зрения истца была проста, в приказе об отправке значилось «направляется для сопровождения вертушки», иного не доказано, а «для сопровождения» значит в качестве проводника (что допустимо), а не в качестве машиниста (что не совсем допустимо).

Материалы расследования и всех документов, что я накопил за год с лишним, я изучал долго. Неделями. Просто перечитывал их бесконечно, пытаюсь понять, откуда инспектор взял эти выводы, потому что первое объяснение выглядело так, как будто взял он их с потолка.

Заметили, как в этой истории куда-то с самого начала подевался напарник погибшего, человек, который мог бы пролить свет на всю историю? От него работодателем было отобрано максимально краткое объяснение, которое никому ничего не давало, кроме самого факта, что он был опрошен и отброшен за ненадобностью. Моя доверительница несколько раз предлагала ему посетить суд в качестве свидетеля

и рассказать, как все было, в каком качестве он с ее мужем отправился в путь и что конкретно там делал, да, работодатель в опросе этот момент как-то упустил. И стать свидетелем он желанием не горел. По причинам, которые казались понятными, люди не любят участвовать в судах, а тем более давать показания, которые могут осложнить отношения с работодателем.

Итак, мы остались ни с чем, свидетель отказался, а я не мог найти в документах ответ. До одной ночи, которой все изменилось. Я перечитывал документы уже даже не в пятидесятый раз, пытаюсь найти свидетельство уловки. И я его нашел. Работодатель настолько педантично подошел к отправке работника на работу в качестве машиниста, а не проводника, что на всякий случай ознакомил его с инструкцией по охране труда для машинистов в виде целевого инструктажа. В голове что-то сдвинулось, а шестеренки заработали снова, когда возник вопрос: «А если его направили в качестве проводника, зачем его знакомить с инструкцией для машинистов?». И все встало на свои места. Приказ об отправке был составлен так, что в нем роль погибшего была указана неопределенно — «для сопровождения вагонов». Административный истец пытался убедить и, почти убедил, суд в том, что это означает в качестве проводника. Но вагоны нельзя было отправить без машинистов вертушки. Инструкция, которая как раз и была доведена до погибшего и его напарника, это запрещает. Как и запрещает быть машинистом без постоянного обучения и надлежащего медицинского осмотра.

И только в этот момент я понял, почему в приказе о направлении роль погибшего указывалась как «сопровождение вагонов», ведь по этой же инструкции их сопровождает как раз бригада машинистов вертушки. Просто приказ тактично опустил указание, на то, что работники направлены в качестве машинистов. Постигнув эту логику, на следующее заседание, я попытался ее донести суду. Это было одно из самых интересных моих выступлений в судах, учителя бы гордились, а кто-то из наставников возможно бы стал похож на Халка от зависти. Поскольку не было однозначного и максимального простого доказательства того, что два напарника отправились

в путь как машинисты, для того, чтобы это понять, надо было понять логику событий.

После моей речи административный истец сослался на то, что иск им был подан с нарушением подсудности и попросил направить его для рассмотрения в другой город, что суд и сделал, направив его для нового рассмотрения по месту нахождения работодателя, несмотря на мои возражения. С момента как меня наняли к этому времени прошло больше двух лет. Терпение кончалось уже мое, и кончалось максимально быстро, к этому моменту я давно уже не был отстраненно хладнокровным, злился и нервничал, конца и края этим спорам было не видеть, но, что странно, у моего доверителя оно не иссякало, вместе со здоровой злостью к оппонентам. И мы опять стали ждать.

А потом все с начала. И опять суд, с самого начала, и опять попытки истца убедить суд в том, что работник поехал в путешествие не в том качестве, в каком его туда действительно послали.

И опять моя проникновенная речь и мои попытки убедить суд в логике, которая была спрятана в словах документов. Пока в один из дней не произошло то, чего я не ожидал, да уже и махнул рукой на это — в суд пришел давать показания напарник погибшего. Не знаю в какой момент, но он решил прийти и рассказать все как было. Просто так. Потому что решил, что так все-таки будет честно по отношению к погибшему. И полностью подтвердил в красочном рассказе в суде то, до чего я с трудом дошел логикой, ища намеки в документах. Случайно, но оно случилось. И больше инспектор мне не был нужен, ибо за рулем парового катка уже находился я.

Суд, на первый взгляд думая не очень долго, принял решение отказать в иске, но к описанию мотивировки подошел досконально и всё в решении, включая показания свидетеля и подробную оценку материалов инспектора отразил. Хорошее решение, такие называют железобетонными, каким оно и являлось, спокойно устояв под градом апелляционных и кассационных жалоб в двух вышестоящих инстанциях.

И с этого заключительного аккорда стало понятно, чем закончится бой. Можно было убрать материалы расследова-

ния со стола, поскольку люди знающие, понимают, что на основании материалов расследования и его заключения, устоявших перед судебным оспариванием, получение компенсаций и страховых выплат дело сугубо техническое

И хотя впереди ждали другие суды, споры и переписки: с госорганами, организацией работодателя и т. д., это уже было простым и понятным. Бой был окончен еще до гонга. Правда восторжествовала. А на остальное всем было наплевать, ибо ни одни деньги для прошедших через это того не стоили.

Эта история не о сильной стратегии, а о человечности. Человечными в ней оказались все, кроме главной героини, но ей и не надо — это кошка.

В самом начале профессионального пути ко мне пришла девушка — ровесница, до тридцати. Мы были немного знакомы. Тогда я не любила работать с «друзьями друзей», потому что опыта и практики было мало, и все общаются в одной компании, всё обсуждают, ошибиться страшно и ответственно. Но, несмотря на неуверенность, всегда бралась за такие дела, потому что отступить и признать некомпетентность еще хуже.

Обратилась ко мне эта знакомая в интересах отца. Отец жил в квартире, которая не была приватизирована. Не приватизировал десятилетиями, времени на это у него не было. На работу времени не было тоже. Человек выпивал, образ жизни имел необычный и мирскими проблемами не интересовался, предпочитая тусовки с такими же «просветлёнными». Платежи за коммунальные услуги его не волновали, платили когда дочь, когда бывшая жена, а чаще всего старенькая мама с пенсии. А потом мама умерла, случился серьезный многомесячный запой и долг вырос настолько, что администрация подала иск о выселении. Беда, как в поговорке, не приходит одна.

Ко мне обратились, когда дело набрало обороты. Как обычно, «Документов нет, суд завтра». Доказательств позиции истца достаточно (не платил человек, даже понемногу), уважительных причин нет, зарегистрированных несовершеннолетних тоже нет. Он и в суд сначала не ходил, думал, что это всё несерьёзно. Но обмолвился дочери, что квартиру грозятся отнять, и дочь решила спросить меня. Я не нашла слов утешения, но за дело взялась, завтра — значит завтра.

Первое заседание с моим участием прошло нервно. Представителем от администрации был суровый мужчина, который в суд по этому конкретному случаю приходил не в первый раз и смотрел на явку адвоката, как на недоразумение. Эмоций он

не прятал. Вздыхал, спрашивал: «Вы что, сами не понимаете очевидного?» и в целом раздражался. Позиция истца была явно сильнее, а я пришла то ли время потянуть, то ли денег урвать, и вообще откуда деньги на адвоката у безработного, который квартплату не платит?

Судья скучала. Дело простое и очевидное. Перспектива —удовлетворение исковых требований в полном объёме, выселение из квартиры, новое муниципальное жильё (на этот раз комната). Но истец принёс новые документы, их надо изучить, назначили дату заседания.

Перед новым заседанием я ознакомилась с делом, прочитала судебные решения по похожим вопросам с 2009 года, доверитель погасил часть долга — весь не мог, сумму накопил для себя неподъемную. Понял серьезность ситуации, устроился на работу, даже пришел в суд трезвым и прилично одетым. В ожидании рассказывал мне о своей жизни, в частности о том, что подобрал и вырастил котёнка, назвал Мусей. И хотя пьёт сильно, но за кошкой уход хороший, кормит, убирает, а она ласковая и так смотрит, будто всё понимает. В тот день судебное заседание вообще не состоялось, перенесли.

На рассмотрение дела я отправилась уже одна, ответчик не стал отпрашиваться с работы. Я знала, что представителю администрации от иска отказываться нельзя и что требования удовлетворят скорее всего, и доверитель решил не терять рабочий день. В суде увидела уставшего представителя истца, который напрямую и высокомерным тоном спрашивал, что мы тут делаем столько времени. Посмотрела на судью, она что-то читала; вспомнила практику и сама перестала понимать, зачем я пришла, если бесполезно. Но мне дали слово, надо что-то говорить. Я сказала, что да, ситуация очевидная. И не жалко людей, которых за такое выселяют — должны платить. Но жалко кошку Мусю. Она, конечно, отправится на улицу. Жили себе два никому особо не нужных создания, человек и кошка; но в комнату общежития кошку взять не дадут соседи, и родным она не нужна. Ну и ладно, это к делу не относится. Зато гражданин часть долга оплатил, вот оригиналы квитанций, посмотрите, уважаемый суд и участники процесса, прошу приобщить.

Я рассказывала и вспоминала фото кошки. Она была какая-то серая, невыразительная, такую сложно пристроить. Красивых и маленьких котят ещё разбирают, а тут без шансов. Сама рас-

чувствовалась, но смотрела на истца и судью скорее с вызовом, чтобы не заплакать.

Судья объявила перерыв.

А представитель администрации подошёл в коридоре и сказал: «Две неявки». И больше ни слова; так и ушли. По следующим повесткам в суд истец и ответчик не явились. Судья оставила заявление без рассмотрения.

Долг доверитель выплатил, квартиру приватизировал. Кошка, самая красивая для своего хозяина, до сих пор в ней живёт, а он работает, хотя по возрасту пенсионер.

Так человек спас кошку, кошка спасла человека, а я не очень профессионально выступила. И до сих пор благодарна всем участникам того процесса.

РОЖДЕННЫЙ ТРИЖДЫ

Часто вспоминаю историю двадцатилетней давности. Тогда только начал действовать уголовно-процессуальный закон принятый в 2001 году, который к настоящему времени претерпел множество изменений. Однако суть его актуальна, так как до сих пор имеется понятие «спецсубъект» по уголовным делам, придуманное для «слуг народа» и вершителей судеб людских (регулируемое главой 52 УПК РФ «Особенности производства по уголовным делам в отношении отдельных категорий лиц»). Плохо это или хорошо — другая тема.

Итак, обо всём по порядку.

В субботний день приводил в порядок накопившийся в кабинете ворох бумаг — всякого рода обвинительные заключения и исковые заявления. Вдруг заявился товарищ по прежнему месту моей службы со своим другом. Цель визита они раскрыли не сразу. Сидим тихо — мирно, ведем беседы на разные темы. В ходе разговора друг моего товарища (назовем его моим будущим доверителем — спецсубъект по имени А.) сказал между прочим, что у него сегодня второй день рождения. И рассказал историю о том, как он в 1974 или 1975 году оказался в списках погибших в авиакатастрофе на Дальнем Востоке. Мне в указанный период было лет 10—12, естественно, что о данном ЧП я и не слышал. А. рассказал, как они, новоиспеченные выпускники столичного медицинского вуза вылетели на самолете в один из дальневосточных городов для прохождения практики. Дозаправку лайнер производил в аэропорту г. Уфы. Так как А. был родом из Башкирии, слёзно выпросил у руководителя группы разрешение, навестить родителей, пообещав следующим рейсом прибыть к месту прохождения практики.

Через несколько дней, приехав к месту назначения, А. увидел, что все крайне удивились его приезду. У всех глаза

были навязать: «Ты же числишься в списке погибших? Тебя же похоронили?»

Как оказалось, хоронили обугленные трупы, собирая их по косточкам. Таким образом, А. обрёл вторую жизнь и вторую дату своего дня рождения.

После данного рассказа мои гости плавно перешли к своей проблеме. А. попросил помощи по уголовному делу.

Краткая предварительная беседа показала, что спецсубъект обвиняется в получении взятки, причем смешной суммы — 5000 рублей, и вину не признает. Следователь прокуратуры (создание Следственного комитета было только на слуху) успел его допросить в качестве подозреваемого. Адвокатов по делам в то время не назначали.

Расспрашивая об обстоятельствах получения взятки, удалось выяснить лишь, что «взяткодатель» до получения взятки за несколько дней напросился на прием и слёзно выпросил разрешение изготовить оправдательный документ поясняющей (чтобы не было прогула) причину его отсутствия на работе. А. по простоте своей души, не преследуя корыстные цели, решил помочь и предложил явиться к нему в назначенный день и час.

После долгого «выбивания» пояснений у А., удалось выяснить, что «взяткодатель», зайдя в кабинет, на рядом стоящий столик поставил барсетку, из кармана достал 5000 купюру и якобы насильно, против воли будущего моего клиента, положил ее на стол. Быстро получив на руки необходимый документ за подписью должностного лица, он с радостным видом удалился, а через минуту: «Руки вверх! Работает ОМОН! Всем стоять, рылом в пол, оставаться на месте!» Далее — осмотр места происшествия, изъятие купюры, опросы, допрос в качестве подозреваемого и другие формальности. Странно, несмотря на отрицание вины, по подозрению в совершении преступления на 48 часов А. не был задержан, хотя преступление считается тяжким.

Про себя сделал вывод, что, возможно, из барсетки на видео фиксировался факт передачи денег, а якобы, насильному оставлению денег, не хотелось верить. Мои подозрения впоследствии полностью подтвердились.

Перспектива дела не радовала. Бесспорное обвинение по ч. 2 ст. 290 УК РФ (в старой редакции) «Получение долж-

ностным лицом взятки за незаконные действия (бездействии) — наказывается лишением свободы на срок от трёх до семи лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет».

Не знаю, что меня сподвигло, может, рассказ гостя про второй день рождения, но у меня возникло огромное желание помочь ему. Как человек, на меня он произвел только положительные впечатления, и вовсе не показался похожим на беловорточникового преступника. Выражение его глаз, тон речи указывали, что он искренен, без утайки и с искренним переживанием рассказывает о произошедшем событии. Было похоже, что со стороны действий сотрудников ОБЭП есть косвенные признаки провокации взятки. «Но если даже подобное имеет место, каким образом это доказать? И возможно ли это при подобной ситуации», — рассуждал мысленно. Казалось, нет никакой перспективы по делу.

Далее, «пытая» своего будущего доверителя, как партизана, добиваюсь самого главного. Он, оказывается, является депутатом органа местного самоуправления. И мой первый вопрос: «Кому-либо из правоохранителей сказал об этом?»

— Никто не знает, никому не говорил, никто и не догадывается», — ответил бедолага.

— Я постараюсь тебе помочь, но положительный результат (в смысле оправдания) не обещаю. Только есть условие — удостоверение оставляешь у меня. О том, что ты депутат никто из правоохранителей не должен знать. Забудь на время что ты народный избранник. Вспомнишь, когда я скажу. Если проболтаешься помочь не смогу. И супругу предупреди, чтобы лишнего кому попало не болтала, — резюмировал я.

Увидев слезы в по-детски наивных глазах этого человека, которому было уже за 50, внутренне почувствовал, что он не виноват. А аргументы в пользу «защиты» уже появились в моей голове: допущено грубейшее процессуальное нарушение, не возбуждено как следует уголовное дело (по таким спецсубъектам по УПК РФ того времени уголовное дело возбуждалось прокурором субъекта РФ, т. е. республиканским

прокурором). Значит, все процессуальные действия незаконные!

Но, думал я, допустим, суд оправдает. Что дальше? Практика возврата уголовного дела на дополнительное расследование к тому времени была упразднена, на дополнительное расследование возвращалось, если не было связано с восполнением предварительного следствия. Если даже всеми правдами и неправдами дело в завуалированной форме возвращалось, то для прокурора и следователя данный факт был большим минусом в работе и приравнивался оправдательному приговору. Где как, но в нашем субъекте по головке за это не гладили и не глядят по настоящее время. Почему так — до сих пор не могу понять.

В этот день, вдоволь наговорившись, особо не обнадеживая А., расстались. Напоследок я сказал: «Возможно, что день вынесения судебного решения станет для тебя третьим днем рождения!» На лице у «взяточника» появилась детская улыбка.

В голову лезли разные мысли. Например, зачем мне надо было обнадеживать этого человека? А если субъект допустим совершил особо тяжкое преступление, например, убийство, тоже оправдывать, хотя все доказательства неоспоримые? А что мешает органу предварительно расследования вновь возбудить уголовное дело как следует?

Перелопатив документы по судебной практике, посоветовавшись с юристами-«уголовниками», не нашёл ответа на этот вопрос. Новый УПК РФ еще сырой, временем не проверен, особо еще не успел перемолоть людские судьбы.

Через несколько дней раздумий возник, скажем так, «коварный план» по спасению клиента. Моё условие А., (еще раз) — гробовое молчание про то, что он слуга народа и выполнять только то, что я велю и только тогда, когда возникнут предпосылки по его спасению.

И вот, незадолго до официально процессуальной встречи со следователем невзначай происходит встреча, на которой я поинтересовался судьбой уголовного дела. Проявил полную солидарность со следователем, высказал свое видение дела, что, мол, доказательственная база, наверно, крепкая.

А самым удивительным для следователя была моя просьба вменить клиенту еще одну дополнительную статью — 292 УК РФ.

— Это как же так: ты адвокат или прокурор? — последовал вопрос.

Я в полном замешательстве, заранее не думал, что он будет мне задан. Не смог сходу придумать, что сказать. Начал, как говорят, пургу нести: «Прокурор не прокурор, взяточников я терпеть не могу, у меня к ним особое отношение, всех их надо отправлять в места не столь отдаленные. Глядишь, хорошо заживем», — говорю с ехидной улыбкой. И добавляю: «Всё равно мой подзащитный вину не признает, от дачи показаний откажется. Если не сможешь сформулировать дополнительное обвинение или же будет не до этого, могу принести готовый текст обвинения. Жулики, мол, приходят и уходят, благодарных среди них очень мало, а нам жить да жить, добиваться правосудия». И в самом конце на ум приходит мысль. Я говорю, что моему клиенту от факта взятки не отвертеться, а вот от служебного подлога соскочим, я как защитник перед клиентом буду бить себя в грудь, мол моя заслуга и т. д., и т. п.

— Действительно, хорошая идея, вам тоже работу надо показать, умно и хитро ты придумал, — заметил следователь.

На такой оптимистичной ноте, определив дату предъявления обвинения, расстались. Следователь остался очень доволен, но его лицо сохраняло еще мимику с вопросительным знаком. Если бы тогда он знал, что я готовлю для него сюрприз. Действительно, это был сюрприз, от которого выигрывали все стороны процесса. По плану немного обиженными (злыми на меня) должны были остаться гособвинитель и следователь, а по сути я, в первую очередь, спасал своего доверителя от уголовной ответственности, а следователя и прокурора от неприятностей.

Настал час предъявления обвинения. Ознакамливаемся с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого. Вменена ч. 2 ст. 290 (получение взятки) и дополнительная статья 292 (служебный подлог). Ура! А служебный подлог заключается во внесении в официальные документы заведомо ложных сведений, искажающих их действительное содержа-

ние, совершенное из корыстных побуждений. От следователя стараюсь скрыть радость на лице, понимаю незаконность вмененного состава преступления и полную абсурдность обвинения по данному преступлению.

Но, тем не менее, доволен, что хитрый план потихоньку осуществляется. Вину не признали, от дачи показаний по ст. 51 Конституции РФ отказались. Далее—ознакомление с материалом дела. Доказательственная база очень крепкая. Допросы оперативных работников—как они разрабатывали план поимки, экспертизы и т. д. Как говорится, стопроцентная доказательственная база.

Начали ознакомление с вещественными доказательствами. Меня особенно интересовал запечатанный в конверт CD-диск. Посмотрели видеозапись, как и предполагал, в барсетку была вмонтирована аппаратура для фиксации передачи денег. Деньги конечно ему насильно не положили, наоборот, с довольным видом «получатель» нехотя кивнул, куда необходимо положить...

Утверждено обвинительное заключение, дело поступает в суд. Через несколько недель в списках назначенных дел (сайтов у судов еще не было, Интернет только-олько появился и обладал скоростью 10 кбит/сек) появляется наше долгожданное уголовное дело.

За день до суда в конце рабочего дня в коридоре суда встречается судья и напоминает о слушании дела и о необходимости явки без опозданий. Подшучивая, говорю: «У Вас, наверно, уже приговор готов!» Судья не скрывает, что с делом ознакомился, мол, доказательственная база крепкая.

Про себя думаю: «Да, действительно, доказательств выше крыши, со всех сторон мой бедолага зажат, невозможно отвертеться и улизнуть». В голове крутятся мысли: «А вдруг план мой не сработает, как бы не навредить доверителю» и т. д. Думаю: «На худой конец, надо убедить доверителя признать вину, раскаться, набрать смягчающие очки, учитывая положительные качества подсудимого можно рассчитывать на приговор с применением ст. 73 УК РФ». Но, тем не менее, как бы в спешке удаляясь от судьи, говорю: «Мол, всё равно наверно придется оправдать, иного выхода здесь нет».

Услышав это судья насторожился, остановив меня попросил зайти в кабинет.

— Как это так оправдать? Дело без изъянов, комар носа не подточит.

— Карты раскрывать сегодня не буду, всему свое время, дойдем до прений тогда и раскрою,— заявляю с самодовольным видом, а сам думаю о другом: «Ну оправдает, что дальше? А дальше — неизвестность». Дразнить гусей не хочется.

Судья оказался настырным, всё-таки «расколочил» меня, хотя я сам желал этого. Под честное слово судьи, что он не скажет до суда гособвинителю, достал депутатское удостоверение клиента.

— Ну, тогда вопросов нет, однозначно оправдательный приговор.

— Нет, мне оправдательный приговор не нужен,— настаиваю я.

— Как это так, адвокат не желает оправдательного приговора?

— Вот так, не желаю и всё.

— Тогда что делать? Для возврата прокурору нет оснований,— вопросительно смотрит судья.

Я заявляю: «Есть выход! Раскрою завтра, перед процессом».

— Почему перед процессом?

— Если об этом гособвинитель узнает сегодня, то у него будут много времени для согласования данной ситуации вышестоящими дядьками и принятия неблагоприятного для нас решения. Не желаю, чтобы они много думали, это не в нашу пользу будет.

Так и вышло.

Свои планы хранил в тайне до начала процесса. Перед процессом озвучил свое предложение. Прокурор, мол из-за слабой доказательственной базы отказывается от обвинения по ч. 2 ст. 290 УК РФ (тяжкое преступление, наказание до 7 лет, примириться невозможно). Статья 292 остается в силе, преступление небольшой тяжести (возможно прекращение дела в связи с примирением сторон). Мое предложение было как спасительным глотком воды изнуренному жарой человеку в пустыне. Быстро согласовав моё предложение с руко-

водством, с радостью согласились. Одобрение получено, т. к. оправдательный приговор или же возврат дела для них неприемлем.

Мой план начинает срабатывать. Начинается процесс. Защита заявляет ходатайство о признании потерпевшей стороной организацию, бланк которой мой подзащитный использовал. Сидящая в зале статно одетая дама в письменном виде предоставляет заявление о признании в её лице организации потерпевшей стороной — мол «подсудимый, совершая преступление, использовал официальный бланк нашей организации, нам причинен материальный урон, испорчена мол наша деловая репутация!» Суд признает организацию в лице этой дамы потерпевшей стороной. Государственный обвинитель отказывается от обвинения по ст. 290 УК РФ, поддерживая обвинение по ст. 292 УК РФ. Представитель потерпевшей стороны тут же заявляет ходатайство, и зачитывает заранее подготовленное заявление о прекращении уголовного дела за примирением сторон.

Таким образом мой «коварный план» сработал на сто процентов. Все довольны, кроме оперативных работников, вызванных для дачи показаний в качестве свидетелей и стоящих в коридоре суда. Дело похоронено в архиве суда.

Трудно предсказать, какой исход был бы, если бы вменялась только 290 статья УК РФ. Наверное, обвинительный приговор, но с каким результатом, неизвестно.

Впоследствии следователь упрекнул меня: «Вот, оказывается, для чего просил дополнительную статью». Он был в обиде, что скрыл статус обвиняемого. Но, вообще-то, все остались довольны.

Думаю, молодым адвокатам следует помнить, что не надо никогда и ни с кем делиться своим планом, а если делишься, то не расшифровывай конкретное дело. Конечно трудно, в себе держать информацию, не советоваться, но этому нужно научиться. Если бы в данной истории, кто-нибудь проболтался, вряд ли добились данного результата.

Сам я следую правилу, которое усвоил, когда только начинал работать адвокатом. Тогдашний руководитель нашего филиала Башкирской Республиканской коллегии адвокатов, ныне покойная Раиса Семеновна Литовченко, говори-

ла: «Зарубите себе на носу, что «клиент твой — враг твой!» Я это запомнил навсегда и стараюсь держать дистанцию при реализации отношений с доверителями. Конечно, это другая тема. Но герой данной истории, оказался не из той категории. После суда сказал, что действительно у него сегодня третий день рождения. Ранее частенько он ко мне заходил, интересовался здоровьем (его профессия!), на рыбалку и за грибами приглашал. В здравии ли он сейчас — мне неизвестно.

Приступая к защите человека, обвиняемого в убийстве, адвокат должен видеть в нем только человека, который, как и все люди, любит, страдает, переживает, заботится о своих близких. Адвокат не вправе думать о возмездии, что он будет ограничен в свободе, будет нести тяготы тюремной жизни. А еще, самое главное, адвокат должен принимать все сказанное обвиняемым в убийстве, как говорится, за чистую монету, критически оценивать позицию следствия, обвинительное заключение и речи государственного обвинителя, искать погрешности расследуемого преступления и обстоятельства, смягчающие вину подзащитного, если он в действительности окажется виновным. Иначе адвокат не сможет выполнить свой профессиональный долг по отношению к обвиняемому в совершении преступления и содействовать вынесению справедливого итогового решение по делу.

С такими установками вошел я в свое самое первое дело, спустя всего лишь месяц после получения статуса адвоката, по защите гражданина Бориева Аслана Аликовича, на стадии предварительного следствия в следственном отделе по г. Пятигорску, Следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ставропольскому краю, который обвинялся органами предварительного следствия в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ. Для меня это было не просто первое дело, когда человек обвинялся в совершении особо тяжкого преступления, в убийстве, а вовсе первое уголовное дело в своей профессиональной практике.

А все началось в один прекрасный день, 20 февраля 2015 года, когда ко мне в кабинет зашла женщина, лет 50—55, которая искала другого моего коллегу, с которым, как потом выяснилось, было заключено соглашение и который являлся адвокатом гражданина Бориева А. А. по данному делу. Жен-

щиной оказалась Бориева Марина Аликовна, родная сестра Бориева А. А.

Она была в отчаянии, крайне встревожена тем, что не могла уже вот как пару дней дозвониться до адвоката, с которым было заключено соглашение на защиту своего брата Бориева А. А. Но я знал на тот момент, что адвокат, которого она искала, был неделю как госпитализирован в лечебное учреждение с диагнозом «Инсульт» и что скорого его выздоровления не намечалось. Услышав данную новость, женщина впала в еще большее отчаяние, всплакнула, и начала спрашивать меня как ей быть в таком случае и что ей делать. Увидев ее состояние, я начал ее успокаивать и выяснять, что случилось и могу ли я ей помочь. Бориева М. А. начала рассказывать, как месяц тому назад к ним приехали люди в масках, провели обыск по месту их жительства, искали ее брата Аслана, спрашивали, где он прячется. Спустя пару дней после указанных событий ее брат вместе с адвокатом поехали к следователю, где им сказали, что его подозревают в убийстве какой-то бабушки в п. Иноземцево, Ставропольского края, и в тот же день задержали. Она говорила, что ее брат никогда бы не смог никого убить, не понимала, почему его задержали вообще, и вся надежда была на адвоката и помочь им больше некому. Сама она жила вместе с братом, ухаживала за престарелой матерью и лежачей больной дочерью-инвалидом. Успокоив ее, я предложил ей свои услуги, но сразу же отметил, что работаю всего лишь месяц и что она может найти адвоката поопытнее. На это она сказала, что будет очень благодарна и добавила, что оплачивать особо мои услуги она не сможет, так как уже оплатила ранее другому адвокату его услуги и что если он ей не вернет, хоть что-нибудь не знает как и быть. На что я ей ответил, что я готов ей помочь, если она сможет оплатить хотя бы транспортные расходы. На что она согласилась, мы заключили соглашение, и я начал работать по данному делу.

На следующий день я был уже у следователя с ордером, ходатайством о допуске в дело в качестве адвоката Бориева А. А., ходатайством об ознакомлении с материалами уголовного дела и предоставлении мне копий документов, составленных с участием моего подзащитного. Приняв у меня ордер и ходатайства, на тот момент для меня это было не-

ожиданностью, он мне сказал, что рассмотрит мое ходатайство, а ответ направит по почте. На мой вопрос, с чем связана невозможность разрешения его сейчас и ознакомление с материалами дела, получил исчерпывающий ответ — «Мое право». Тогда я впервые столкнулся с подобного рода поведением со стороны следователя и даже немного растерялся.

От следователя я сразу направился в следственный изолятор, где содержался Бориев А. А. Зайдя к нему, я выслушал историю, которая по сюжету больше была похожа на детектив в лучших традициях Голливудских фильмов, и которую я в последующем долго анализировал. Рассказал он мне следующее (коротко из протокола допроса Бориева А. А.):

«У меня есть знакомый Ансоков Анзор, который сидел в одной камере в СИЗО с Зименко П. А. (второй обвиняемый по делу, которого наряду с Бориевым А. А. обвиняют в убийстве). Анзор мне в телефонном режиме позвонил и пояснил, что Зименко П. А. мне найдет работу в п. Иноземцево, также он должен был мне найти временное жилье на территории КМВ. Я согласился на данное предложение, после чего примерно 28.11.2014 года мне на мобильный телефон позвонил Зименко П. А. Мы с ним познакомились, он меня спросил, имею ли я желание проживать в г. Ессентуки, я спросил от работы расстояние далекое или нет, Зименко П. А. мне ответил, что не близко, примерно 80 километров, я сказал, что меня это не устроит, так как данное расстояние до работы слишком большое. Зименко П. А. сказал, что поищет другие варианты. Работу он мне предложил в мебельном цеху п. Иноземцево, я не отказался и согласился. После этого 29.11.2014 года примерно в 23 часа мне на мобильный телефон позвонил Анзор, который мне сказал, что Зименко П. А. мне позвонит, так как последний хочет приехать ко мне домой в г. Терек и забрать меня в п. Иноземцево. Я сказал, что буду ждать звонка. Примерно через 5 минут мне позвонил Зименко П. А., последний спросил адрес моего проживания, также пояснил, что выезжает за мной на такси из п. Иноземцево, однако в разговоре мы договорились увидеться в г. Нальчике, так как они не знали дорогу в г. Терек. Далее примерно в 3 часа 30.11.2014 года мы с Зименко П. А.

встретились на выезде из города Нальчика. Далее мы сели в машину такси и направились в п. Иноземцево, по дороге Зименко П. А. мне рассказывал о своей семье, мы общались на разные темы, он сказал, что является беженцем с Украины, находится в п. Иноземцево не так давно из-за боевых действий на территории Украины. Также он рассказывал, что он работал в мебельном цеху, там же и проживал. По поводу жилья сказал, что он снимает жилье у какой-то бабушки в аренду и первое время я могу проживать у него дома, так как на тот момент бабушка-хозяйка уехала в г. Краснодар в гости к родственникам.

По дороге нас остановили на посту ДПС, так как у меня не было документов, удостоверяющих личность, меня проверяли по базам. На посту мы простояли примерно 2 часа, после этого нас отпустили и мы поехали далее на адрес в п. Иноземцево (поначалу данному факту я особого значения не придавал, но в итоге именно он сыграл одну из основных ролей в развязке данной истории).

Приехав на адрес: Ставропольский край, г. Железноводск, п. Иноземцево, ул. Карбышева, д. 16 «а», где проживал Зименко П. А. Он меня отвел во времянку, которая находится сзади основного дома и пояснил, что это место, где я буду проживать временно пока не найдем мне другое жилье. Сам же непосредственно проживал в основном доме и пояснял это тем, что бабушка разрешила в период своего отсутствия жить и ухаживать за домом.

На следующий день Зименко П. А. сказал, что купит для своей дочери и супруги, которые проживают в г. Орел, вещи и технику и предложил мне поехать в г. Орел вместе с ним.

02.12.2014 года примерно в 12 часов мы прибыли в г. Орел. По приезду на адрес нас встретила супруга Зименко П. А. Он подарил своей дочери вещи, которые приобрел.

На следующий день мы с Зименко П. А., по предложению последнего проехали в ломбард, для того, чтобы заложить золотые украшения, которые с его слов он взял у своей супруги, также Зименко П. А. пояснил, что у него закончились денежные средства, в связи с чем он сдаст в ломбард золотые украшения и даст мне денег на дорогу обратно в п. Иноземцево, сам Зименко П. А. ехать сразу обратно не хотел, он пояснил, что приедет сам на поезде 05.12.2014 года. По

приезду в ломбард мы с Зименко П. А. зашли в ломбард, где он сдал имевшиеся у него золотые украшения по моему паспорту (квитанция истребованная из ломбарда была одним из доказательств по делу в причастности Борева А. А. в совершении им преступления совместно с Зименко П. А.).

04.12.2014 года примерно я прибыл из г. Орел, и сразу поехал в г. Нальчик, чтобы забрать сою знакомую в п. Иноземцево на период отсутствия Зименко П. А., чтобы не быть там одному.

08.12.2014 года мне на мобильный телефон позвонил Зименко П. А. Последний спросил, где я нахожусь, я сказал, что я дома с подругой, он мне сказал, что знает о том, что я дома с подругой, так как об этом ему рассказали соседи и что он сам через 20 минут будет дома. Я сказал, что буду ждать его. Через некоторое время Зименко П. А. приехал на машине такси и зашли с таксистом к нам во времянку, я их познакомил с подругой, мы сидели за столом. Зименко П. А. предлагал таксисту забрать машину марки «ЛАДА КАЛИНА», которая стояла во дворе дома, при этом Зименко П. А. пояснил, что хозяйка дома продает ее и он оставил ее в долг себе. Далее Зименко П. А. начал нам рассказывать о том, как он доехал, он пояснил, что по пути следования он заехал в гости к хозяйке (бабушке), которая гостила у своего сына в г. Ростов-на-Дону, однако мне данный факт показался странным, так как он приехал на поезде, и физически поведать хозяйку не смог бы. Через некоторое время Зименко П. А. достал свои вещи и положил на стиральную машину сверху. После этого он вышел на улицу подошел к машине «ЛАДА КАЛИНА», открыл дверь с пульта сигнализации, после чего начал натягивать на сидения чехлы. В это время к дому подъехала машина, он вышел за калитку посмотреть, кто приехал, на машине приехал мужчина, который интересовался местонахождением хозяйки дома, он сказал, что сын хозяйки не может дозвониться до нее и в результате прислал его, чтобы узнать дома она или нет. Зименко П. А. ответил ему, что хозяйка уехала в гости к родственникам в г. Краснодар, когда придет не известно. Данный факт мне также показался странным, так как он мне сказал, что хозяйка находится в гостях у сына. После этого мужчина уехал. Зименко П. А., торопясь, зашел во двор, закрыл двери машины не

дотянув чехлы. После чего он пошел по времянке и собрал все свои вещи, которые он выложил для стирки обратно в рюкзак, я спросил у него по какой причине он мне пояснил, что бабуля находится у сына в Ростове, в то же время он присылает к ней домой знакомых уточнить где находится мать. Зименко П. А. мне ответил, что она уехала с Ростова после того как он проведаль ее в г. Краснодар, поэтому сын переживает за нее, доехала она нормально или нет. Далее Зименко П. А. вынес свой рюкзак и положил его в машину, после этого он ходил по двору занимаясь своими делами, я сидел во времянке со своей знакомой.

Также Зименко П. А. у нас спросил можно ли снять со сберегательной книжки, которая оформлена на другое лицо, денежные средства. Я ответил, что денежные средства со сберегательной книги иного лица можно только с доверенностью, оформленной нотариально. Он сказал, что ему необходимо снять сумму около 500—700 тысяч рублей, когда я спросил, кому принадлежит данная сберегательная книга, Зименко П. А. ничего мне не ответил, ушел от разговора. Через некоторое время он сказал, что выйдет по делам и ушел. В тот день он больше домой не возвращался.

09.12.2014 года примерно в 10 часов мы с подругой проснулись, я пошел проверить не пришел ли Зименко П. А. домой. Когда я подошел к калитке, я обнаружил, что замок на калитке был открыт, однако я точно помню, что перед сном закрывал его, ключ от калитки был только у Зименко П. А. Я постучался в двери дома, однако Зименко П. А. там не было, телефон у него был выключен.

Мы с подругой закрыли двери и уехали в г. Нальчик. Зименко П. А. после на связь не выходил и куда он пропал я не знал».

После услышанного от Бориева А. А., я уходил с мыслями: смогу ли я с моим минимальным опытом помочь ему в этом сложном деле, не подведу ли я человека, который мне доверился и надеется на меня?

Спустя пару дней мне позвонил следователь и сказал, что я могу приехать и ознакомиться с материалами уголовного дела. Из материалов, собранных органами предварительно-

го расследования, следовало, что 18.07.2014 года примерно в 22 часа Зименко П. А., находясь в домовладении № 17 по ул. Дачной п. Иноземцево Ставропольского края, действуя умышленно, с целью причинения смерти Калиненко В. Н. вооружившись молотком, нанес Калиненко В. Н. многочисленные удары по голове и лицу потерпевшего, причинив последнему телесные повреждения виде открытой черепно-мозговой травмы в виде ушиба головного мозга тяжелой степени с внутримозговым кровоотечением, множественных переломов костей черепа, 10 ушибленных ран волосистой части головы и лица, от которых наступила смерть Калиненко В. Н.

Кроме того, 29.11.2014 года примерно в 22 часа, Зименко П. А. совместно с Бориевым А. А., группой лиц по предварительному сговору, находясь в домовладении № 16 «а» по улице Карбышева поселка Иноземцево Ставропольского края, действуя умышленно, с целью причинения смерти Дорониной Л. Е., вооружившись топором, нанесли многочисленные удары по голове и лицу потерпевшей, причинив последней телесные повреждения в виде открытой черепно-мозговой травмы в виде ушиба головного мозга тяжелой степени и множественных переломов костей черепа, не менее 5 ушибленных ран волосистой части головы и лица, от которых наступила смерть Дорониной Л. Е. После произошедшего они похитили денежные средства и ювелирные изделия, принадлежащие потерпевшей.

Данные утверждения следствия подкреплялись заключениями различных экспертиз, согласно которым в домовладении были обнаружены следы пальцев рук Бориева А. А., пятна крови во времянке, где проживал Бориев А. А., идентичные группе крови потерпевшей Дорониной Л. Е., показаниями соседей которые подтверждали нахождение Бориева А. А. по месту жительства потерпевшей в указанный период. Все выше перечисленные обстоятельства наряду с прошлым моего подзащитного, у которого согласно ИЦ МВД имелось 8 криминалов, поставило передо мной крайне сложную задачу, практически не разрешимую.

Я начал работать, анализировать имеющиеся у меня материалы, сопоставлять показания Бориева А. А. с другими обстоятельствами, установленными следствием к тому време-

ни, и в итоге мне удалось найти одно несоответствие. Время, когда наступила смерть потерпевшей и когда Зименко П. А. забрал и привез Бориева А. А. на адрес по мету своего пребывания, как мной было указано выше, сыграло ключевую роль.

Вычислив данное несоответствие во времени я написал запрос на имя начальника ГИБДД, где со слов Бориева А. А. их остановили по пути следования в п. Иноземцево и его пробивали по базам, с просьбой сообщить в мой адрес, действительно ли данное обстоятельство имело место быть, и если да, в какое время оно имелось. Но мой запрос остался без ответа. Тогда было решено написать ходатайство на имя следователя, чтобы он истребовал данную информацию самостоятельно. Однако, и в этом мне было отказано со ссылкой, что следователь самостоятельное лицо, которое направляет ход следствия, и что в этом не видит необходимости. Данное решение было обжаловано, но ни у начальника следствия, ни у прокурора я поддержки в этом вопросе не нашел.

Решив, что простыми письмами дело не разрешится, не питая особых надежд, я решил записаться на прием к заместителю Председателя Следственного комитета РФ генерал-полковнику Карноухову Борису Михайловичу. И какого было мое удивление, когда мне позвонили и сказали, что Борис Михайлович меня примет. Приехав на прием в указанный день, это было 06.04.2105 года, самое первое, что он у меня спросил, кто мне сказал прийти к нему, и сколько лет я работаю. Я ответил, что решил сам, а работаю третий месяц. Удивлению его предела не было и говорил, что не каждый адвокат с гораздо большим стажем осмелится к нему приходить на прием. Выслушав меня, он там же, при мне позвонил Руководителю СУ СК по Ставропольскому краю и дал поручение разобраться с моим вопросом и сказал, что берет данное дело под личный контроль.

После данного приема следствие сдвинулось с мертвой точки и заработало стремительно. Заявляемые мной ходатайства стали удовлетворяться. Прошло чуть больше 3 месяцев и Постановлением старшего следователя следственного отдела по г. Пятигорск, Следственного Управления Следственного комитета РФ по Ставропольскому краю Борсова Э. З. от 13.07.2015 года в отношении Бориева А. А. уголовное пресле-

дование по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 105 УК РФ, прекращено по основаниям, предусмотренным п. 2 ч. 1 ст. 24 и п. 2 ч. 1 ст. 27 УПК РФ, т. е. за отсутствием в действиях состава преступления, и он освобожден из под стражи.

Время содержания под стражей Бориев А. А. в ФКУ СИЗО № 2 г. Пятигорска составило более 6 месяцев.

Все это время он был оторван от семьи, родственников и друзей, находился в другом регионе, где его даже не могли навестить близкие люди, содержался в ужасных условиях, по 10—12 человек на 20 кв. метрах.

С первого дня Бориев А. А. утверждал в своих показаниях, что не совершал вменяемого ему преступления, однако, ни следователь, ни руководители следственного отдела, ни прокуратура, ни суд его не слышали. За все пребывание в статусе обвиняемого со стороны следственных органов шло непрерывное давление, предлагали признать вину, заключить досудебное соглашение.

Но все, же есть справедливость на этом свете и она в конце концов победила. Справедливость восторжествовала!

ДЕЛО ОДНОГО КАПИТАНА¹

Начало 2016 года, опытный адвокат нашей коллегии предложил взять под защиту капитана речного судна, обвиняемого в краже дизельного топлива в составе организованной группы.

Будучи даже не молодым, а новорожденным адвокатом, на заманчивое предложение отвечено согласием, и вскоре состоялась первая встреча с доверителем.

Капитан — Иван Николаевич рассказал, что в ноябре 2015 года сотрудники полиции при поддержке ОМОНа устроили показательное задержание на территории Хабаровского речного порта, после чего привлекать к уголовной ответственности начали порядка 20 человек за хищение дизельного топлива путём экономии, в частности моему капитану вменяли около 6 тонн экономии за 3 месяца навигации.

Подзащитный сразу уточнил, что он уже был в полиции «на Волочаевской» (подразделение УМВД России по Хабаровскому краю, где дислоцируются оперативные службы и одновременно ИВС), и дал признательные показания, так как он был после поминок родственника, а следователь обещала поместить в СИЗО, если капитан откажется «сотрудничать со следствием».

Исходя из предыдущего опыта работы, было понимание, что все доводы Ивана Николаевича, при всём к нему уважении, будут расценены в «пользу бедных», и протоколы с признательными показаниями будут приняты за основу в суде.

¹ В картотеке Индустриального районного суда г. Хабаровска настоящая история находит отражение в уголовных делах № 1-108/2017, 1-75/2018, 1-25/2019, в гражданском деле по возмещению морального вреда в рамках реабилитации № 2-4175/2019.

Чуть позже появилась информация, что в деле есть два «досудебщика», которые дают показания, в том числе и против моего подзащитного.

Исходные вводные были откровенно не в пользу капитана, но поручение принято, дело первое, хотелось его отработать по максимуму.

Углубившись в детали произошедшего, стало понятно, что даже сугубо математически с учетом технических характеристик двигателя речного судна, специфики его работы, было невозможно сэкономить по 2 тонны топлива 3 месяца подряд.

Понимание основывалось на техническом паспорте судна, сведений судовых журналов, о чем было сообщено следователю в ходе первого допроса.

Внимательно выслушав измененные показания Ивана Николаевича, основанные на математических расчетах и судовых журналах, следователь сказал: «Зря вы так делаете, только хуже будет, признались бы, получили бы свой условник и разошлись».

Я, надеясь на недавние служебные отношения, пытался донести до бывшей поднадзорной, что надо бы экспертизу назначить, провести тщательное расследование, чтобы «случайно» невиновного не посадить, на что мне было отвечено: «У меня **ноль** оправданных, и ни одного не прибавится».

Такая прыть следователя не обрадовала, и её внимание дополнительно обращено, что из судовых журналов следует, что Иван Николаевич в дни бункеровки (заправки топливом) на судне не находился, а был его сменщик. «Не затем гоняетесь» — сказал я следователю, на что мне отвечено: «Знаю я всё, журналы поддельные, все они топливо воруют, признался же в начале, всё хорошо было, а тут как платный адвокат, так начинается».

Стоит ли говорить о том, что в заявленных ходатайствах о назначении судебных экспертиз (технической, почерковедческой) было отказано¹, думаю, что это уже некий «стандарт следственной работы» — во всем стороне защиты отказать.

¹ Самостоятельно привлечь специалистов для проведения исследования не представилось возможным из-за тяжелого материального положения подзащитного.

С течением судопроизводства в копилку доказательств вины прибавилось хитрое заявление директора Хабаровского речного порта — «Ущерб предприятию не причинен, перерасхода топлива нет, но если докажете, то иск заявим».

Очные ставки, проведенные с лицами, заключившими досудебное соглашение о сотрудничестве, закончились весьма необычно: досудебщики поддержали ранее данные показания, но сказали, что Ивана Николаевича толком не знают, так как он на предприятии даже одну навигацию не отработал.

В итоге окончательное формулировка обвинения выглядела примерно так: «Будучи должностным материально ответственным лицом, группой лиц по предварительному сговору с участниками организованной группы совершил хищение путем присвоения 6 тонн дизельного топлива».

Так дело и отправлено в суд для рассмотрения по существу¹.

Честно сказать, оптимизма при уведомлении о дне судебного заседания не было, к тому же дело отдали на рассмотрение судье, не допускающему в своей карьере оправдания. Принцип судьи таков: «Если дело в суд направили, значит не просто так, невиновных в суд не направляют».

С другой стороны, скепсис в доводах подзащитного о непричастности, сменился на уверенность в его невиновности, ведь и математика на нашей стороне, да и алиби в конце концов есть. Однако, что делать с первичными «признательными протоколами» было не понятно. Ещё раз обсудив нюансы похода «на Волочаевскую», Иван Николаевич сказал, что в ходе этих допросов адвоката не было, точнее его допросили, а потом пришел адвокат и подписал.

В чудеса верить не приходится, на них лишь надеемся, но в этот раз чудо произошло — УМВД России по Хабаров-

¹ Одновременно в суд направлены уголовные дела другого капитана, участие которых в организованной группе («основном деле») не подтвердилось, а также в отношении лиц, заключивших досудебное соглашение о сотрудничестве.

скому краю не только «нормально» ответило на мой адвокатский запрос, но и предоставило копии постового журнала подразделения на «Волочаевской».

И действительно, первый защитник капитана в здание прошел примерно через час с момента начала допроса (согласно записи в протоколе), то есть установлено очевидное нарушение уголовно-процессуального закона — допрос в отсутствие адвоката.

Тактически принято решение сразу ответ в суд не предоставлять, так как пришёл бы допрашиваться следователь и с честными глазами сказал о чётком соблюдении УПК РФ при допросе капитана, допущенной ошибке полицейского, фиксировавшего проход в здание. Поэтому ответ оставлен в качестве козыря.

Судебное разбирательство проходило по «классическому сценарию»: во всех ходатайствах стороны защиты отказать, показания допрошенных свидетелей огласить (даже в случае отсутствия противоречий) и так далее. Стадия процесса подходила к допросу подзащитного, и вдруг суд ставит на обсуждение вопрос о возврате дела прокурору примерно по тем же мотивам, о которых на стадии предварительного слушания говорила сторона защиты, а прошло уже около 8 месяцев судебного следствия.

Мы возражали, так как предложение суда вернуть дело основывалось не на нарушениях уголовно-процессуального закона, допущенных при составлении обвинительного заключения, а в связи с отсутствием достаточного количества доказательств виновности.

Естественно, судья просто так не ставит на обсуждение подобные вопросы, и решение об этом было принято до дня заседания. Дело вернули. Что делать дальше?

С одной стороны, возврат дела прокурору — это вроде как победа адвоката, и практически оправдательный приговор. Радоваться надо. С другой же было понимание, что направлял дело в суд заместитель прокурора края, который себя непрофессиональным явно не считает. Также «основное дело» только готовилось к направлению в суд, а приговор по додсудебникам ещё не постановлен.

Поэтому применение статьи 237 УПК РФ в нашем случае казалось больше отвлечением внимания, и когда всех «просудят», обвинение моему капитану подкорректируют и заново направят в суд, но уже с преюдициальными фактами.

Однако 2% оправдательных и вероятность «озлобить» суд также находились на весах принятия решения. Сомнения сеяли и некоторые коллеги, говоря что как бы хуже не стало для капитана.

Обо всех возможных вариантах развития событий мы разговаривали с Иваном Николаевичем, и примерно на седьмые сутки после «отказа судьи дальше рассматривать дело» он принял решение обжаловать возврат прокурору.

На удивление апелляция мою жалобу удовлетворила и направила дело на новое рассмотрение в ином составе суда.

Когда мы заново сели в процесс стало известно, что первый судья признал другого «выделенного» капитана виновным, то есть гипотеза о возможности «озлобить» суд нашла своё подтверждение, усилив опасения за судьбу подзащитного.

В этот раз нам досталась опытная судья, готовящаяся к отставке. Бытуют легенды, что перед отставкой судья может и оправдать, так как уже нечего бояться, к тому же к стороне защиты новая судья относилась более доброжелательно, хоть и отказывала также во всех ходатайствах, и оглашала все показания допрошенных свидетелей.

Спустя примерно 3 месяца апелляционная инстанция отменила упомянутый приговор по «другому выделенному капитану» и вернула дело прокурору края.

Наша новая судья, пожав на эту новость плечами и сказав: «Ну что теперь я могу поделать», скопировала текст апелляционного определения и повторно вернула дело моего капитана прокурору.

В этот раз подзащитный долго не думал, и уже примерно на четвертые сутки мы подали апелляционную жалобу.

Так получилось, что в судебную коллегия вошла судья, ранее, но в составе другой коллегии, отменившая обвини-

тельный приговор «другого выделенного капитана» и вернувшая то дело прокурору.

По этому мотиву нами заявлен отвод данной судье (пока что это единственный заявленный мной отвод судье), и после взятого перерыва этот отвод был удовлетворен.

Разумеется, особых надежд на повторную апелляционную жалобу не было, ведь уже есть «практика», и насколько же было наше с капитаном удивление, когда постановление о возврате дела прокурору отменили и опять вернули материалы в первую инстанцию в ином составе.

Перед началом третьего захода новый судья дал понять, что рассмотрит уголовное дело по существу, и мы начали всё заново: те же свидетели, те же оглашения показаний, те же отказы в удовлетворении ходатайств в назначении экспертиз. Сколько было заявлено возражений на действия председательствующего — не сосчитать.

На стадии допроса подзащитного прокурор естественно заявляет ходатайство об оглашении первичных протоколов с признанием вины, и это ходатайство удовлетворяется, но после этого суду предоставляется заранее (2 года назад) заготовленный козырь, подтверждающий отсутствие адвоката во время допроса.

Судья нахмурился, гособвинитель озадачился. Взяли перерыв. После документы приобщили и пообещали дать оценку в совещательной комнате.

В прениях гособвинитель просил суд признать капитана виновным (а что от них ещё ждать, не отказа же от обвинения по «краевому» делу), но самое гадкое — попросили назначить наказание в виде 4 лет лишения свободы реально, хотя оправдательный уже можно сказать напрашивался.

Надо понимать, что капитан уже пожилой человек, ранее не судимый, имеющий многочисленные поощрения за годы, проведенные в речном флоте, и являлось очевидным, что даже если и надо его подвергнуть мерам принудительного исправления, то сделать это условно.

В своих прениях он дрожащим голосом сказал пару фраз о своей невинности, отсутствии хоть каких-то доказательств и о том, что прокурору должно быть стыдно, после чего ни живой, ни мертвый сел на скамью.

Отстрелявшись, необходимо было как-то нормализовать состояние капитана, категорически отказывающегося от вызова скорой медицинской помощи. Побегав по кабинетам, нашелся сотрудник суда — «сердечник», давший манометр и таблетку «от давления», после чего капитана я отвёз домой к жене, которая является медиком. Вроде ничего страшного, просто *стресс*, сказала она.

Зная не понаслышке специфику работы гособвинителя и негласное взаимодействие между прокурором и судом, перед оглашением приговора я предложил капитану на всякий случай собрать сумку с вещами первой необходимости, ведь хоть доказательства вины и отсутствуют, но в 2% оправдательных ещё попасть надо.

Приговор оглашен — оправдать. У капитана слёзы и состояние радостного опустошения, да и у меня глаза на мокром месте были.

Апелляцию выстояли, в кассацию прокурор не пошел, а мы пошли за реабилитацией, потратив на неё более полугода, но взыскав все расходы на защитника, и 500 000 рублей морального вреда, что исходя из практики рассмотрения подобных дел было абсолютным рекордом в крае.

За годы судопроизводства капитан заметно постарел, не мог устроиться на работу, и, как признавался, был на грани суицида после «предложения» прокурора дать ему 4 года. Сейчас капитан уехал в небольшой поселок на севере Приморского края, где живёт тихой, размеренной жизнью вдали от всего происходящего безумия.

Эта история дала понимание, что уход из прокуратуры был не зря, что даже несмотря на всю безвыходность ситуации, необходимо бороться и верить в своего подзащитного, ведь увидеть слёзы оправданного — это высшая награда для адвоката.

P.S. В нынешних реалиях я не знаю чем бы кончилась история одного капитана, ведь 2% оправдательных в крае трансформировались в 0,002%, исходя из официальной ста-

тики Хабаровского краевого суда за первое полугодие 2023 года.

После Ивана Николаевича у меня в практике удалось добиться лишь ещё одного оправдания, но по уголовному делу частного обвинения, однако некоторым другим невиновным подзащитным не повезло, и они получили хоть и мягкое, но наказание и судимость.

Остаётся надеяться, что однажды история с пересмотром несправедливых и откровенно «притянутых за уши» обвинительных приговоров повторится, и все невинно осужденные будут реабилитированы. О таких делах мы не должны забывать, и тем более бросать подзащитных где-то в застенках судов наедине с правосудием, как бы оно имитационным не было, а наша помощь не казалась паллиативной.

ДЕСЯТЬ СЕКУНД

Я с Владиславом познакомился еще до судебного процесса. Человек удивительной судьбы и, к сожалению, трагической смерти. Он жил в городе Владимир на улице Комиссарова в высотном доме. Один из предпринимателей при строительстве дома увеличил себе высоту потолка до 4 с половиной метров, и лифт отказывался останавливаться на последующих этажах. Ни одно лифтовое хозяйство не могла это изменить, Владислав, смог.

А еще он был капитаном сухогруза и его единственное судно, из каравана судов, не подвергалось налету Сомалийских пиратов. На его борту не было никакого оружия, но он переделал судовую водяную помпу и мощная струя из нее, как муравьев, сбивала всех желающих подняться на это судно.

А еще он был селекционер. На каких-то травах сварил для своей сорокалетней жены чудодейственный крем, через три недели полностью разглаживающий все морщины на лице, руках и теле и никто не мог ей дать на вид более 25 лет. Но крем не продавал и не патентовал. Берег только для любимой жены. Да еще говорил своему единственному сыну, студенту физмата МГУ, что подарит такой крем его будущей жене.

Но основная его деятельность была связана с селекцией. Он часто задумывался, почему так много приходится вносить в почву навоза. Тонны дурно пахнущей органики ежегодно привозились фермерами и садоводами на свои поля и огороды. Земле нужны минеральные вещества, которые содержатся в этом навозе. Почему же не сделать, по принципу изготовления витаминных драже, экстракт этих необходимых для роста растений веществ?

И придумал. Запатентовал очень умело: указал выжимки из навоза и гумуса калифорнийского червя в твердых параметрах. Все остальное, так называемую добавку, держал у себя в голове. Испытал «навозные витамины» на полях, и когда

садоводы и фермеры поняли, что от щепотки «витаминов» внесенных в почву, так кой же эффект, как от тонны навоза, к Владиславу выстроилась очередь, желающих купить столь совершенный продукт.

Беда в его дом пришла незаметно. Была у его жены родственница, двоюродная сестра, районный прокурор.

У прокурора маялся бездельем двадцатилетний непутевый сын. И попросила прокурор, увидев, как хорошо пошли дела у Вячеслава, устроить ее сына к нему в помощники.

Владиславу помощник был нужен и он согласился.

Сначала помощник рьяно взялся за дело. Он грамотно заключал договоры с фермерскими хозяйствами. Умело рекламировал продукцию. Но в конце года Владислав провел ревизию и не обнаружил на складе мешка «витаминов» на сумму нескольких миллионов долларов.

Подозрения пали на помощника. Помощник не сознался. И Владислав уволил помощника, напоследок объяснив, что без секретной добавки, которая находится у него в голове, похищенный мешок стоит не больше мешка древесного угля. Вреда не принесет, но и пользы тоже будет немного.

Говорили родственники жены Владислава, что помощник очень обиделся на бывшего хозяина, так как потерял прибыльную должность, и обещал отомстить при первом удобном случае.

А еще говорили, что связался бывший помощник с криминальными кругами и через мать прокурора, за деньги решал многие проблемы, возникавшие у новых друзей.

Первый удобный случай подвернулся через год. Машину бывшего помощника обстреляли неизвестные. Сидевшая в машине женщина погибла, а бывший помощник был ранен и стал инвалидом.

В заявлении на имя прокурора потерпевший указал на предполагаемого преступника — Владислава.

И хотя Владислав привел в подтверждение своей невиновности троих свидетелей, его арестовали и этапировали в соседнюю область, обвинив в организации убийства женщины и ранения бывшего помощника.

В судебном процессе с участием присяжных заседателей помощник сидел на скамье потерпевших и, похоже, искренне верил, что стрелять в него мог только Владислав.

Он мне говорил, что я украл у него товар на несколько миллионов долларов. Да за такие бабки любой, кого угодно может грохнуть!

В качестве свидетеля обвинения выступала и мать помощника. На жесткие вопросы адвоката, почему она продала на другой же день машину сына, хотя в силу своей профессии, обязана знать, как нужно распоряжаться вещественными доказательствами, нервно отвечала:

— Не знаю, не думала. Отвяжитесь от меня, мне некогда, у меня свои судебные процессы, а вы пристааете со своими вопросами.

Одним из самых весомых доказательств был телефонный звонок матери потерпевшего Вячеславу. Об этом звонке свидетель сказала, что она сообщила Владиславу о предстоящей поездке его сына на машине.

Обвиняемый при его допросе говорил, что такого сообщения ему не было.

Адвокат обратил внимание на продолжительность этого звонка — 10 секунд.

И сначала спросил свидетеля: при телефонном звонке, Вы представляетесь? — Да, конечно! — Говорите или нет, добрый день или доброе утро? — Да. Конечно, я же воспитанный человек!

— Что Вы сказали Вячеславу? — Я сказала ему, что мой сын выезжает 25 июля в 11 часов утра с моей подругой Елизаветой Владимировной на машине Тойота-Камри.

На другой день, адвокат купил недорогие большие часы с красной секундной стрелкой и, держа перед присяжными эти часы, включил их.

Как только начала двигаться секундная стрелка, адвокат стал произносить: «Доброе утро, Владислав Валерьевич! Это Вас беспокоит Валентина Игоревна».

Все! Секундная стрелка остановлена. Прошли 10 секунд! Присяжные засмеялись.

Верховный суд оставил оправдательный приговор без изменения, а жалобу бывшего помощника без удовлетворения.

Ровно через два года, в день нападения на помощника, Владислав был застрелен выстрелом в спину.

У бывшего помощника было стопроцентное алиби. Он в этот день находился под арестом в местной полиции за совершение первого в его жизни мелкого хулиганства.

Убийца самородка-селекционера найден не был.

Вдова по-прежнему выглядит очень молодо и привлекательно. Сын пытается найти секретную добавку, но, похоже, безрезультатно. Через три года во дворе бывшего помощника, в собачьей конуре, нашли мешок с «витаминами», но за ненужностью выкинули на помойку.

Секрет добавки покоится в земле.

ОДНА ИСТОРИЯ ИЗ АДВОКАТСКИХ БУДНЕЙ.

В 2019 году мне посчастливилось принять участие в защите одного из трех подсудимых, которого обвиняли в убийстве группой лиц по предварительному сговору из корыстных побуждений.

Судебный процесс проходил с участием присяжных.

Вот это дело! — подумала я.

Первый мой поход в СИЗО, первое «экспресс свидание», первое вкушение «сизошной романтики». Кстати, к слову, мой подсудимый был писателем и написал роман о появлении в его деле «адвокатессы», которая дала ему надежду на освобождение.

Хочется верить, что на это повлияла моя профессиональность, а не пол.

Вернёмся к истории.

Дело обстояло так.

Трое мужчин приехали на склад к своему «другу-бизнесмену» (далее — мистер Д). Как оказалось, для кого-то он был начальник, для кого-то «золотой курочкой», для кого-то и правда, другом.

Приехав поговорить, один из подсудимых (назовем его Х) зашел в маленькую каморку без окон к мистеру Д. Двое же других (в том числе мой доверитель) бродили в тот момент по складу и раздумывали, как бы его переоборудовать.

Вернувшись минут через 30 в каморку, они увидели следующую картину.

Мистер Д лежал на сломанном компьютерном кресле (на колесиках) на полу. Не дышал. Мистер Х бегал вокруг него, судорожно пытаясь понять, что дальше делать. Он его удушил. Удушил проводом от зарядки и сломал гортань (видимо, когда падал на него).

После недолгих размышлений, его тело запихнули (именно так) в большую клетчатую хозяйственную сумку, залили труп монтажной пеной, отвезли в лес и закопали.

Наша задача была доказать присяжным, что наш подсудимый не участвовал в убийстве, он не находился в камере в тот момент, когда произошло удушение. Да, он помогал скрыть труп, но не убивал и не планировал даже этого.

И тут меня осенило.

Размеры! Именно!

Размеры нашего подсудимого на момент убийства были огромными! Он был «в теле». Он просто не мог поместиться в том помещении между мистером Д и Х.

Слишком мало место для такой борьбы.

Следующий шаг было снять размеры помещения. К тому времени склад уже переоборудовали в спортивные залы для танцев. Кажется, для стрип-денса.

Склад находился под охраной. Поэтому попасть на территорию без «приглашения» оказалось довольно сложно.

И здесь у меня возник план (законный).

А что, если записаться на танцы и снять размеры, да и посмотреть расстановку складских помещений.

Тогда я записалась на пробное занятие на танцы. Надо сказать, танцор из меня так себе. Пробравшись в помещение, я поняла, что лифт (на котором спускали труп) забаррикадирован. Помещения переоборудованы. А нужная нам камера закрыта, так как там хранили инвентарь.

Следующие полтора часа мне пришлось вникать в танцевальные номера и параллельно рисовать картину склада в своей голове. Мысль о том, как зайти в ту самую камеру меня не покидала. Ведь я должна это сделать, всего лишь снять размеры. Иначе ради чего все это затеяно.

Когда занятие подошло к концу (а оно было не из лёгких) я решила, что надо действовать.

Тогда я подошла к стойке регистрации и оплатила занятие. Завела отвлеченный разговор с девушкой, который плавно перетек в разговор о возможности запустить меня в камеру на пару минут.

Тут она поняла, для чего я пришла и что от нее хочу. Мне показалось, что она немного расстроилась, что я так потребительно отнеслась к занятию. Да и от визитов следователей они уже подустали.

После 15-минутного диалога и моих убеждений в необходимости этих самых размеров, она дала мне две минуты на все мои делишки.

Зайдя, я тут же нарисовала схему каморки, с помощью строительной ленты сняла мерки комнаты. Чувствовала себя акробатом, держа один конец ленты рукой и другой — ногой.

Но дело было в шляпе.

Я поблагодарила ее и подбодрила, что возможно, она спасла жизнь одного человека.

К сожалению, схема нам не особо помогла, и присяжные вынесли обвинительный вердикт.

Но это уже другая история...

ЗОЛОТАЯ РЫБКА

В качестве вступления

К зданию суда подъехал полицейский уазик. Машина была явно не новой, и она по-стариковски сильно тарахтела на всю улицу. Уже минут двадцать я ждал начала процесса, и откровенно скучал. Как назло, Интернет в моём телефоне почему-то работал с перебоями, и я волей-неволей изучал объявления, развешенные на стене при входе в суд. Недовольное громкое урчание старенького автомобиля было хоть каким-то событием, которое отвлекло меня от изучения правил поведения при коронавирусной инфекции. Я посмотрел в окно.

Из машины бодро вышел сотрудник полиции, в руках у которого находились два объемных черных полиэтиленовых пакета. Пакеты эти скорее были похоже на мешки. Как правило, в такие пакеты складывают мусор после весенних субботников, и эти мешки-пакеты потом долго стоят у дороги пока коммунальные службы их не увезут.

Судя по тому, как полицейский нёс эти пакеты, их содержимое было достаточно тяжелым. Один был заполнен почти полностью, другой — примерно наполовину. Сотрудник полиции быстро поздоровался с дежурившими приставами, прошел через рамку и поднялся по лестнице на второй этаж, где скрылся от моего взора.

Я дальше пройти не мог, действовали коронавирусные ограничения, и все «обычные» посетители кучковались в небольшом судебном холле перед пропускной рамкой. Через несколько минут сержант полиции вышел уже без мешков, машина вновь заурчала и уехала по своим делам.

Предыстория. Фабула дела

В этом здании суда я был впервые. Процесс проходил не в моём родном городе, а в глубинке — в области. Я со своим клиентом-доверителем добирался сюда из областного центра

где-то часа два. Он был за рулем, а я на месте пассажира любовался красивыми зимними пейзажами за окном. Вот и суд, приехали даже немного раньше назначенного времени. Я со снобизмом «столичного» жителя критически осматриваю здание суда. Здесь всего-то работают двое судей. В общем-то достаточно уютно, приставы вежливые, народу мало. Рядом небольшая центральная площадь, здесь же неподалеку и полицейский участок, где-то поблизости должна размещаться и прокуратура.

Приехали мы сюда потому, что мой доверитель ранее был осуждён мировым судьей за «незаконный вылов водных биологических ресурсов» (ч. 1 ст. 256 УК РФ) и ему было назначено наказание в виде обязательных работ.

Я не был в процессе у мирового судьи, приняв поручение на подготовку апелляционной жалобы и её рассмотрение в районном суде. Приговор мирового судьи был достаточно толстенький, и в нём подробно расписывалось на основании каких доказательств, и почему мировой судья пришел к выводу о виновности моего клиента.

Так или иначе, сам парень со всеми этими доказательствами был не согласен, он готов был броситься в новый судебный бой, уже в апелляционной инстанции, доказывая свою невиновность.

В приговоре я нашел ряд недостатков, которые, по моему мнению, не позволяли считать этот приговор законным, обоснованным и справедливым. В частности, меня удивило то, что ни на стадии дознания, ни в суде не было назначена ихтиологическая экспертиза. В тексте судебного акта и в материалах дела было указано, что изъяты рыба вида «карась, линь, лещ».

«Но позвольте, — задался я вопросом в апелляционной жалобе, — о видовой принадлежности рыб говорят все: и свидетели (охранники), и сотрудники полиции, и понятые. Но некоторые из свидетелей используют наименование «подлещик», а некоторые говорят только о «карасях». Познания свидетелей, дознавателя, мирового судьи в области рыбоводства носят обыденный характер, и не являются научными, а значит, они все могут ошибаться. Необходимо экспертное мнение профессионала-ихтиолога, который точно укажет: какой вид рыбы был выловлен. Без этого невозможно установить вину

подсудимого. Это еще важно и потому, что гражданский иск был удовлетворен, а на каждый вид рыбы предусмотрена своя такса для оплаты».

Не скрою, мой расчет строился на том, что предполагаемое событие преступление произошло уже больше года назад. Никакая рыба за это время в более или менее приемлемом виде сохраниться не могла, а значит и не могла быть назначена какая-либо экспертиза. А все сомнения, как известно, толкуются в пользу...

В жалобе я также указал ещё на ряд других ошибок дознания и суда, которые должны были привести к отмене обвинительного приговора.

Судебный процесс. День первый

Наконец, меня и моего подзащитного пригласили в зал. Рядом с прокурорским столом аккуратно стояли два черных мешка-пакета, которые минут десять назад в суд принес сотрудник полиции.

Судебное заседание началось. И после обычных формальностей судья задаёт вопрос: есть ли у кого-нибудь из участников процесса ходатайства?

«Да,— отвечает прокурор,— прошу допросить специалиста-ихтиолога и осмотреть рыбу, изъятую у подсудимого такого-то числа».

«Ваша часть,— парирую я,— но суд апелляционной инстанции не может принимать новые доказательства. Пусть прокурор объяснит: что же мешало это сделать при первоначальном рассмотрении дела?»

И здесь прокурор выдает фразу, которая меня, мягко говоря, удивила. «Дело в том,— говорит он,— что вопрос о видовой принадлежности рыбы поднял только адвокат в своей апелляционной жалобе. Я не принимал участие при рассмотрении дела у мирового судьи, и почему там не обсуждался этот вопрос, я ответить не могу».

И ещё больше меня удивила судья, которая сразу же после слов прокурора удовлетворила его ходатайство и приняла решение допросить явившегося ихтиолога и осмотреть представленную рыбу.

В зал вошел интеллигентного вида молодой человек. Он назвал свое имя. Доцент кафедры ихтиологии, кандидат био-

логических наук. Документы проверены. Может пояснить о виде рыб.

Прокурор подошел к мешкам. Первый мешок, тот, что полон наполовину, запечатан белой нитью с биркой, на которой указано «Отдел дознания. Уголовное дело № . Дата, подпись дознавателя».

«Вскрывается пакет,— торжественно произнес прокурор,— внутри пакета находится рыба». Судебный зал стал постепенно наполняться легким запахом тухлятины, впрочем, вполне терпимым. «Я полагаю,— продолжил прокурор,— что нет необходимости доставать каждый отдельный экземпляр для осмотра, достаточно чтобы специалист просто посмотрел в мешок и сказал свое мнение о рыбе».

Я уже было хотел возразить, но судья меня опередила. «Доставайте и предъявляйте каждую рыбину отдельно,— строго сказала она, глядя на прокурора. Тот понял, что худшего варианта избежать не удалось. Прокурор снял пиджак, закатал рукава рубашки и опустил руку в глубины мешка. «Достаётся первый экземпляр рыбы,— также торжественно сказал он. И достал тушку какой-то рыбы, положил её на пол прямо у ног специалиста.

«Поясните, пожалуйста, вид этой рыбы и по каким признакам вы определяете, что это именно этот вид рыбы, а не иной»,— спросила судья специалиста.

«Это рыба карась,— ответил ученый,— типичный обитатель рек нашего региона. Его можно опознать по такой-то форме тела». И вкратце специалист объяснил всем присутствующим как выглядит волжский карась.

«Достаётся второй экземпляр рыбы»,— произнес прокурор, вновь опуская руку в мешок. «Это рыба линь»,— не дожидаясь вопроса, сказал специалист. И объяснил всем присутствующим особенности строения тела линя. И так продолжалось сорок раз. Прокурор доставал рыбину, а специалист объяснял её видовую принадлежность.

Наконец, прокурор объявил, что рыба в мешке закончилась и показал всем пустой пакет. На судейском полу в четыре ряда лежали экземпляры рыб: караси, лещи, лини. Рыба была полупротухшей и грязной.

Судья дала команду убирать рыбу обратно в мешок. Наступила полная тишина. Прокурор работал в одиночестве, пере-

брасывая рыбу в пакет. На полу осталась большая лужа грязи, состоящая из рыбьей шелухи, подтаявшего льда, остатком тины и тому подобное.

«Хорошо,— сказал я,— с одним пакетом разобрались. Осталось выяснить, что во втором мешке и какое он имеет отношение к данному делу».

Прокурор управился с рыбой и подошел ко второму мешку. «Каких-либо поясняющих надписей на этом мешке нет,— удивлено произнес он.— Мешок открыт, внутри можно увидеть рыбу, но извлечь её не представляется возможным, так как рыба заморожена в лёд. Это один сплошной кусок льда с замороженной рыбой внутри него».

Далее прокурор попросил объявить перерыв, так как ему необходимо привести себя в порядок и, кроме того, необходимо протереть пол и смыть с него следы от осмотренной рыбы. Перерыв был объявлен. Несмотря на зиму за окном, секретарь суда открыла окна для проветривания. Пришла уборщица с половой тряпкой и ведром воды. Она ничему не удивилась, просто вымыла пол в зале суда.

После перерыва судья удовлетворила ходатайство прокурора о вызове в суд дознавателя для объяснения появления второго мешка с рыбой в процессе и объявила об отложении заседания в связи с окончанием рабочего времени.

Судебный процесс. День второй

Молодую девушку с погонями капитана я встретил в холле суда. Мы сразу же поздоровались, хотя раньше друг с другом ни разу не встречались.

Начался судебный процесс. «Видите-ли в чем дело,— уверенно начала дознаватель свои объяснения в суде,— произошла небольшая ошибка. Когда я узнала, что в суд необходимо предоставить рыбу по данному делу, то я заранее дала распоряжение своим сотрудникам разморозить рыбу, чтобы её можно было достать из мешка. Но сотрудник, который утром забирал мешок из холодильника чтобы отвезти в суд, не знал какой мешок нужно забрать. И он взял два мешка: с замороженной и неразмороженной рыбой. Мы здесь недавно тоже поймали группу браконьеров. Так вот мешок с неразмороженной рыбой относится к тому делу. Извините,

что так получилось. Представление в суд второго мешка — досадная случайность».

«А как же вы будете доказывать виновность обвиняемых по тому делу? — наивно поинтересовался я. — Ведь мы же осмотрели тот мешок, он был просто открытый, никаких бирок, поясняющих надписей».

«Бирка была, — заверила меня девушка в погонах, — просто, наверное, в холодильнике потерялась».

«Ну бог с ним, с этим мешком, — примиряюще произнес я, — расскажите, как вы со свидетелями проводили проверку показаний на месте? Проверка показаний была проведена с восемью свидетелями в один день».

«Нормально проводила, — удивленно сказала дознаватель, — собрались все вместе у отдела полиции, потом поехали на озеро, там каждый из свидетелей рассказал и показал, как все происходило».

«То есть вы со всеми свидетелями выехали одновременно? Их же было восемь человек, — уточнил я».

«Нет, — начала догадываться дознаватель, — я на озеро с каждым ездила отдельно».

«А что вы имели в виду, когда сказали, что «собрались все?» — не унимался я».

«Ну все свидетели подошли к отделу полиции в 10 утра, — как-то неуверенно произнесла девушка. — Дальше я взяла одного из них, и мы поехали в сторону озера».

«А что делали остальные свидетели, пока с одним из них вы ездили на проверку показаний?» — спросил я».

«Ничего не делали, — ответила дознаватель, — сидели в отделе полиции, могли уходить. И вообще, откуда я знаю, что они там делали?» Последнее предложение было сказано даже с некоторой обидой в голосе».

«Хорошо, — вновь примиряюще произнес я. — Я правильно понимаю, что вы брали одного свидетеля, садились с ним в машину и выезжали на берег озера, дорога до озера примерно полчаса, там вы проводили проверку показаний на месте (еще полчаса), и возвращались обратно. На каждого свидетеля, таким образом, у вас уходило примерно полтора часа?»

«Да, все верно, — охотно подтвердила сотрудница полиции, — в протоколах все подробно расписано».

«Замечательно, что вы напомнили о протоколах,— задумчиво сказал я.— Вот, согласно составленному протоколу, вы закончили проверку со свидетелем Петровым в 17.30. А, согласно следующему протоколу, вы начали проверку со свидетелем Сидоровым в 17.31. Поясните, пожалуйста, где вы находились такого-то числа в период времени с 17.30 до 17.31. Ведь, как следует из составленных вами протоколов, вы могли находиться в это время или на берегу водохранилища, заканчивая проверку показаний со свидетелем Петровым, или в 50 км от озера, на крыльце полицейского участка, только отъезжая со свидетелем Сидоровым на озеро».

Дознаватель растерялась. «Ваша честь,— обратилась она к судье,— это просто какая-то ошибка, опечатка. Протоколы были составлены абсолютно правильно. И вообще,— здесь её голос стал строже,— я обязана отвечать на вопросы адвоката? Меня пригласили в суд пояснить только откуда взялся второй мешок, а меня спрашивают про правильность составления протоколов».

«Отвечайте на вопросы адвоката»,— не менее строго произнесла судья.

«Я полагаю, что время указано ошибочно,— взяла себя в руки дознаватель.— В других протоколах указан промежуток в полчаса между окончанием проверки показаний с одним свидетелем, и началом проверки показаний со следующим свидетелем».

Судебный процесс был отложен в связи с окончанием рабочего времени.

Судебный процесс. День третий

Заседание вновь началось с ходатайства представителя прокуратуры. «Так как сторона защиты оспаривает тот факт, что рыболовная сеть— это браконьерский способ лова, то прошу допросить специалиста, который может это подтвердить. Явка его обеспечена».

«Ваша часть, прокурор пытается запутать суд и превратно толкует доводы стороны защиты,— отвечаю я на слова прокурора.— Напоминаю, что сеть была осмотрена в процессе дознания только дознавателем в присутствии понятых. Но никто из них не является специалистом по рыболовным сетям. Дознаватель должна была назначить экспертизу, чтобы

установить размер ячеи конкретной сети. Необходимо было понять: в этой конкретной сети могла застрять («объячеиться») конкретная рыба или нет? Сейчас это сделать уже невозможно. Кроме того, снова возникает снова вопрос: почему этот специалист не был допрошен у мирового судьи».

Вопросы остались риторическими. Суд удовлетворяет ходатайство прокурора.

«Я главный специалист такого-то отдела ведомства, которое занимается сохранением водных биологических ресурсов. По образованию юрист. Могу пояснить по поводу действующего законодательства в области рыбоохраны, в частности то, что сетью пользоваться нельзя»,— говорит приглашённый юрист.

«Минуточку,— вскакиваю я со своего места.— Полагаю, что суд не нуждается в разъяснении ему (суду) вопросов права и смысла нормативно-правовых документов. Это раз. Во-вторых, ваша честь, смотрите: постановлением дознавателя ведомство по сохранению водных биологических ресурсов признано потерпевшим по данному делу. Представитель этого ведомства давал показание в суде первой инстанции в качестве потерпевшего. В пользу этого ведомства был удовлетворен гражданский иск. И вот сейчас у нас приходит такой же представитель этого же ведомства и говорит, что он является специалистом. То есть это ведомство в лице своих двух представителей одновременно является и потерпевшим по делу, и специалистом, разъясняющем суду вопросы права. Такое же не может быть!».

Может. Суд продолжил допрос юриста, который подтвердил, что сеть является запрещенным орудием лова. По поводу ячеи сети, а также по вопросу могла ли в этой ячее застрять рыба, юрист ответил однозначно: да, могла, хотя, конечно, рыбоводом он не является и сеть эту видит в первый раз.

Далее были исследование доказательств, прения сторон. Я попытался суду еще раз напомнить о всех недостатках дознания, убеждал суд апелляционной инстанции, что мировой судья при таких существенных нарушениях закона не мог прийти к выводу о виновности моего клиента.

Наконец, судья удалилась в совещательную комнату. Надежда на благополучное завершение дела продолжала тлеть в моём сердце. Но спустя час судья вернулась. И... «В удов-

летворении жалобы такого-то отказать, приговор мирового судьи оставить без изменения».

Послесловие

Затем была написана и подана кассационная жалоба. Спустя время было стандартное пятнадцатиминутное заседание суда кассационной инстанции. Из них минут пять выясняли анкетные данные моего доверителя, ещё минут пять-семь ушло на пересказ жалобы, пять-семь минут отводилось на речи прокурора и адвоката, затем суд удалился в совещательную комнату.

Все судебные акты оставлены без изменения, кассационная жалоба без удовлетворения... Мой клиент смирился со своей участью и обжаловать приговор дальше уже не хотел.

Позднее мы с ним несколько раз созванивались. Обязательные работы он отбывал на предприятии, работа на котором, по местным меркам, является очень престижной. Это кладбище. «Туда просто так с улицы не берут»,— говорил он мне.

Он добросовестно исполнял свои обязанности и после окончания срока обязательных работ ему предложили остаться на этом предприятии в качестве официального работника, с заработком значительно большим, чем он зарабатывал до этого. «Не расстраивайтесь,— сказал он мне, когда я вновь поднял тему прошедших судов.— Всё это в прошлом. И всё закончилось хорошо».

ПРАВОСУДИЕ РАДИ ОТЧЕТНОСТИ

Дорожно-транспортные и некоторые другие дела занимают значительное место в следственно-судебной практике. Практика их расследования и рассмотрения нередко вызывает недоумение.

Не так давно в Электростальский городской суд Московской области было направлено довольно хлипкое уголовное дело по ч. 1 ст. 264 УК РФ, суть которого заключалась в следующем.

В зимнее время на абсолютно неосвещенной дачной дороге водитель черной «Волги» гражданин Республики Молдова остановился посередине проезжей части, где его две пассажирки, гражданки Республики Узбекистан, вышли из машины и находились за ее задним бампером. В это время студентка медицинского института Королева за рулем своей машины следующая в попутном направлении, по условиям видимости и обзорности их не видела, но применила торможение на препятствие и, находясь в заносе транспортного средства, когда водитель лишен возможности влиять на управление, совершила наезд на этих двух пешеходов и стоявший автомобиль, у которого не горело ничего — ни фары, ни габариты, ни всякие там стоп-сигналы. Как пояснил в судебном заседании инспектор ДПС, даже самый крутой «Джип» с самой совершенной системой торможения на той дороге, где был сплошной лед, не сумел бы затормозить и тем более своевременно остановиться.

Право на защиту обвиняемой было грубо нарушено при проведении проверки показаний на месте. Важное следственное действие, а по сути следственный эксперимент с участием обвиняемой, от которого во многом зависит результат по делу, проводилось в отсутствие защитника, тем более, Королева пояснила в судебном заседании, что следователь «давил» на нее, требуя получения именно тех исходных данных о видимости препятствия и взаимных расстояний, необходимых

обвинению, в погодных, дорожных и иных условиях, не соответствующих обстоятельствам ДТП.

Такова была фабула и обстоятельства расследования этого достаточно простого уголовного дела, по которому состоялось 13 судебных заседаний и в конце концов был вынесен оправдательный приговор, история которого достойна отдельного изложения, потому что хорошо показывает пресловутую «эффективность» российского судопроизводства, о которой много говорят руководители судебной системы.

Дело рассматривал заместитель председателя городского суда, имеющий серьезный опыт следственной работы именно по делам о ДТП, физически мощный, крепкий, даже фундаментальный, все понимающий и знающий, всем своим солидным и немногословным видом олицетворяющий саму суть правосудия.

К адвокату он, естественно, относился как к досадному недоразумению, и действовал в интересах стороны обвинения. Не менее опытная прокурор в звании старшего советника юстиции, по слухам ранее работавшая аж в Генеральной прокуратуре, была уверена в исходе дела, довольна и особо не напрягалась. Однако оценка доводов защиты со стороны прокурора была весьма конкретной, торопливой, нервной и очень эмоциональной. Дословно: «Нарушения УПК — одно мнение, и все. Нарушений УПК следствием допущено не было. Нарушения не указаны. Здесь нет никаких нарушений. Что было нарушено? Ничего! Не указано ни одно нарушение!». На вопрос председательствующего: «Выказаться? Согласна! О назначении САТЭ? Оценить исходные данные? Где они взяты? Согласна!»; далее: «И мнение свое высказывать не могу, потому что не указаны нарушения. Не корректно! Все! Мне надо время, чтобы подготовиться»; или «Ходатайство неправильно записано. Там не о чем говорить!».

Тем не менее на все эти сумбурные высказывания председательствующий спокойно сказал: «Так мотивируйте всё. А Вы пулынули мне и всё. Одними там наскоками всё. Я же должен обеспечить состязательность сторон».

Защитник подсудимой Королевой, и без того уже давно разочаровавшийся в профессии и избранном пути, напряженно искал решение этой, в общем-то, обычной в наше правовое время юридической ситуации и не находил выхода.

Защитник подсудимой, который однажды пришел в АПМО с вопросом «что делать», и которому руководство рекомендовало хорошо знать, изучать нормы материального и процессуального права и уметь правильно применять их на практике, глубоко задумался и стал искать креативные подходы к делу, чтобы использовать некие нестандартные стратегии.

Можно было заявить отвод председательствующему «по иным основаниям», но самолюбивый судья, не терпящий возражений, рассматривающий заявленный ему же отвод, мог очень обидеться и посадить не только подсудимую, но и ее ретивого защитника.

Важно было убедить судью в наличии серьезных недостатков расследования, препятствующих вынесению обвинительного приговора, и в необходимости объективного рассмотрения дела.

С этой целью защитником подсудимой в порядке части 3 статьи 243 УПК РФ были подготовлены в письменном виде и оглашены в судебном заседании возражения на действия председательствующего.

В этом тщательно подготовленном документе защиты написано, что защита не может согласиться с действиями, решениями и репликами председательствующего в процессе по следующим основаниям.

1. «Заключение эксперта защиты не входит в перечень доказательств, предусмотренных законом». С таким доводом согласиться нельзя потому, что в соответствии с требованиями п. 2 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник вправе собирать и представлять доказательства, необходимые для оказания юридической помощи, в порядке, установленном частью 3 статьи 86 настоящего Кодекса; в соответствии с требованиями п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник вправе привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 настоящего Кодекса; в соответствии с требованиями ст. 251 УПК РФ вызванный в суд специалист участвует в судебном разбирательстве в порядке, установленном статьями 58 и 270 настоящего Кодекса.

2. «Вы толкаете суд для проведения САТЭ и препятствуете суду получить исходные данные». С таким доводом согласиться нельзя потому, что в соответствии с требованиями ч. 3 ст. 256 УПК РФ «Определение или постановление о назначении судебной экспертизы выносятся в совещательной

комнате и излагается в виде отдельного процессуального документа. Защитой уже давно в судебном заседании было заявлено ходатайство о признании доказательств недопустимыми, исключении их из совокупности имеющихся, признании некоторых доказательств обвинения доказательствами защиты, приобщении к делу документов и назначении дополнительной автотехнической экспертизы. На следующем судебном заседании заявлено письменное ходатайство о дополнении поставленных вопросов на разрешение САТЭ. Однако суд рассмотрел в соответствии с требованиями ч. 1 ст. 271 УПК РФ ходатайство о признании доказательств недопустимыми, признании доказательств обвинения доказательствами защиты, приобщении к делу документов, однако письменные ходатайства о назначении дополнительной экспертизы и дополнении поставленных вопросов оставил без рассмотрения, разрешения и оценки, чем нарушил требования ч. 2 ст. 256 УПК РФ и право подсудимой на защиту.

Иные доводы защиты, изложенные в мотивированном письменном ходатайстве, в том числе по предъявленному обвинению в изложенной следствием редакции, также оставлены судом без рассмотрения по настоящее время. В соответствии с требованиями ч. 2 ст. 271 УПК РФ суд рассматривает каждое заявленное ходатайство, удовлетворяет его либо выносит определение или постановление об отказе в удовлетворении ходатайства. Все эти требования уголовно-процессуального закона нарушены председательствующим по настоящему делу.

Полученное защитой заключение эксперта в качестве специалиста основано на данных, имеющихся в материалах дела. Эти данные не придуманы. Они получены в досудебном производстве. С учетом именно этих данных водителю Королевой предъявлено обвинение. Именно это обвинение утверждено прокурором города. Такое обвинение, основанное на имеющихся исходных данных, требует проверки экспертным путем, как и полученное защитой заключение специалиста. И тем не менее заключение специалиста (на данных обвинения!) свидетельствует о невиновности подсудимой (с технической точки зрения). Однако и здесь стороной обвинения и даже судом используется тактика умолчания, что является

недопустимым, так как грубо нарушает право подсудимой на защиту от незаконного и необоснованного обвинения.

Заявление же защитника подсудимой о нарушении судом принципов состязательности и равноправия сторон оставлено без рассмотрения.

Заявление подсудимой, в том числе и о том, что выводы специалиста учитывают те исходные данные, которые были получены в досудебном производстве, также оставлено судом без рассмотрения и оценки.

3. «Сторона обвинения не предлагает проверку ваших показаний как доказательство». Однако этот довод председательствующего является просто голословным, так как опровергается прежде всего обвинительным заключением, согласно которому «проверка показаний свидетеля Королевой» указана как доказательство обвинения, а ходатайство защиты об исключении доказательств в этой части оставлено судом без удовлетворения. Эти доводы защиты имели значения и потому, что по делу не было установлено даже место наезда на препятствие и пешеходов.

Другие доводы защиты на многих листах печатного теста содержали возражения на субъективное, в интересах стороны обвинения, мнение председательствующего по поводу проверки показаний на месте, следственного эксперимента и государственных обвинителей по настоящему делу.

Интересна реакция председательствующего, который сначала с некоторым удивлением, потом с небывалым вниманием слушал адвоката подсудимой, не выдержал, закричал: «Все! Хватит!» и нанес удар молотком по столу. Потом растерянно сказал: «Ну вот, молоток сломал из-за Вас», на что очередной прокурор, а они там менялись, не вникая в дело и не зная его простых обстоятельств, угодливо изогнулся и заявил: «Не расстраивайтесь, Ваша Честь,отремонтируем», на что рассмеялись все в зале и председательствующий тоже, в отличие от удивленного прокурора.

Председательствующий отложил дело, которое потом стало рассматриваться совсем по-другому. Возможно, на изменение рассмотрения дела и утрату председательствующим обвинительного уклона повлияло и поведение государственного обвинителя. Так, высказывая свое мнение по одному из заявленных ходатайств, предыдущий прокурор уверенно

заявила: «Место наезда было уточнено и приведено в соответствии с материалами дела». На недоуменный вопрос председательствующего: «Это как?», ответила: «Так!», села на стул и с гордым осознанием выполненного служебного долга посмотрела на окружающих. Председательствующий со словами: «XXI-й век, а мы следственную практику все ухудшаем и ухудшаем в сравнении с 50-ми годами прошлого века». На вопрос, не оговорился ли он, грустно ответил: «Да, именно с 50-ми годами прошлого века».

Защитой подсудимой был проведен анализ имеющихся доказательств, изучены обстоятельства рассмотрения дела судом и его результаты, после чего представлены письменные предложения по вопросам, разрешаемым судом при постановлении приговора, в порядке ст. 299 УПК РФ.

Вынесенный оправдательный приговор впоследствии по формальному и очень необоснованному апелляционному представлению прокурора был странно отменен судьей областного суда, после чего дело успешно потерялось. Однако отчетные показатели системы были сохранены.

Другая история произошла в Нагатинском суде Москвы по делу Родимушкина, обвиняемого в тяжком преступлении. Первый обвинительный приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение, в ходе которого надо было тщательно проверить все доводы защиты. Однако этого почему-то не произошло. Новый судья делал все, чтобы обосновать вынесение очередного обвинительного приговора. Не желая думать, как мотивировать, отказывая в письменных доводах защиты, он просто не стал приобщать к делу документы защиты и избрал следующую тактику: «Суд отказывает вам в приобщении вашего ходатайства. Заберите его! Как? Вы не желаете забирать ходатайство? Хорошо. Суд вернет вам его почтой». Потом председательствующий стал упрекать адвоката, что тот своими ходатайствами мешает судебному разбирательству, и вызвал судебного пристава. Минут через двадцать в зал судебного заседания прибыл суровый пристав, молодая девушка, «метр с кепкой», обвешанная своими дубинками, наручниками и всякими иными там спецсредствами. «Что тут происходит», — тонким голосом пропищала она. Да вот адвокат мешает вести процесс. Надо пресечь», — сказал судья. «А как?». Тут судья замолчал, наверное глубоко

задумался и понял, что перегнул. И сказал: «Наведите порядок!». «А как?», спросила пристав. «Адвоката что ли вывести. За что?», — опять тонким фальцетом спросила юная пристав. Возникла пауза, которую закончил судья: «Ладно, Вы свободы адвокат, надеюсь, понял». Теперь наступила очередь встрять адвокату: «А что я должен понять?». Опять пауза. Пристав ушла восвояси. Справедливое судебное разбирательство было продолжено...

И последняя адвокатская история из этой серии. Рассматривая дело по ч. 1 ст. 264 УК РФ экс-начальника Домодедовского ГАИ полковника милиции Устинова Б. И., судья, посмотрев видеозапись, свидетельствующую о невинности подсудимого, убедился, как он заявил, что «на этом носителе имеется запись», вернул запись и отказал в назначении комплексной видео и автотехнической экспертизы. Услышав заявление об отводе, сказал, что «суд будет привлекать адвоката к уголовной ответственности за оскорбление суда, так как адвокат записал, что суд извращает УПК». Однако потом, отложив дело, навязывая сторонам в который раз примирение, а дело тем и закончилось, в коридоре сказал адвокату: «Надеюсь, Вы понимаете», и протянул руку для рукопожатия. Что должен понять адвокат, он думает до сих пор...

Что же делать, чтобы всего этого избежать? Нужна ли здесь политическая воля? Безусловно. Но есть и другое предложение по изменению и совершенствованию российского судопроизводства.

Некоторые дорожные дела, которых становится все больше, например, такие, как простое дело водителя Королевой, необходимо рассматривать сразу судом без досудебного производства и так называемого предварительного расследования, которое далеко не всегда является объективным.

Тогда не будет многих месяцев предварительного расследования, 13-ти судебных заседаний и никому не нужного апелляционного производства, после которого никто не знает, что делать с делом и отмененным оправдательным приговором.

В чем будет суть судебного разбирательства по таким делам? Допрос участников и потерпевших, тем более в отсутствие свидетелей, которых иногда попросту нет, допрос инспекторов ДПС, оформляющих происшествие, выход на

место происшествия по необходимости, допрос эксперта-автотехника в судебном заседании и, в случае необходимости, назначение ему экспертизы, которая во многих случаях не нужна, потому что оценить ДТС может и суд, не обладающий некими специальными знаниями, и при этом нет никакой необходимости перекладывать ответственность, страховать свое процессуальное решение заключением эксперта-автотехника.

При получении так называемой расчетной части, эксперт-автотехник может выполнить ее непосредственно в судебном заседании, как например произошло по делу водителя Ханова в Реутовском военном суде. И такое решение эксперта устроило и прокурора и суд.

И это будет совсем не упрощение, в случае законодательного закрепления таких требований.

И еще необходимо отменить некий негласный запрет Следственного департамента МВД РФ на прекращение уголовных дел на стадии предварительного расследования, чтобы не загружать следователя бесперспективным расследованием, и суд ненужной работой по прекращению за примирением сторон очевидных в своей простоте и решении уголовных дел.